

РОМАН ШАТРАЛОВ

**НА ВСЮ ЖИЗНЬ
И
ПОСЛЕ**

Триллер с одной каплей крови.

Борис, юноша без работы и с необычной внешностью, решился на свою первую татуировку и обратился к загадочному мастеру. После нанесения тату жизнь парня кардинально изменилась, он стал частью мира, живущего в тени современного города. Его обитатели, уникальные существа со своими планами на новичка, а их общество умело затягивает Бориса в себя.

Сможет ли он остаться собой и сохранить жизни близких?

Конец света для всех людей ничтожен в сравнении с разрушенной жизнью одного человека.

Большой город напоминал бескрайний океан, по которому вместо моряков ходили люди. Они не могли увидеть то, что творится в его глубинах, будто смотрели на водную гладь, а она не пускала их дальше. Город был щелястый, изрезанный тёмными переулками и хранящий в себе пустоты. Обширная территория отдалила людей, даже тех, кто каждый день тёрся плечами в тесных автобусах и душном метро.

Люди стали шумом сами для себя, даже сейчас они не замечают, как вокруг них происходит бойня. Она случилась внезапно — в один миг невинные стали преступниками, приговорёнными к высшей мере наказания. На них охотились вчерашние друзья и знакомые, с которыми они этим утром здоровались, желали приятного дня, болтали и делились планами. К такому повороту не сможет подготовиться ни одна душа, невозможно даже вообразить себе приготовления к событию, в которое отказываешься поверить. Тем не менее, после этой показательной ночи подобная мысль надолго поселилась во множестве голов.

Винные старались убежать, но за углом их ждал неукротимый огонь и всепоглощающая тьма. Примерно, одному из десяти удавалось избежать вероломного наказания. Кому повезло меньше, могли наткнуться на слепящий свет и леденящий холод.

По одному из тёмных переулков, который был широким, холодным и безлюдным, бежала женщина с грудным ребёнком на руках, а рядом с ней мужчина. На них была одежда, которую они успели схватить, когда в спешке выбегали из квартиры. Мальчика, которому ещё даже не исполнилось и года, пришлось укутать с головой в серый шерстяной шарф. Молодая пара двигалась достаточно прытко, но их преследователь бежал ещё быстрее. На вид это был обычный мужчина крепкого телосложения в белой рубашке и брюках. Когда он приблизился на расстояние пары шагов, в его руках появился моток цепи. Мужчина сделал рывок и стегнул по лодыжкам сначала женщину, а затем и её мужа. Они упали одновременно; мать успела сгруппироваться и уберечь своё дитя от удара об асфальт. Падение обнажило головку мальчика с красным родимым пятном. Цепь исчезла, и на её месте появился чёрный револьвер, его дуло и камора барабана испускали слабый красный свет. Карающее оружие в татуированной руке было направлено в безразличные лица молодожёнов, только малыш начал морщить веки и лоб. Вот-вот раздастся его плачь.

Глава 1

Летний дождь заставил поредеть улицы большого города. Юноша в чёрной кожаной куртке, который только перешагнул порог совершеннолетия, куда-то торопился, перепрыгивая лужи на тротуаре. Голову покрывал капюшон, а воротником чёрной водолазки он закрыл лицо от назойливых капель, подгоняемых слабым ветром.

Местами вздувшаяся плитка под его ногами принимала на себя фонарный свет, искажаемый рябью от дождинок. Некоторые из этих фонарей, видимо, потухли навсегда. Но вывески бутиков и фары проезжающих мимо машин не позволяли нашему любителю чёрной одежды сбиться с пути или споткнуться о приподнятые плиты.

Оставалось пару кварталов до места, в которое спешил этот юноша. Бесцеремонное опоздание на десять минут было неизбежно. Учителя в школе стёрли языки, нёбо и зубы, ругая его за опоздания. Каждый день незримая магия, сглаз или заговоры не позволяли ему соблюдать расписание. Причины каждый день были разные, в основном, желание посидеть дома после завтрака с кружкой чая в руке и понаблюдать за двором. Нельзя отказывать себе в безмятежных удовольствиях ради своевременного начала тяжёлого трудового дня.

На этот раз причиной опоздания стала его сама любимая еда — пельмени ручной лепки. Кроме того, плотный ужин был обязателен и для его бабушки, с которой он прожил всю жизнь, и для сеанса, на который он сейчас спешил. В пельменях обычно утопал лишь кусочек сливочного масла, который плавясь, растекался по дымящемуся тесту, и больше никаких приправ и соусов не допускалось. Ему нравился первый кусочек с самым насыщенным и искренним вкусом. Подул немного, надкусил меньше половины пельмешка, и по рту вместе с каплями бульона растеклись мясные нотки. День пельменей был раз в месяц, можно сказать, что сегодня святой праздник — точно ничего плохого не должно было произойти.

Он не испытывал волнения или лёгких судорог в теле, обычно они проявляли себя в преддверии чего-то неизведанного. На душе было спокойно — это его решение и оно должно быть исполнено. Мысли о позднем возвращении домой причиняли больше беспокойства, потому что бабушка будет ругать его долго и мучительно. Он не думал о её переживаниях, в голове прокручивалась будущая лекция об опасностях этого мира и непослушании, переходящем все границы. Наш парень уже совершеннолетний, он чувствует себя взрослым, хоть таким является формально. Ему известны его права, но обязанности, как нарочно, туманны. С его возрастом нужно считаться, он больше не ребёнок.

Молодой человек добрался до места назначения и стал напротив двухэтажного здания, неоновая вывеска которого извивалась в форме слов: «Тату-Салон». Он открыл дверь, потревожив дверной колокольчик, его взгляд остановился на мужчине, который сидел за стойкой ресепшена в противоположной от входной двери части комнаты. Расслабленное положение незнакомца резко сменилось на напряжённое; юноше показалось, что на него сейчас смотрит готовая к выпадку змея в облики человека. Лицо этого мужчины было бледным, застывшим в каменной маске; даже глаза, ровным счётом никак не выдавали его мыслей.

— Добрый вечер, извините, сильно опоздал, — сказал молодой человек и улыбнулся, пытаясь ослабить непонятно откуда взявшееся напряжение незнакомца, — запись на шесть часов.

После этой фразы сотрудник салона расслабился и бросил взгляд на часы справа от него.

— Добрый вечер, сегодня определённо ваш день, записей больше нет, но впредь лучше не опаздывайте, потому что дни бывают разные. Борис, верно? — мужчина встал со стула, уголки его губ растянулись, а глаза сузились. Улыбка была не просто натянутой, в ней даже не было желания быть похожей на настоящую — лицевые мышцы просто сложились в узор.

— Верно, — проговорил Борис тоном человека, который чувствует, что с его собеседником что-то не так. В его голове промелькнула мысль об уходе, но она была проглочена второй: «Это место существует тут уже давно и дурной славой не пользуется».

Юноша снял капюшон, явив на свет люминесцентных ламп свою необычную причёску — спускающиеся до шеи светлые волосы, которые в красный цвет окрашивало родимое пятно. Лицо приятное, кожа бледная, а глаза тёмно-голубые. На вид обычный симпатичный юноша, но красные волосы, которые торчали в разные стороны, не могли не обратить на себя внимание. Борис часто ловил окружающих на том, как их глаза сначала смотрят вверх, а потом только разглядывают всё остальное. В этот раз всё было иначе, сотрудник салона не обратил внимания на пятно, будто его прикрыли ладонью.

Темноволосый мужчина с широкими плечами и острыми чертами лица был выше своего посетителя на голову. Он покинул стойку ресепшена и подошёл к Борису, когда тот продевал куртку в вешалку-плечики. Рукава его белой рубашки были закатаны выше локтей и обнажали предплечья, усеянные татуировками огнестрельного и холодного оружия. Они не составляли единый рисунок, а располагались обособленно; видимо, наносились в разные периоды жизни, хотя и выглядели достаточно свежо.

— Выспались, поужинали, алкоголь не пили? — спросил мужчина.

— Да, — без паузы ответил Борис.

Очевидно, что знание о соблюдении рекомендаций поднимет настроение любому сотруднику, потому что предвещает лёгкую работу.

— Эскиз и расположение мы с вами согласовали. Прошу, — он жестом пригласил Бориса в комнатку рядом со стойкой ресепшена. На этот раз улыбка была не такой широкой, а глаза и голос выражали глубокую безучастность, ощущалась фальшь в его добродушном отношении.

Судя по вместительности комнаты, это здание было когда-то парикмахерской, которая могла одновременно обслуживать пять персон. Вокруг царил чистота и порядок — чрезмерные, по мнению Бориса. Большое окно напротив входа было заклеено плакатом с плоским женским животиком, покрытым татуировками и многочисленными каплями. Под ним стояла кушетка для массажа с прорезью для лица. Все поверхности, к которым мог прикоснуться человек, были замотаны пищевой плёнкой. Рядом с кушеткой стоял столик, обклеенный специальным чёрным материалом с рамками малярного скотча, а над ним возвышалась укутанная пищевой плёнкой лампа на кронштейне. Подобное мумифицирование и опечатывание было необходимостью и данью стерильности.

— Вот вам салфетка, — мужчина оторвал от рулона крупный лист стерильной белой простыни, чтобы клиент положил её под живот и голову, — располагайтесь на кушетке, как вам удобно, — он опять говорил безэмоционально, пусто, наполняя слова лишь и без того заложенным в них смыслом.

Юноша перестал обращать на его странности внимание, как говорится, им вместе детей не крестить. Он расстелил салфетку на кушетке и снял водолазку, тельце у него было

худосочное и более бледное, чем лицо. Борис лёг, вставив лицо в предназначенное для него отверстие. За пределами этой комнаты стояла тишина, похоже, они были здесь одни.

Татуировщик приближался к нему, шелестя эскизом.

— Для первой татуировки трапеция не лучшее место. Может, пока ещё не начали, сменим место? На плече тоже неплохо будет смотреться.

— Нет, ничего не меняем.

Татуировщик пощипал на оговоренный участок спины. Орошаемое место подрагивало каждый раз, когда холодная жидкость касалась кожи.

— Расслабьтесь, всё будет хорошо. Следующие тату советую планировать от запястий до плеч. Наберётесь опыта и до сосков когда-нибудь дойдёте.

Опять эта эмоциональная недосказанность. Врачи или медсёстры, подтрунивали над дрожью маленького Бориса из-за боязни уколов, что вызывало стыд и лёгкую неприязнь, которые улетучивались с последними каплями препарата в шприце. Но сейчас штиль.

Борис почувствовал, как мастер что-то намазывает и проходится бритвой по коже. Татуировщик приложил макет и маркером нарисовал крестики, обозначив края эскиза, затем разглаживающими движениями приложил копирку, примеряя её по оставленным маячкам. Расправленная бумажка была аккуратно стянута, обнажая тёмно-сиреневые, местами прерывающиеся линии, которые складывались в силуэт, напоминающий ядерный гриб.

Татуировщик попросил Бориса повернуть голову, чтобы убедиться, что он ставит новую, свежераспечатанную иглу. Для этого молодому человеку нужно было вытащить лицо из этого похожего на сидение унитаза отверстия и положить щеку на его ободок. Мастер уже в хирургических перчатках собирал машинку, устанавливая иглу, — небольшую спицу с ушком на обратной стороне. Он собрал основную часть прибора, которая не должна была прикасаться к телу юноши, ещё до его прихода. Машинка напоминала змею, спрятавшую весь свой хвост в пакет, который хорошо сидел на ней, а её голова была забинтована чёрным эластичным бинтом, заклеенным пластырем. На лампе весел эскиз. Борис опять погрузил голову в отверстие. Уши залило назойливое жужжание машинки, а мозг приказывал мышцам размякнуть, что они послушно исполнили.

Первое касание иглой растеклось по спине, напоминая лёгкий удар током: зудящий, сжимающий мышцы и вызывающий онемение. Это чувство раздражало ни в чём неповинные нервы и тянулось вместе с изящной линией контура татуировки. Каждое непродолжительное касание заставляло изнеженного клиента чувствовать себя проводником в замкнутой цепи слабой мощности. Татуировщик не вёл сплошную линию, а впрыскивал краску маленькими мазками и протирал салфеткой вздувавшиеся по контуру пятна крови и краски. Молодой человек стойко выдержал нанесение контура, он только стучал пальцами левой руки о край кушетки. Для него это было терпимо, но чтобы не думать о боли старался перебраться в голову, как он будет скрывать свой узор от бабули.

Мастер прервался, жужжащие звуки сменились на пластиковый треск. Борис оторвал свои глаза от белого кафельного пола и опять приложил щеку к ободку. Татуировщик менял иглу, видимо, она была для окрашивания, но в этот раз не удосужился позвать его понаблюдать за заменой. Может быть, не хотел оскорблять очевидными вещами — захочет убедиться, посмотрит, опыт уже имеется. Мастер и в этот раз всё делал правильно, достал иглу из герметичной упаковки, бумажного пакетика, — один раз откроешь, больше обратно как новую не вернёшь, — и принялся её устанавливать. Бориса эти действия не интересовали, но при этом для собственного спокойствия не отнимал глаз от рук

татуировщика, пока тот не закончит. Он вернулся к созерцанию пола, сосредоточился на нетронутой коже его спины и старался забыть о саднящем островке, который постепенно попускал болевой шок.

Татуировщик вернулся на исходную позицию, машинка опять протяжно затрепетала. Пальцы юноши ускорили свой темп, они сбивались с ритма, когда мазки стали крупнее, а промежуток между протиранием салфетками сократился. В голову заползла мысль: «Зачем мне это всё?» Борис в очередной раз поймал себя на совершении необдуманного поступка, он на него решился, но пустил всё на самотёк. Татуировка сможет привлечь внимание, если он снимет майку, или сослужит службу при его опознании, и на этом всё. Ему хотелось яркого поступка, «салюта», который знаменует его зрелость и храбрость, только дело в том, что это станет мимолётным моментом яркого света, торжественного и необыденного, но его неминуемо поглотит тьма повседневности.

Татуировщик продолжал молчать, молодой человек понимал причину его молчания. Он не хотел мешать мыслям посетителей и из вежливости не вторгался в чужие раздумья.

— А, вы местный или с окраины? — вяло проговорил мастер, разрушив предположение Бориса. Он перестал наносить татуировку, ожидая ответа на вопрос.

— Я тут неподалёку живу, — ответил юноша, не задумываясь о внезапности подобного вопроса. Он хотел избежать подобных заминок для скорейшего завершения сеанса.

— Пешком шли или...

— Пешком.

Татуировщик сразу же преступил к завершению рисунка. Сеанс продолжался около двух часов. Посетитель, одолеваемый скукой, бегал глазами по стыкам кафеля, представляя, что гоняет по жёлобу перламутровую бусинку. Осквернённое, возможно навечно, место пульсировало, казалось, передразнивая сердечный ритм. Машинка смолкла. Мастер тщательно натирал чем-то пенным место, о котором Борис хотел забыть, а затем, слегка придавливая, снимал эти мыльные полоски и опять сдобрил кожу какой-то мазью.

— Можете вставать.

Клиент поднялся, разминая затёкшие мышцы, и заметил, что простынка приклеилась к нему неровным влажным фартуком. Он немедленно избавился от неё, скомкал и оставил на кушетке. Татуировщик смотрел прямо на него и держал в опущенной руке зеркало, из-за чего юноша смущённо опустил глаза вниз. Мастер указал свободной рукой на настенное зеркало слева и стал позади молодого человека, сопрягая отражения. На его спине было именно то, что он хотел, именно там, где он хотел. По телу растекалось тёплое чувство приобретённой вещи, такой новой и неизношенной, его собственной. Борис легко улыбнулся.

Он аккуратно двигал мышцами и растягивал кожу, будто боялся сломать. Его движения заставляли ощерившуюся кобру шире раскрыть пасть. Он совершенно забыл о своих переживаниях по поводу татуировки и реакции бабушки. Память будто постирали, избавив от вьёвшихся пятен совести. Борису даже не показалось странным, что его стойкие и логичные убеждения выветрились, как неприятный запах.

Мастер опять чем-то помазал татуировку, и, приложив небольшой компресс, принялся заклеивать его края по периметру пластырем,

— Одевайтесь и подойдите к стойке ресепшена, я дам вам брошюру, — проговорил он своим безучастным голосом.

Борис подумал, что ему хотят всучить рекламу, но потом согрелся мыслью о подарочном сертификате. Загадочная бумажка оказалась памяткой по уходу за татуировкой.

Он расплатился и принялся натягивать куртку, не используя трапецевидную мышцу и мышцы в её окрестностях. Они обменялись прощаниями. Юноша открыл входную дверь и остановился, он не услышал колокольчика — его не было на месте. Татуировщик, видимо, снял его, пока клиент переодевался.

— После восьми шуметь запрещено, — ответил мастер на немой вопрос.

Всю дорогу до дома юноша обдумывал странное поведения человека, который его так замечательно обслужил. Он сразу находил объяснения его поступкам, и в конце концов мастер стал для него положительным персонажем сегодняшнего дня. Татуировщик говорил эмоционально нейтрально, чтобы не пугать его чересчур натянутой лживой улыбкой, которую обожает надевать обслуживающий персонал; назначение у неё одно — я твой друг, пока не расплатишься и не выйдешь за дверь. Работа была выполнена вообще без нареканий. Снятый колокольчик, значит законопослушный гражданин.

Он остановился около аптеки рядом с домом, скользнул в карман за брошюрой, которую планировалось прочитать лёжа на кровати, и принялся искать необходимые средства для обработки тату. Откуда взялся такой прилив ответственности, неужели она заразна? Только зануды беспокоятся о таком, а он ведь не такой, уже не такой. Раз Борис всё-таки её достал, то решил купить всё необходимое: вата, заживляющая мазь без спирта, пищевая плёнка, салфетки.

Жил он на последнем этаже пятиэтажного дома. Стоило приоткрыть входную дверь квартиры, как его встретил стремительно рвущийся к нему звук телевизора, а когда он зашёл в прихожую, то и бабушкин взгляд. Её комната была слева от двери, чтобы увидеть посетителя, ей нужно повернуть голову и немного наклониться. Бабушкины глаза не задержались на нём надолго, она выключила телевизор и, шаркая, двинулась в сторону внука.

— Добрый вечер, Боря! — протянула она своим уже поношенным, но всё ещё звонким голосом, — Что-то ты сегодня поздно.

Немного полноватая женщина в фартуке и тапочках приблизилась к нему достаточно близко. Краешки её ноздрей ритмично двигались, но она молчала, оглядывая внука. Борис предусмотрительно разложил покупки по карманам куртки, которую сейчас вешал на крючок, чтобы избежать вопросов.

— Так, ещё десять, только темнеть начало. Что не так? — ответил Борис, стараясь быть вежливым и обходительным, хотя в голове крутились мысли, что с совершеннолетним нельзя обращаться как с маленьким.

— Ни-че-во, — сказала она и направилась в свою комнату, добавив, — А где ты был?

— В тату-салоне, — ответил Борис, пока сидя на корточках, расшнуровывал обувь. Он осёкся от своей честности.

Внук старался не шутить с бабушкой, потому что его шуток она не понимала и воспринимала все его слова всерьёз. Он застыл, в груди растекалось онемение от раскрытой тайны и ощущения бабушкиного острого взгляда, будто внутри него включили тату-машинку. Борис медленно поднял голову, её лицо не выражало эмоций и бледнело на глазах.

— Бабушка, я пошутил, — сказал он и изобразил улыбку.

Она ринулась к нему и начала задирать рукава, оттягивать вниз воротник, поднимать вверх кофту, оголяя пупок внука.

— Всё-всё хватит, — внучок осторожно вырвался, — это была шутка, ШУТКА! Я сказал неправду, — добавил он, поправляя одежду.

Выражение лица бабушки медленно перетекало в обычное состояние, но чувствовалось, что осадок остался.

Они разошлись по своим комнатам. Борис закрыл дверь и прижался к ней поясницей, чтобы не потревожить дополнительное пятно на его теле, и глубоко задумался. Приступы честности, ответственности, обеления окружающих — всё это не про него. Эти мысли и действия подобно молнии проходили через его сознание, ему не удалось их поймать, избежать проявления, будто не он был ведущим в своих поступках, а кто-то другой. Всё это происходило просто как нажатая кнопка. Вот только кто её нажимал?

Содержимое квартиры от обоев до мебели не менялось уже на протяжении двадцати лет, только одежда, смартфон и ноутбук, которые Борис купил сам, были озорными внуками в компании стариков. Ему нужно через два часа поменять повязку и нанести на татуировку мазь, он счёл необходимым дождаться, пока бабушка уснёт, и поэтому не переодевался. Скоротать время решил за поиском работы и рассылкой своих резюме.

Борис кончил школу месяц назад, но не стремился получить высшее образование. Он хотел поискать себя, не то что бы ему пришлось себя когда-то потерять, скорее не нашёл ещё своё призвание. Приходилось разбавлять поиски и потребности в деньгах работой, которую многие назвали бы подработкой: расклейщик объявлений, официант, курьер, и практиковал их ещё будучи школьником.

Он сколько себя помнит, помимо жизни с бабушкой, рисовал, срисовывал, вырезал аппликации, выжигал по дереву и делал всё, что могло излить образы, которые возникали в его голове, в этот мир. Этими работами была завешена вся его комната, и только одна большая картина вышла из-под чужой кисти. Она висела над кроватью в красивой рамке из резного багета. Бабушка сказала, что картину написал их знакомый, который работал водителем автобуса, и увлекался рисованием. Он изобразил маслом простой сюжет — портрет девушки, которая сидит в саду на лавочке в окружении цветов. Одета она была в обычное голубое платье, не старомодное, такое и сейчас носят. Девушка сидела, повернувшись направо, и смотрела вдаль. Огненно-рыжие прямые волосы, перекинутые через плечо, лежали на слегка выпирающей груди. Веснушчатая кожа, белая как фарфор, а тёмно-синие глаза вызывали чувство загадочности и светлой надежды. Творения Бориса уступали этой картине по форме и содержанию, но юноша верил, что в будущем преподнесёт кому-нибудь в подарок портрет лучшего качества.

Вольные и невольные наблюдатели его творчества предлагали пойти в художественную школу или спрашивали, ходит ли он в такое заведение. Приходилось отнекиваться, потому что в таких местах будет как в школе: между учителем и учеником нет прямой связи, она либо рассеивается на весь класс, либо рассыпается о формальные отношения. Борис хотел, чтобы его за руку провели по всем азам ремесла, показали, как их можно применять на практике, чтобы его наставник видел в нём друга или даже сына, а не ежедневное бремя. Проблемой, которая мешала поиску наставника, была необщительность. Естественно, идеальный вариант — поинтересоваться у знакомых на множестве работ, которые у него были, но он стеснялся своих идей и желаний, считал, что они не для других, и что проблема разрешится сама собой.

К десяти или началу одиннадцатого бабушка обычно засыпала. Она могла приоткрыть дверь в комнату внука, стать в образовавшемся проёме и пожелать спокойной ночи, но в этот раз зашла внутрь. В руках у неё были вечерние покупки Бориса.

— Это что такое? Боречка, ты что наркоман? — её голос звучал обеспокоенно, и

чувствовалось, что она вот-вот расплчется.

Он смотрел на бабушку, а его мысли бегали в поисках решения, как муравьи, когда на муравейник упала горящая ветка.

— Ты разве не это просила купить, бабуль? — сказал он спокойным голосом, но чувство, что его поймали за руку, сковало всё тело.

Борис решил задать вопрос, чтобы из него опять не полилась блаженная истина.

Бабушкино лицо изменилось на застывшую серьёзную неподвижную маску, она сопоставляла увиденное с услышанным.

— Спокойной ночи, — спокойным голосом сказала старушка и вышла, закрыв за собой дверь.

Когда стихли звуки телевизора в бабушкиной комнате — старушка не жалела громкости — Борис переоделся в домашнюю одежду и отправился на поиски своих покупок, потому что бабушка всё забрала с собой. Он обшарил кухню, нашёл в нижних выдвижных ящичках шкафа пищевую плёнку и салфетки, мазь оказалась в холодильнике, а вата, по всей видимости, лежала в аптечке в комнате бабушки. В принципе, для смены повязки хватало только этих ингредиентов, и Борис не стал рисковать.

По рекомендациям из брошюры необходимо поменять повязку через два-три часа. Юноша стоял в ванной, снимал майку и уже опаздывал на час. Движения его были торопливы, будто он действительно выбивался из графика, что было несвойственно для такой непунктуальной натуры, тем более в таких мелочах. Темп пошёл на спад, когда настал черёд компрессу уступить своё насиженное место пищевой плёнке. Борис осторожно потянул за липкие края пластыря, он боялся хоть как-то повредить своё новое приобретение, хотя прекрасно осознавал, что картинка находится в центре приставучей рамки. Он аккуратно сложил в несколько раз уже ненужную материю и убрал её в сторонку. Борис сегодня был сам не свой, он скомкал бы бумажку и отбросил в сторону, а не обходился с ней так деликатно.

Он повернул кран от раковины к ванной, — в неё саму залезать не стал — открыл его и принялся промывать татуировку тёплой водой, поглаживая пресмыкающееся, будто на спине у него сложился комочком пушистый кот. Борис промокнул влажную кожу салфетками как медсестра, которая собирает пот со лба хирурга во время операции, затем начал втирать заживляющую мазь, стараясь не пропустить ни единого раздражённого участка. Татуировка казалась навязчивым ожогом, непрерывно напоминая о своём существовании, пульсируя и испуская жар. Ему было сложно в одиночку перебинтовывать себя пищевой плёнкой, он начал перематывать рёбра, но на втором кругу понял, что нужно было вести по часовой. Разорванная плёнка упала на пол — вот он настоящий Борис. В следующий раз он повёл правильно, но перебрасывать рулон через плечо и протягивать трубку за спиной стало для него главным испытанием. Покончив с процедурами, юноша натянул майку, убрал весь беспорядок и двинулся в сторону постели.

Ни последствия, ни татуировка, ни её обработка не были замечены бабушкой, что позволило Борису заснуть без посторонних мыслей.

Открыв глаза, Борис увидел деревянный пол перед собой и полукруг жёлтого света, окружённого непроглядной тьмой. Клейкий сон неспешно ослаблял хватку. Щелкнувшая в голове мысль о пробуждении в незнакомом месте выдрала его из сонного состояния. В панике взгляд начал прыгать по сторонам, ударяясь о границы светового круга. Он сидел на стуле, его руки были за спиной, как не странно, в удобном положении, а прямо над ним ярко горела лампочка. При попытке встать, ноги не сдвинулись с места, будто нервы перерезали: ни единой судороги или спазма, полное неповиновение.

Буйная фантазия молодого человека начала вырисовывать общую картину происходящего — его похитили, накачали дрянью, связали и либо продадут как товар, либо используют в качестве игрушки. Дыхание начало нарастать, было слышно, как оно сбивается, заполняя тишину комнаты. Помещение не пропускало шумов открытого мира за пределами её стен. Густая тишина и возможное нахождение пленителей неподалёку сдерживали Бориса от криков о помощи, которые скопились комом в горле.

Звуки туфель на плоской подошве мягкой и размеренной походкой двинулись в его сторону. Первым в круг света вторгся деревянный стул, а затем и его хозяин — татуировщик. Одежда на нем была прежняя, даже рукава подвёрнуты также, будто юноша от него и не уходил. Он поставил стул спинкой от себя и уселся напротив Бориса, уставившись на него привычно каменным выражением лица.

— Вы! — протянул Борис.

— Виктор, — спокойно произнёс мастер.

— Зачем вы меня похитили, связали, держите здесь?! — кидал обвинения юноша, высвободив комок истерики, скопившийся у него в горле.

— Ты сам пришёл, ты не связан и ты сам пришёл, — проговорил Виктор своим пустым, безэмоциональным голосом, передразнивая темп собеседника.

Борис почувствовал, как немеет и пульсирует нижняя губа, и не заметил, что его рот непроизвольно открылся. Он никогда не страдал приступами лунатизма, да ещё и для совершения таких масштабных походов — салон был в четырёх кварталах от его дома.

— Я повторяю, ты не связан, так что можешь сесть нормально, — сказал Виктор, выставив руки перед собой. Правая ладонь была раскрыта, а вот левая что-то сжимала в кулаке.

Юноша пришёл в себя и на мгновение сосредоточился на своих руках, они были такими же непослушными и предательски бесчувственными, как и ноги. Он дал им команду хотя бы внахлест упасть ему на колени, что они незамедлительно сделали.

— А это тогда что? — спросил он. По голосу было слышно, что на место страха пришла наглость.

— Не знаю, затекли, наверное, — ни голосом, ни лицом татуировщик не показал насмешку, но такой интонации определённо не хватало, — Я знаю, что лунатиков нельзя будить пока они ходят во сне, поэтому я просто за тобой приглядывал, — пока Виктор говорил, он искал что-то в телефоне, а затем показал экран Борису.

Одинокий стул был окружён кругом света на фоне непроглядной тьмы. Блондин с красным пятном на голове размеренно входит в кадр, трогает сиденье промакивающими движениями и садится, сведя руки за спиной. Его глаза стеклянные и безжизненные. В одно

мгновение они захлопнулись, шея ослабла, а голова повисла, слегка покачиваясь. Для Бориса увиденное было дикостью, которая никогда с ним не происходила. Он решил не вдаваться в подробности, а любыми способами попасть домой.

— Ладно, прошу прощения, что побеспокоил, но мне нужно идти, — сказал Борис, растирая бёдра. Он встал, опёршись руками о колени, и остановился, не дойдя до края жёлтого круга. — Вы меня проводите, а-ам?

— Виктор, — сказал мастер, продолжая безучастно смотреть перед собой, и добавил. — Ты оставишь её здесь?

На недоумевающем лице Бориса читался вопрос: «Кого её?» Мужчина протянул левую руку в его сторону и раскрыл ладонь, в ней лежала кобра, как на татуировке, которую ему сделали вечером, того же размера, цвета, только пасть была закрыта. Выглядело это так, словно плоский рисунок сошёл с его тела и стал настоящей змеёй, только окрас показался ему неестественным: глаза, язык и каждая чешуйка были одного аспидно-чёрного цвета. Пресмыкающееся подняло свою головку и плавно покачивалось, будто перед ним играл на флейте заклинатель змей. Кобра подняла кончик хвоста на уровень глаз и послала в сторону Бориса нечто похожее на воздушный поцелуй.

Он наблюдал эту картину, широко раскрыв глаза, и начал дрожащими руками ощупывать через одежду место, где должна быть татуировка. Но кожа над лопаткой не саднила.

— Забирай, — сказал Виктор, изображая неумелую улыбку. Его глаза при этом были пусты и не улыбались.

Он, наклонив ладонь, уронил змею на пол, но она не упала, а вошла в пол и снова приобрела плоскую форму. Свет и тени ложились на чешуйки естественно, казалось, будто на досках растянулась живая кобра. Она рванула к Борису со скоростью, не присущей её виду, и скрылась в штанине своего хозяина. Юноша, испугавшись, упал на пол и обхватил бедро обеими руками, перекрывая — как он думал — змее путь. Он не чувствовал, как она двигается под его одеждой, но через мгновение кожа над лопаткой начала саднить и пульсировать.

Сердце отбивало бешеный ритм, а по телу растекалось сковывающее онемение. Виктор, продолжая сидеть на стуле, повернул к юноше своё бледное лицо, которое на контрасте с тёмными волосами и чёрной одеждой казалось совершенно бескровным.

— Если попрошу тебя не бояться, ты же этого не сделаешь? — сказал татуировщик и, не дождавшись ответа, продолжил. — А если так?

Виктор щёлкнул пальцами. Чувство страха пропало, будто его стёрли тряпкой как грязное пятно. Бориса это не удивило и не испугало, ведь внутри было пусто.

— Пожалуйста, присаживайся. Мне нужно тебе кое-что сказать.

Мастер дождался, пока он сядет, и только тогда приступил к рассказу.

— Твоя жизнь полна страхов, тебя воспитывали с их помощью: «Борис не отходи далеко от дома, играй под окнами, не дружи с этими детьми, не выходи на дорогу, убегай от хулиганов». Эти наставления из благих намерений сделали тебя мягким и трусливым. Ты всегда был лёгкой добычей для этих самых хулиганов. Кто-то довольствовался оскорблениями твоего пятна на голове, а кто-то хорошенько избивал тебя. Ты рос, и мир вокруг тебя становился шире, но людей, которые хотели тебя обидеть, становилось всё больше. Ты решил скрывать свои изъяны, свою суть, стал уподобляться своим обидчикам: курил и пил тайком, чтобы бабушка либо её знакомые об этом не узнали, нарушал покой

других людей или обижал слабых, вот ещё и эта татуировка. Но в глубине души чувствовал, что ты другой и должен жить по-другому. В их мире для тебя нет места, эта мысль свербит внутри тебя. Верно?

— Верно, — ответил Борис сдавленным голосом.

Каждое слово татуировщика было правдой. Борис понимал, что все эти слова должны хоть как-то на нём отразиться, но внутренний голос говорил, что нужно внимательно слушать Виктора. Он стал владыкой его воспоминаний и чувств. Борис — листок бумаги в руках этого мужчины, и вся его жизнь была написана ручкой, а с этого момента запись велась карандашом. Мастер просто-напросто мог стереть лишнее или дописать необходимое.

— Кто вы такой? — еле слышно проговорил Борис.

Татуировщик молчал, уставившись на собеседника, а затем посмотрел на запястье, словно на нём были наручные часы. Юноша удивлённо поднял брови и почувствовал покалывание на щеках. Он не понимал, на что смотрит мастер, ведь кроме татуировок его руки ничего не украшало.

— Уже поздно приходи завтра вечером ровно в шесть без опозданий. Ладно?

— Ладно, как хотите. Но сомневаюсь, что ответ на мой вопрос займёт больше пары слов.

— Ночью все должны спать, чтобы быть полными сил и хорошо соображать, тем более ты сам рвался уйти. Вот возьми деньги на такси и отправляйся домой, на сегодня хватит с тебя потрясений.

Деньги он принял и не стал настаивать на своём. Виктор включил на телефоне фонарик, вмиг сожравший кусок густой тьмы. Они вышли из помещения и оказались на пожарной металлической лестнице. Начало светать. Высокий забор из профлиста стало лучше видно, он вплотную прилегал к зданию, и, казалось, можно протянуть руку и коснуться его. Лестница вела прямо к чёрному входу, они не стали заходить в него, а обошли дом и, преодолев калитку из того же профнастила, вышли к входной двери тату-салона.

— Перед сном себе голову не забивай и хорошо выспись, — дал напутствие мастер, пока его гость садился в такси.

Машина развернулась и через несколько метров задела светом фар два тёмных силуэта, которые привлекли внимание Бориса. Он упёрся коленями в сиденье и смотрел на них через заднее стекло; обе фигуры, судя по положению их тел, и насколько рассветное солнце позволяло оценить внешний вид незнакомцев, провожали взглядом такси. Через пару мгновений они скрылись во мраке переулка.

Борис зашёл в дом, бабушка спала. Сразу ударили в нос запахи травяного шампуня и уксуса, которые витали в прихожей.

Заснуть не получалось. Его не отпускали события, произошедшие несколько часов назад. Волшебство в реальном мире, то, что он видел, не могло быть ловкостью рук. Фокусы выглядят как что-то сверхъестественное, но имеют свой скоротечный темп и, как не крути, они ограничены рамками, в которые их загоняют, а также слабости: стоит посмотреть с другой стороны, нарушить равновесие иллюзиониста или незаметно сломать реквизит — магия рушится. Если мастер обманул его зрение, как он обманул осязание? Ведь Борис почувствовал, как возвращается жжение после татуировки.

Кто такой Виктор?

Борис услышал в комнате звук щелчка пальцами, и его начало засасывать в сон.

Борис проснулся от душного тепла и мокрых ног под одеялом. Он открыл глаза и вяло пощупал спину через майку. Утро всегда давало ему надежду, что ошибки, боль и страх остались во вчерашнем дне или их не было вовсе — поспал и жизнь с чистого листа. Вера, что всё это сон, была сильна только первые секунды пробуждения, но ослабевала при ощупывании беспокоящих мест или воспоминаний, возвращающихся как по сигналу таймера. Кожа на спине пульсировала от слабого нажатия, этого признака существования вчерашнего вечера было достаточно, но вот для ночи улик явно не хватало. Он сел на кровать, не обращая внимание на припекающее спину солнце, — бабушка специально отдёргивала шторы по утрам, чтобы внук не проспал весь день, — и принялся вспоминать события вчерашней ночи или вернее сегодняшнего утра. Клишейная мысль, что это всё был сон, отгоняли детальные воспоминания о разговоре на чердаке: для сна всё последовательно, логично и накрепко пристало к памяти.

— И ещё это краткое содержание истории моей жизни от человека, которого я вижу второй раз, — сказал Борис раздражённо и достаточно громко для разговора с собой, как будто объяснялся с кем-то.

Каждый раз, сидя на кровати после пробуждения, он чувствовал, что у него в этот момент есть только прошлое, потому что оно, в отличие от будущего, уже произошло и не принесёт ему подножек судьбы. Лишь прошлому можно было доверить заполнение своих мыслей после пробуждения; вчерашние дни, какими бы плохими они не были, не рискнут повториться, а если им это удастся, то Борис будет готов. От нежелания думать о завтрашнем дне или даже о следующем часе он успокаивался и расслаблялся. Что ещё нужно с утра кроме лёгкости в теле, голове и душе?

Дверь открылась, впуская запах оладушек, так их любила называть бабушка.

— Бо-о-оря! Умывайся и иди кушать, — говорила бабушка ласково, заманивая солнечной добротой к столу.

Комнату начал заполнять настёрный запах масла, который, наверняка, широкой поступью вторгался в пространство лестничного пролёта. Внук продолжал сидеть на кровати и легко улыбнулся, глядя на бабушку. Он не хотел ничего говорить, а только игриво кивнул, прижав подбородок к груди, — если бы он не был таким худым, то выдавил бы второй, а может и третий подбородок наружу. Борис встал и начал заправлять постель. Вдруг, резкий разряд сжал каждую клетку в его груди, — он по привычке спал в майке на два размера больше — место над правой лопаткой оголилось, обнажая творчество загадочного тату-мастера. Он повернулся напряжённым торсом, хвала матушке фортуне, бабушка уже ушла, и можно было выдохнуть. Переодевался наш герой смело, стоя лицом к двери.

Пыша свежим дыханием, которое вязло в густых масляных испарениях, молодой человек в чёрных спортивных шортах и синей майке появился на кухне. В центре стола остывало широкое блюдо, заполненное пирамидой оладий, с ним соседствовали блюда со сливовым вареньем и сметаной. Бабушка в старомодном платье стояла у газовой плиты, упёршись одной рукой в бок, а другой, согнутой в локте, держала вилку. Когда внук вошёл, она одним глазом следила за оладьями, а другим смотрела выпуск новостей.

— Ба, дашь тарелочку? — подлизывался Борис, присаживаясь за стол.

— Ешь над блюдцем, нечего лишний раз посуду марать! — ответ был строгим, но не

настолько, чтобы почувствовать себя виноватым.

Внук хоть и был совершеннолетним, бабушка всё равно продолжала его воспитывать, для неё он по-прежнему тот малыш, которого она нянчила в детстве. Точнее сказать, за восемнадцать лет он всё-таки поднялся на одну ступень, стал так называемым «взрослым» — может работать, принимать решения, пользоваться благами, доступными совершеннолетним, но пить, курить, заниматься непотребствами и задерживаться допоздна категорически запрещено. Боря не перечил своей бабушке, которая была единственным родным для него человеком — кровно и душевно. Он старался подавлять свои капризы и следовать её наказам.

Первый кусочек оладья, покрытый густой белой сметаной и тягучим вареньем, растекался во рту сливочной прохладой и сладостью сливы. Бабушка взяла вторую вилку с блюда, которое стояло рядом с ней на кухонном гарнитуре, перевернула оладьи, цепляя их по бокам двумя вилками, и вернулась в свою позу.

Ведущий зачитывал новый сюжет новостей:

«В городе Пампа совершено очередное убийство. Жертвой налётчиков стал молодой парикмахер, который не более месяца проработал подмастерьем в салоне на окраине города. Найденные следы и описания очевидцев поставили следствие в тупик. О неожиданных находках и последствиях налёта расскажет Герман Лавров».

В тёмном помещении мелькали вспышки фотокамер, блестели осколки зеркал на плиточном полу, всюду валялись разбросанные флакончики, машинки, подлокотники и спинки кресел. Стены, пол и потолок были изрезаны глубокими полосами. На фоне сменяющихся кадров заговорил приятный, молодой голос:

«Вчера вечером шестнадцатилетний подмастерье задержался после закрытия парикмахерской. Тогда по версии следствия в салон вошли двое неизвестных, после чего завязалась потасовка. Нападавшие скрылись с места преступления, оставив нетронутыми ценные вещи, аппаратуру и деньги».

Кадр сменился — немолодая женщина с объёмной причёской пшеничных волос показывала пальцем в переулок и возмущалась:

«Вот он туда побежал весь в чёрном, худой, невысокий. Одно слово — малолетнее хулиганье. Лица я не разглядела. Он меня сбил, когда я мимо парикмахерской проходила. Выбежал...он плакал, ревел прям».

Борис подавился оладьем и еле слышно откашлялся — он узнал то место. В том же районе был тату-салон Виктора, именно там стояли те чёрные силуэты.

— Чтоб допоздна не гулял! Как стемнеет сразу домой! — наказала бабушка.

— Да, хорошо, — он встал из-за стола и пошёл на выход.

— Опять в облаках витаешь, — шутливо сказала бабушка, а когда внук повернулся, выставила левую щёку вперёд и постучала по ней указательным пальцем.

Он подошёл к бабушке с добротой в глазах и чмокнул её, слегка подав губы вперёд.

— И не забывай, — в голосе и глазах старушки чувствовалась мягкая серьёзность.

Борис кивнул, хлопнув глазами.

Их внимание привлёк корреспондент, который наконец-то показался. Молодой, светловолосый красавец держал микрофон с зелёной надписью: «Сейчас» и вещал:

«Сейчас вы видите на экране фото хозяина парикмахерской. По показаниям очевидцев он находился целый день в салоне и даже после его закрытия. Но после событий вчерашнего вечера скрывается и не выходит на связь».

На фото как из паспорта было лицо мужчины анфас. К отличительным чертам, если их можно назвать таковыми, относились: первые морщинки и залысины, которые оставили мало места для жидких каштановых волос. Борис запомнил это хмурое лицо, вдруг на него наткнётся, но скорее всего он, как и все телезрители, забудет его через несколько минут.

Дальше по плану была прогулка, ему хотелось переварить последние новости и оладушки на свежем воздухе. Одетый в джинсовые шорты и белую майку юноша вышел на прохладную лестничную площадку, и тут со шлепком тапок о первую ступеньку в его голове расцвела мысль, благодаря вчерашней неведомой силе. Он вспомнил, что татуировка после сна так и осталась необработанной. Юноша щёлкнул языком, вздохнул и вернулся в квартиру. Он сверился с брошюрой — рекомендации для второго дня не отличались от первого. Со свежей пищевой плёнкой на спине Борис вышел из квартиры; настроение стало немного лучше: хоть одна обязанность перестала на нём висеть. О встрече в шесть он тоже не забыл. Она оставалась единственной тяжестью этого дня.

— Ладно, будет желание, тогда пойду, — проговорил он энергично, убеждая самого себя в сказанном.

Любое неизвестное или неприятное занятие хочется отсрочить, а потом невзначай забыть или сделать нехотя. Так поступил бы любой нормальный человек, но в случае Бориса, в котором горячо пылал интерес, чувство страха и лёгкая лень, чаша весов всё-таки склонялась в сторону встречи с татуировщиком.

На улице парило, множество луж под ногами, а на голубом небе не единого облачка, только ярко-золотой диск солнца. Выйдя за пределы своего двора, Борис увидел посреди выходного дня двух спутников каждого его будничного утра — женщину средних лет и жизнерадостного корги. Собака улыбалась и, свесив на бок язык, прыгала в зелёной влажной траве, которая росла выше торчащих ушек питомца. Этот корги мог озарить солнечными лучами даже самый пасмурный день Бориса. Юноша тоже улыбнулся. Хозяйка пушистика держала его на поводке и застыла как столб на краю дорожки. Борис надеялся, что она разделяет с ним отношение к этому животному, но женщина стояла спиной, и понять это не удалось.

— Надеюсь, она хорошо к нему относится, — пробормотал Борис под нос, когда прошёл мимо корги и его хозяйки, продолжил нормальным голосом, — хотя тогда он бы не был таким жизнерадостным. У корги шерсть так интересно растёт: светлый треугольник под мордочкой, а все остальные места золотистые — прямо королевский фрак. А почему я вообще решил, что это кобель? — Борис приложил палец к подбородку и поднял правую бровь вверх, а затем посерьёзnel и, сжав кулак, добавил: — Так, не отвлекаться! Нужно решить, что делать с татуировщиком.

Юноша замолк и вёл монолог уже в своих мыслях:

«Кто он такой? После всех этих магических штучек вариант с маньяком можно отмести. Способен он на что-то большее: вывернуть душу наизнанку, управлять волей людей, отнять жизнь этими фокусами?»

Побочным эффектом одиночества, помимо разговоров с самим собой, была ещё хорошая фантазия. Она сейчас беспощадно рисовала небо во всех оттенках красного, мир в огне, закованных в цепи людей, которых подгоняют кнутами и трезубцами гротескные демоны разных форм и размеров. На самой высокой башне, выросшей прямо из земли и окружённой гигантскими трещинами, восседает на покрытом шипами зловещем троне краснокожий татуировщик с короной из толстых чёрных рогов.

— Так! Ну, это слишком, — юноша выдернул себя из мира фантазий, который начал поглощать его мысли, уводя от важных размышлений.

«На данный момент известно, что он может материализовать, даже можно сказать, оживлять татуировки и возвращать их на своё место под кожей, но это не объясняет внезапный приступ лунатизма и мою навязчивую покладистость вчера и сегодня. Может он хочет позвать меня в ученики? Чем тогда мне отплатить за это? Надеюсь не вечными страданиями. Фантазия угомонись! Да и не забыть бы про двух человечков в чёрном, хотя, может быть, это просто совпадение.»

У него разыгралась жажда, и он решил заскочить в магазинчик. Стоя у раскрытого холодильника, Борис рассматривал бутылки с водой, брал одну и после осмотра принимался за другую. Вдруг, что-то аккуратно закрыло дверцу. Его глаза широко раскрылись, и резкими поворотами туловища он начал оглядываться по сторонам. Никого рядом не было. Должно быть, в магазинах начали устанавливать холодильники, которые закрываются автоматически, — высокий уровень недоверия к покупателям. Поэтому он решил доставать по одной и разглядывать уже с закрытой дверцей.

Причиной тщательного разглядывания каждой бутылки стала перебранка между кассиршей и престарелой женщиной. Всё началось с падения бутылочки оливкового масла на пол рядом с кассой — неподалёку как раз стояли холодильники. Конфликты привлекали Бориса, хоть он сам ни с кем не ругался — тактика всегда была одна: убегай и прятаться. Ему хотелось найти причину спора, разложить его по косточкам и вынести вердикт.

Женщина повторяла снова и снова две фразы после каждого аргумента кассирши:

— Это не я виновата! Я не буду за это платить.

— А наша в чём вина?! Надо было на ленту положить на бок, а вы стоя поставили, да ещё и на край. Лента поехала, и бутылка упала, — ответила кассирша, теряя самообладание и повышая голос.

Кассирша постоянно указывала на масляное пятно в осколках, которое убирал другой сотрудник магазина.

— Ваша лента не так работает, а я виновата?!

«На своём поле оказалось тяжелее играть, — подумал Борис и ухмыльнулся, — Почему всегда так? Всё же очевидно, а они упираются. Ругаются только ради того, чтобы ругаться и портить другим жизнь. Я слышал, что такие люди насыщают себя энергией, когда зубами вгрызаются в конфликт, — попил кровушки ни в чём не повинного персонала и ходит довольный остаток дня, а завтра опять на охоту».

— Вам уже пора, — сказал третий женский голос у него под ухом, но тепла дыхания и присутствия человека за спиной он не почувствовал.

Борис обернулся — никого, а когда повернул голову обратно, увидел, что в правой ладони у него бутылка с водой, а в левой чёрная кобра, которая смотрела на него, наклонив крохотную мордочку на бок. Юноша прижал руку со змеей к груди и хотел уже выбежать, но его правые нога и рука не послушались, будто их наглухо закатали в гипс. Он увидел, как пальцы этой руки, а именно мизинец, безымянный и средний, без команды открыли холодильник и поставили бутылку на место, пока большой и указательный придерживали её за горлышко. После того как дверца закрылась, к конечностям вернулись чувства. Пару секунд он стоял и смотрел круглыми от страха глазами на свои трясущиеся конечности — дрожало только полтела — а потом выбежал из магазина.

Укромное место за углом магазинчика, из которого выбежал, Борис нашёл наспех. Он

убрал руку от груди — кобры там не было.

— Не беспокойтесь, я вернулась на место, — женский голос был милый и нежный, а ещё в нём присутствовали нотки услужливости. — Обычные люди не могут меня видеть, но чтобы не волновать хозяина я вернулась на место.

Юноша пытался приструнить дыхание, разыгравшееся от спринта на короткую дистанцию, вдохнул, запихивая в себя жирную порцию воздуха, и, наконец, спросил:

— А какие люди тогда необычные? — он повернулся так, будто разговаривает со своим правым плечом, прикрывая рукой губы.

— Вы и мастер Виктор. Остальные тоже есть, но по именам я назвать не могу, потому что их не знаю, но Вам не следует опасаться, что они увидят меня, для них это обычное дело.

— Кто они? Что они такое? Они такие же, как Виктор?

— Мне больше известно про себя, а про остальных я знаю меньше, чем Вы хотели бы. Виктор сможет ответить на ваши вопросы, я появилась, чтобы напомнить о встрече.

— Ладно, знаешь о себе — расскажи тогда о себе. Твой голос. Я где-то уже его слышал.

— Этот голос я взяла из ваших воспоминаний. Мне он очень понравился. Ваших ушей касалось так много прекрасных девичьих голосов. Жалко, конечно, что голоса это всё, что Вас касалось.

Борис хмыкнул и насупился.

— Ближе к делу! Эти два дня я делаю то, что не хочу делать. Я не даю команду, а тело делает, рот говорит, а мысли не в ту сторону думают. Это ты делаешь, или тоже твой мастер?!

— Это не я, клянусь! А что касается мастера, у Вас запланирована встреча, вот и спросите у него! — интонация у неё была радостная, что не могло не разозлить Бориса.

Он надавил ногтями на татуировку, не обращая внимания на острую боль, которая жаром растекалась по правой лопатке.

— А ну, выкладывай быстро! Не скажешь, ногтями тебя сдеру, — надавил ещё сильнее.

— Я ничего больше не знаю. Спросите у мастера. Вам уже пора. Вы обещали не опаздывать, — тараторил дрожащий голосок. — Если сейчас выйдете, успеете к назначенному времени.

— Что не ясно?! Если не ...

Борис попятился вперёд и чуть не упал на колени. Обернулся — опять никого. Его словно толкнули в спину две увесистые ладони, которые этим хотели сказать: «Что встал?! А ну, пошёл отсюда!» Он услышал, как бьётся сердце и учащается дыхание. Страх — привычное чувство, которое было его вечным соседом и ревнивым спутником жизни. Простейший инструмент дисциплины, который полезен для воспитателя: третишь меньше пластырей на колени, меньше выслушиваешь людей, которым воспитанник доставил неприятности, ниже вероятность его потерять. Сам объект такого воспитания не ожидает за углом что-то новое и интересное, как раз наоборот, он готовится к встрече со страшными монстрами. Недоверчивость превращает жизнь в замкнутый круг — путь, который не сулит новизны и радости, только опостылую обыденность; поражение в конкурентной борьбе с более смелыми и амбициозными. Воспитатели выигрывают, а воспитанники проигрывают.

В данный момент происходящее выходило за все привычные рамки, взращивая вьющиеся, толстые лианы страха, из-за невозможности побороть то, что за гранью человеческого понимания. неизлечимые болезни вызвали бы меньший трепет, потому что они известны и в достаточной мере изучены, как и методы продления жизни или облегчения

последствий для больного. Неполная картина происходящего не просто пугала Бориса, она ужасала всей глубиной его беспомощности и жгучим сожалением, которое ползало и извивалось, уподобляясь склизким червям, глубоко в груди. Он вляпался в ситуацию, от которой ему не отмыться.

— А что он сделает, если я не пойду? — его голос звучал, как забившийся в угол щенок, который испугался незнакомцев.

— Мне это точно не известно. Ваше сердце сейчас из меня всю краску выбьет, — голос вибрировал, будто её усердно шлёпали по спине. — Мой хозяин трус?

Ответа не последовало. Борис сел на корточки и обнял колени, уткнувшись в них лицом. Глаза увлажнились, глотка сжалась, а ладони подрагивали.

Когда он вынырнул из своей баррикады, из него полились слова:

— Раз он хочет, чтобы я пришёл к нему, я приду. Я не должен бояться, нет, я не хочу больше. Весь этот бред должен поскорее закончиться, — Борис встал, опёршись на колени, и пошёл в сторону тату-салона, крепко сжимая дрожащие кулаки.

Ему не хотелось, чтобы весь путь его мысли были поглощены чем-то негативным, проще говоря, не было желания себя накручивать, поэтому он думал о голосе своей новой спутницы:

«Её голосок такой мягкий и, можно даже сказать, сладкий, если сравнить с чем-то, определённо, это будет зефир или пастила. Он кажется до боли знакомым, но все знакомые женщины и девушки звучат по-другому. Может, я услышал незнакомку на улице, что и отпечаталось в моей памяти. Хотя, если бы я встретил девушку с таким ласковым и прекрасным голосом то, несомненно, влюбился, не обращая внимание на её внешность или скверный характер. Но нашей любви не суждено было сбыться; из-за моей безнадёжной робости, я не посмел бы даже на неё посмотреть, не то что бы подойти и заговорить».

Задумчивый и серьёзный юноша не был одинок на своём пути. Субботний тёплый вечер приглашал людей разных возрастов на прогулку. Во всей этой толпе, которая циркулировала по артериям городских дорог и тротуаров, шероховатых как кожа на мужских щеках после неумелого бритья тупой бритвой. В этом потоке жизни Борис пытался себя отвлечь, убедить, что его жизни ничего не угрожает и всё будет хорошо. Мимо него проносились велосипеды и самокаты, парочки, одиночки, мамочки с колясками и компании шумных детей. У всех кожа имела слабый персиковый оттенок от красно-оранжевого заката, который заодно красил ряды тонких перистых облаков.

Воздух становился прохладнее, а вечер заряжал всех своей энергией.

Как только Борис преодолел большую часть маршрута, он затылком ощутил, что его сверлит чужой взгляд, обернулся и сразу поймал глазами парочку, которая следовала позади него по практически пустому тротуару. Две тёмные фигуры молодых людей были далеко, он мог разглядеть только их чёрную одежду и обувь. Преследователи наверняка приняли к сведению, что их цель слишком пристально за ними наблюдает. Юноша не стал прибавлять шаг, потому что дуэт, похоже, не спешил его нагнать; они старались поддерживать один темп и расстояние до объекта слежки. Для проверки своей догадки Борис повернулся ещё раз через несколько метров — незнакомцы подошли ближе. У них было много чего общего: рост и худощавое телосложение, да и тряпки, с виду, носили одинаковые, только лиц не разобрать из-за плотно натянутых капюшонов, которые прикрывали пол-лица.

Голова роилась вариантами о сбросе хвоста. До салона татуировщика оставалось полквартиры, поэтому любое действие будет полезнее, чем взвешенный план. Борис

развернулся всем телом, встречая преследователей раскрытой грудью, но хвост испарился, оставив в одиночестве прохожих. Незнакомцы разминулись с юношей после пешеходного перехода на перекрёстке. Парни в чёрном приблизились достаточно близко, чтобы раскрыть себя, и сразу повернули направо, скрывшись за углом здания.

«Паранойя, заходи, присаживайся к остальным; ждём шизофрению и начинаем», — воздержался Борис, чтобы не произнести свои мысли вслух.

Без десяти шесть он стоял напротив потухших трубок, которые складывались в название уже знакомого места: «Тату-салон», открыл дверь и услышал только слабый звон колокольчика, который должен был раскатиться по всему парадному помещению, но в комнате гремели недовольные мужские крики:

— Всё это из-за тебя! Ты плохо кожу обработал!

Здоровяк в красной майке-борцовке и рваных джинсах стоял рядом со стойкой ресепшена и грозил пальцем перед безэмоциональным лицом татуировщика. Для Бориса не представлялось возможным разглядеть весь багряный букет эмоций, потому что незнакомец даже не обернулся, когда он вошёл. Подойти с боку нельзя — обожжёт.

— Такое случается, если не следовать инструкции по обработке после нанесения татуировки или пропускать сеансы обработки, — проговорил Виктор внятно, но как-то механически, словно робот. — Вам нужна помощь доктора, — татуировщик потянулся к визитнице за стойкой ресепшена и протянул белую карточку злой детине.

Рослый мужчина хлёстким броском правой руки, плечо которой по-прежнему было скрыто от Бориса, схватил визитку и демонстративно смял её перед лицом мастера. Оба молчали и смотрели друг другу в глаза. Через пару мгновений правая рука опустилась, явив причину перебранки, — от атлетически округлого плеча и до начала предплечья лучился, сливался и переплетался красный отёк с кусочками отслаивающейся чёрной и красной краски, а задумывалась эта припухлость как высокохудожественный и замысловатый узор.

— Ах ты, скотина! Сам бабки поимел, теперь решил кормушку друзьям подвинуть! — взорвался мужчина, нависая над Виктором, а правой рукой незаметно скользнул к себе в карман. — Верни мои деньги!

— Конечно, — татуировщик улыбнулся неподходящей улыбкой: она вырисовывала на его лице широкую ровную линию. — Мне нужен ваш паспорт, для возврата средств. Это обязательная процедура.

Мастер зашёл за стойку ресепшена и принялся стучать по клавишам компьютера, а растерянный клиент продолжал стоять на том же месте и смотреть перед собой, а затем он подошёл к стойке и сказал:

— У меня с собой нет паспорта, но это ж я, ты ж меня помнишь, ты мне делал татуировку.

Виктор ответил ему мягко и услужливо:

— Я хочу вернуть вам деньги. Паспорт нужен, чтобы составить типовое соглашение, что я именно вам вернул деньги, а не кому-то другому.

Накаченный мужчина резко развернулся и с досадой на лице поплёлся к выходу, проходя мимо Бориса, он надменно зыркнул на него и остановился. Юноша не сводил с верзилы глаз, белки которых подрагивали. Здоровяк наклонился, чтобы их лица были друг напротив друга. Борис чувствовал на подбородке струйки воздуха, которые выдыхал через ноздри незнакомец.

— А ты что тарацишься, урод? Откуда пятно на башке? — он махнул головой в сторону

Виктора. — Этот бледный утырок об тебя иглы вытирает?

Сердце юноши билось так сильно, что отдавало в кончиках пальцев. Он с мольбой смотрел в безразличные глаза татуировщика. По лицу бегали крохотные спазмы. После долгой паузы он смог выдавить надломившимся голосом:

— Нет.

Мужчина широко улыбнулся, хлопнул его по спине и вышел, от души хлопнув дверью.

Виктор смотрел на часы, которые через пару секунд покажут шесть часов.

— В следующий раз приходи ровно к тому времени, которое я назначил, — обратился он к парню и указал раскрытой ладонью на часы.

«Господи! Что он за дьявол такой?! Он ещё и будущее умеет предсказывать,» — Борис старался не выдать своего волнения, но в груди он почувствовал, как всё сжимается, будто сердце и лёгкие скручивают и выжимают как постиранную наволочку.

— Я не дьявол, просто мои недавние клиенты для меня как раскрытые книги.

Татуировщик криво сморщил левую щёку в улыбке, будто у него на языке лежала долька лимона. Он упёрся ладонями о стойку, так чтобы Борис видел все его тату на руках — рисунки оружия на видимых участках кожи, не могли характеризовать мастера в глазах окружающих как положительного человека и расположить к себе людей, только если они не были из узких кругов. Угольные зачёсанные назад волосы с синим блеском, бледная кожа, точёное лицо, белая рубашка с закатанными рукавами и чёрная жилетка с узорчатой вышивкой, которая сливалась с основной тканью, — типичный Люцифер.

— Этот парень просто плохо ухаживал за татуировкой, в первый день намазал её спиртом и вазелином, а потом пошёл в баню пить пиво и водку. Последствия не заставили себя долго ждать, и он начал искать козла отпущения, — ответил Виктор на немой вопрос, который можно было прочитать на лице его собеседника, не используя особых способностей.

— А почему вы тогда, — Борис сглотнул и прочистил горло, слова выходили с трудом, — почему вы не воспользуетесь своими силами и не заставите его ухаживать правильно?

Виктор подошёл к своему вчерашнему клиенту поближе и, глядя ему в глаза, принялся объяснять, активно жестикулируя руками и изображая символами практически каждое слово, которые можно сложить из пальцев:

— Он человек, я не могу нарушать его свободу и так бесцеремонно вторгаться в его личную жизнь. Засовывать ему ключ в спину, прокручивать и толкать его в ту сторону, которую мне надо. Привыкай, мы уважаем людей, — последнюю фразу он сказал, прижав кулак к груди.

— Та-а-ак, сто-о-оп! — протянул гласные Борис, выставил раскрытые ладони перед собой и продолжил возмущаться. — Если эта обезьяна — человек, а я тогда кто?!

Мастер посмотрел за его спину, а затем подошёл к окну и позвал юношу жестом. Напротив салона на краю тротуара стояло два человека в чёрной одежде, половина их лиц была скрыта под капюшонами, взгляд сразу цеплялся за широкий оскал безумной улыбки, которая была еле заметна в свете летних сумерек. Улица пустовала, только пару машин проехало за спинами незнакомцев. Даже при условии, что всё происходило не в крошечной тьме, двое молодых людей, в которых Борис узнал своих преследователей, казались ему жутким зрелищем.

Продолжая смотреть в окно, татуировщик положил правую ладонь на грудь, будто

брался за широкий вентиль.

«У него что, сердце прихватило?» — стоило Борису об этом подумать, как онемение расплзлось из глубины его груди к паху, плечам, сгибу локтей и икрам со скоростью, которой позавидует пожирающий сухую траву огонь.

— Выходим, оставайся позади меня, но не отходи дальше, чем на пару шагов, а когда я скажу «прячься», ты должен спрятаться поблизости, — Виктор закончил и, смятая рубашку и жилет, выкрутил воображаемый вентиль вниз, насколько ему позволило запястье.

— Хорошо, — с трудом выдавил из себя юноша.

Вдруг свет за окном начал угасать, будто наступило солнечное затмение, и через пару секунд окончательно стемнело. Виктор ещё не открыл дверь, но его спутник почувствовал, как по коже гуляет холод, он не был похож на ветер, а скорее напоминал туман, который плывёт и обволакивает всё вокруг. Борис обернулся, чтобы найти источник, который нагнетал такой воздух, и вздрогнул, отшатнувшись назад. Половину комнаты прямо перед его носом рассекало чёрное полотно, отрезая путь к отступлению, потому что растянулось по всему помещению. Оно закруглялось ближе к потолку и, похоже, уходило глубоко в пол.

— Это, — сказал Борис, указывая на тёмную стену дрожащим пальцем.

— Не обращай внимания. Выходим.

Виктор потянул за ручку двери, но приветственного звука опять не было. Борис, который наблюдал за ним, заметил, что колокольчик на месте и его язык тоже, но они застыли, будто время для них остановилось, а пространство не позволяло больше в нём спокойно двигаться. Пытливый ум приказал руке подвигать дверь взад-вперёд, колокольчик не издал ни единого звука.

«Рано он решил навести тишину», — подумал юноша.

Молодые люди в чёрном улыбались, оскалив зубы, и стояли на прежнем месте. Борис держался в двух шагах позади вальяжно идущего Виктора, показывая незнакомцам только часть своего лица из-за спины защитника. Одна широкая улыбка начала громко рычать, а другая раскатилась смехом, не жалея глотки. Молодые люди одновременно замолчали, сдвинув плотно губы, и попятились назад, приглашая противников отойти подальше от зданий. Бориса больше волновали преследователи, чем наступившая тьма, но всё-таки он посмотрел за их спины, а потом вверх. Четвёрка находилась под куполом, для которого слово «чёрный» было скорее оскорбительным, потому что не могло выразить всё величие и мощь, с которой он порабощает свет, оставляя обитателям ровно столько, сколько необходимо, чтобы осмотреть внутренности полусферы. Казалось, что если поближе подойти и направить на тёмное полотно включённый фонарик, то круг света просто не появится на его скате.

Граница купола не была обширной. Он входил под углом в тату-салон и несколько зданий неподалёку; Борис представил, как часть салона, которая была скрыта от его глаз, со скоростью улитки сползает вниз, словно разрезанная самураем каменная статуя. Противоположная сторона не стала заходить на территорию соседних зданий, но не отказала себе в удовольствии порезать верхушки придорожных столбов. До скатов купола справа и слева можно было добраться за пару мощных рывков. Несмотря на то, что они ничего не коснулись кроме асфальта, юноша опасался за машины, которые остались снаружи, — люди могли разогнаться после перекрёстка и врезаться в огромную линзу, которая выросла посреди города.

Один автомобиль всё же оказался внутри купола — серебристый седан ехал по крайней

полосе, но застыл также как колокольчик. Борис разглядел тёмный неподвижный силуэт водителя, который, по его мнению, должен в панике метаться из стороны в сторону. Взгляд опустился к колёсам, диски на которых застыли в виде серебряных кругов, будто машина продолжала своё движение. Свет серыми бликами отражался от них и полированного корпуса автомобиля, игнорируя жадную тьму. Борис опять посмотрел вверх и нашёл прямо под потолком купола серого голубя, который тоже застыл с распростертыми крыльями, и его покрывали чёрно-белые лучи закатного солнца. Потом он пригляделся к незнакомцам и Виктору, только они были освещены неподобающее ярко для этого места, — всё вокруг стало тусклым и бесцветным, будто полусфера была гигантским солнцезащитным стеклом.

Капюшоны остановились, и начало происходить то, что юноша мог увидеть в фильме, компьютерной игре или даже на худой конец вычитать в книге. Предплечья, покрытые чёрными рукавами, выпускали клубы густого чёрного дыма. Он скручивался, завихрялся, шевелил крохотными щупальцами, которые дрожали, пульсировали, сливались с основным облаком. Когда нестабильной субстанции оказалось достаточно, она сжалась в единый поток и змеёй заползла в ладони своих хозяев, обретая форму, которая не сулила ничего хорошего.

В руках первого капюшона появилась дубинка, чёрная как безлунная и беззвёздная ночь в самом глухом месте планеты. Размер был слишком большой для такого худосочного тела, хотя нет, для любого тела — она однозначно одним махом может загнать в асфальт Виктора вместе с Борисом. По поверхности дубины расползались красные трещины, которые напоминали тлеющие угли. Второй капюшон сжимал в ладонях хлысты, кожа которых была такой же беспощадно чёрной как оружие его товарища. Ярко-красным светились острые кончики и раздутые узелки, которые, казалось, должны вот-вот лопнуть. Эти пухлые шарики как лампочки на гирлянде располагались один за другим на равном удалении друг от друга. Хлысты неестественно двигались, будто незнакомец держал в руках живых трепыхающихся змей. Оружие этих двоих выделялось своим гротеском, который становился более явным из-за чёрной дымки, которая местами клубилась, вихрилась и стелилась по бледным пальцам и асфальту.

Борис так внимательно разглядывал неприятелей, что не заметил, как в левой руке Виктора появился пышущий тьмой одноручный топор, а в правой тяжёлая сталь чёрного револьвера. Но рассмотреть его оружие не удалось, в тот момент для юноши они были размытыми кусками металла, хотя в отличие от вражеских не дымили.

Капюшон с заведённой за спину дубиной, сверкая сумасшедшей улыбкой, возник над Виктором. Татуировщик выстрелил в противника с хлыстами и, не двигаясь с места, поднял вверх остриё топора. Бичи закрутились и с металлическим звоном встретили пулю, оставив за собой шлейф красного дыма. Остриё топора вошло в ударную часть дубины. Мастер справился с силой удара, даже плечом не повёл, развернулся и пнул неприятеля в живот, отбросив к зданию тату-салона. Звук удара тела, припечатанного дубиной, напоминал взрыв и эхом растёкся по всему куполу. Борису показалось странным, что отброшенный даже не закричал, — не из камня же он сделан. Юноша увидел, как топор, застрявший в дубине, развеялся вспышкой густого чёрного дыма.

Два выстрела накрыли непроглядной дымовой завесой перекрестие двух хлыстов. Борис, не спуская глаз с прибитого дубиной, пододвинулся ближе к спине Виктора, практически прижался к ней. Револьвер метнулся в сторону бесчувственного тела, но застыл на полпути. Щупальца обвили толстую сталь дула и одним рывком отбросили татуировщика в

неподвижную машину.

— Пря... — донеслось до ушей Бориса.

Тело мастера приземлилось на крышу седана как на крепкий, увесистый валун, проехалось по капоту и скрылось от глаз Бориса, чья челюсть дрожала, а шею сковало холодом. Он бросил взгляд на пронзительно визжащий чёрный силуэт, который поднимался с дубиной в обеих руках, а затем повернулся и увидел, как второй, срываясь на плаксивые всхлипывания, не спеша заводил хлыст назад, тем самым отрезая путь к отступлению. Сердце юноши тяжёлыми ударами тянуло грудь вниз. Чёрный купол — ключ от которого сейчас закатился за машину — будучи невероятно просторным, давил на тело невинной жертвы обстоятельств, будто его зажали в массивные тески.

Борис посмотрел на неподвижный автомобиль — ни звуков, ни движения, никакой надежды, — его губы искривились от тяжёлого дыхания: глотки воздуха были столь жадными. Его глаза потеряли желание видеть безнадёгу и тьму вокруг. Скребущий барабанные перепонки визг и тяжёлые шаги за спиной приближались, наращивая темп. Он обернулся. Тёмная фигура, выставив правую ногу вперёд, проводила боковой замах дубиной, которая приближалась к красному пятну на голове, оставляя за собой струйки дыма. Тело онемело, юноша уже был готов к судьбе окоченевшего трупа. Веки медленно опускались вместе с головой.

Вдруг правая рука поднялась вверх, будто движимая ударом тока. Борис увидел, как из его ладони вылетело что-то маленькое и, подобно чёрной молнии, вонзилось в шею капюшона. Копну светлых и красных волос взъерошила буйная волна воздуха, которая пронеслась над его макушкой. За спиной засвистели хлысты и полетели ему в голову. Звук лавины бьющегося тяжёлого стекла приглушил их свист. Неприкрытые икры и лодыжки колот морозный холод, которому неоткуда было взяться посреди лета, но у Бориса не возникло и ничтожного позыва к удивлению.

Он с опаской повернул голову. В толще резного и чистого как воздух куска льда краснели острые кончики кнутов, в искажённом пространстве за ними застыл неподвижный чёрный силуэт. Заглянув за глыбу, которая была высотой с человека, Борис увидел другой айсберг большего размера, в нём и была заточена та размытая фигура. Колени юноши подкосились, и он схватился за столб льда обеими руками, но сразу отдёрнул их. Обожжённые ладони сунул в подмышки и обошёл изваяния. Они напоминали линии электропередач из-за узловатых верёвок, которые тянулись от одного столба к другому.

— Невежливо заставляя своего спутника ждать, — донёсся скупой на эмоции голос из дальнего угла купола.

Навстречу к Борису уверенно шагал Виктор, на нём не было следов борьбы, грязи либс иных признаков того, что он кубарем скатился на асфальт. Тату-мастер прошёл мимо него и, встав перед телом капюшона с булавой, жестом позвал юношу. На хилой груди, подняв свою головку, сидела знакомая, крохотная змейка. Её сложно было разглядеть из-за нехватки света и чёрной ветровки, с которой она сливалась. Тяжёлое чувство вины давило на горло Бориса. Он присел и протянул правую руку своей спасительнице. Кобра посмотрела на его опущенные глаза, подползла ближе и лизнула его ладонь языком, чёрным как её тельце. Юноша сжал пальцы от сильной щекотки.

— С-спасибо.

— Не стоило, Господин. Всё что у меня есть — Ваша жизнь, и одна обязанность — служить Вам.

Змейка слилась с его кожей и поползла вверх, скрывшись в рукаве майки.

— Нас прервали, давай вернёмся и продолжим, — сказал Виктор и двинулся к входной двери салона.

— А это, — выдавил Борис, беспорядочно перекидывая указующие кисти от одного чёрного тела к другому.

Спина Виктора продолжала удаляться.

— Хочешь остаться с ними? Не думаю, что получится их о чём-то расспросить.

Борис пару раз повертел головой, перемещая взгляд от одного поверженного чёрного к другому, и, наконец, попятился в сторону салона, а затем развернулся и побежал. Стоило Виктору встать на первую ступеньку, он сложил пальцы на груди и повернул воображаемый вентиль. Серость рассеялась как по щелчку выключателя: круг света, расширяясь в центре дороги, разгонял тьму. Верхушка купола стала прозрачной и начала исчезать подобно туману, который тает под яркими лучами.

Круг света прогнал не только темноту, но и последствия битвы. Сначала растворилась глыба с запечатанной в ней чёрной фигурой, как пшик мелкой взвеси капелек, которые становились одним целым с воздухом. Следом узелок за узелком как бикфордов шнур, не теряя привычного натяжения, испарялись хлысты. Вторая глыба с застывшими в ней красными кончиками покорилась всепоглощающему свету быстрее, чем прогорающая дотла спичка. Двигатель серебристого седана набирал обороты. Тело капюшона с булавой растворилось. Купол исчез. Машина без царапин и вмятин на капоте и крыше двинулась вперёд. Она проехала мимо, как ни в чём не бывало.

Грудь Бориса тяжелела от сожаления.

«Они просто исчезли и всё. Не правильно. Как-то не по-человечески», — подумал он.

— Поторопись. Или забыл, зачем сюда пришёл? — сказал Виктор, поворачивая ручку двери.

Колокольчик зазвенел. Татуировщик стал в проёме, придерживая спиной дверь. Юноша появился в салоне настолько быстро, насколько позволяло его худосочное тело. Здание, вопреки его ожиданиям, осталось целым, без следов порезов от купола. Мастер закрыл входную дверь на ключ и пошёл в сторону стойки ресепшена.

По соседству с проходом в комнату, где Борису набивали тату, за стойкой была дверь. Виктор открыл её и жестом пригласил его войти. В комнате царил идеальный порядок и педантичное запустение: было только то, что могло понадобиться человеку после пробуждения и перед отходом ко сну. Мебели тоже не густо: стол, пара стульев, шкаф для одежды, тумбочка односпальная кровать. Постель, идеально заправленная и даже подогнанная, стояла поперёк несостоявшегося дверного проёма в дальнем конце комнаты. Несостоятельность его состояла в том, что он представлял собой небольшое углубление в стене. Борис нарисовал в уме план здания и заключил, что та чёрная металлическая дверь, которую он видел ночью, должна быть ровно с обратной стороны этого проёма.

Виктор прошёл мимо стула, который был ближе к входной двери, и указал на него:

— Присаживайся, пожалуйста.

Он присел напротив, Борис боялся заглядывать в глаза татуировщика и только бросал взгляды, которые скользили по его бледному лицу. Дрожащие губы разрывало желание вывалить на стол всю тяжесть скопившихся вопросов. Но знание природы этого человека не позволяла их даже разжать без разрешения. Действовать нужно согласно этикету: Виктор — хозяин, поэтому только после его слов.

— Я понимаю, что ты хочешь задать мне целую кучу вопросов, и для тебя у меня есть куча ответов. Не переживай, ты всё узнаешь. Будет лучше, если я сам расскажу всё по порядку.

Юноша молчал. Он понимал, что находится в безопасности, но никак не мог успокоиться. Стук сердца резонировал в левом ухе, щёки горели, а дышать было всё тяжелее.

— А, вы можете опять щёлкнуть своими волшебными пальцами? Я-то... я ещё не отошёл, могу не уловить весь смысл.

— Поверь, у нас ещё будет много времени, чтобы до тебя всё дошло. Пока могу предложить только стакан воды.

Татуировщик махнул головой вправо, а его собеседник, опасаясь очередных фокусов, только покосился глазами. На тумбочке стоял гладкий, стеклянный кувшин и два гранёных стакана. Завершал эту помпезную композицию постамент из кружевной салфетки, которая острым краем спадала вниз.

«Сколько ж ему лет?» — подумал Борис, и его смущению удалось замедлить стук сердца.

— Твой случай не уникальный, в наших кругах обычная практика. Таких как ты называют блудными детьми. По ряду причин, чаще всего из-за смерти родителей они теряют связь со своим племенем. И в один прекрасный день натыкаются на такого как я. У каждого своя история.

Борис пытался сопоставить слова о том, что он не человек, и загадочном племени, из которого можно практически безвозвратно выпасть и даже не знать о его существовании.

— Я — не я, и даже бабушка об этом не знает.

Он откинулся на спинку стула и расправил плечи. Выражение его лица было серьёзным, но дрожь всё ещё гуляла по телу.

— Для тебя понятнее, думаю, заменить «племя» на «раса». А почему твоя бабушка об этом не знает — очень странно. Странно и то, что, будучи блудным сыном, она у тебя вообще есть, ещё и родная.

— А те в чёрном? Они другая раса, народ...банда?

Виктор молчал, уставившись на Бориса стеклянным взглядом. Юноша опять почувствовал стук своего сердца, но внешне оставался твёрд. Спрятав глаза от мастера, он присмотрелся к небольшой картинке чёрного богомола над кувшином. Ему показалось странным, что полотно в рамке сильно выцвело: стало светло-коричневым, а не жёлтым.

— Не торопись. Я же просил. Ты всё узнаешь. Без порядка, вопросов будет ещё больше, а нам... — татуировщик посмотрел на часы, которые висели за спиной Бориса, — нужно кое-что успеть.

— Что это — кое-что? — в голосе заиграли враждебность и недоверие.

— Всё по порядку. Здание же не строят со второго этажа. А мы пока только нашли участок.

— Я б рискнул. За такой домик мне бы отвалили кучу денег.

— Ну да, риск — твоё второе имя. Мы знаем, насколько ты смел.

Лицо и голос мастера сохраняли равнодушие, что смущало даже больше, чем смысл сказанных слов. Поэтому юноша решил уставиться на татуировщика пародией его лица, лишённого эмоций.

— Наша раса занимается самым важным ремеслом для человечества — сбором эмоциональной энергии, чувств и воспоминаний людей. Мы...

— Воу-воу, мастер, а себе что не оставляете? Или налоги душат?

— Тут уже всё зависит от контроля. Те в чёрном — мы называем их одержимыми — когда-то с этим не справились.

— А от меня они что хотели? — Борис погрузился. — Они уже второй день меня преследуют.

— Потому что вчера у тебя появилось то, что им нужно. И как ты мог заметить, заполучить это они хотели очень сильно.

— А как они это получают?

— Чтобы достать ядрышко, нужно расколоть скорлупу.

Лицо Бориса перекосило.

— Так сведите татуировку!

После этих слов Борис почувствовал, как кожа над его лопаткой задрожала. Он мягко положил правую ладонь на это место и виновато опустил голову.

— А я хотел предложить добавить ещё парочку.

Виктор положил руки на стол ладонями вниз. Из татуировки револьвера на правом предплечье и одноручного топора на левом повалил густой чёрный дым, который стелился по поверхности стола. Шустрые струйки ринулись к ладоням мужчины и в один миг обрели объёмную форму своих плоских изображений. Мастер прижал оружие к поверхности стола, его пальцы стучали по нему. Борис мог судить по их виду, что объекты материальны, будто их действительно собрали из отдельных частей, а не материализовали из дыма.

Мастер пододвинул револьвер и топор прямо к груди юноши. Борис заметил, что на усеянных татуировками руках выделялись два островка безволосой бледной кожи, словно из разбитого зеркала выпали два самых больших и угловатых осколка.

— Можешь подержать, — Виктор указал на оружие раскрытыми ладонями. — Только в лицо себе не направляй. В дуле кроме красного огонька в конце тоннеля ничего нет, — его зубы опять оскалились в странной улыбке.

Борис поднял увесистый револьвер; каждая отдельная часть — дуло, ручка и барабан — была неуместно огромной. Казалось, что пуля может в брюхе слона сквозную дыру пробить и застрять в кроне молодого баобаба, о который несчастный хотел почесать бочину. Весила эта пушка как большая сумка, да и пестрила светом красных остроконечных узоров, которые выступали в роли пламегасителя. Юноша крепко ухватился за деревянную на ощупь ручку, заглянул в барабан, в котором краснели гильзы как радиоактивные вишни в горьком шоколаде, провёл ладонью по холодному металлу вдоль ствола. Он испытывал чувство детского восторга и трепета перед необычной вещью у него в руках.

— Что там? — сказал Виктор и махнул головой направо.

Борис повернулся. В него летел тот самый кувшин с водой. Юноша выставил руку с револьвером вперёд, закрыл глаза и нажал на спусковой крючок. В ответ услышал только глухой всплеск бьющегося стекла и почувствовал, что его руки, лицо, грудь, живот залила холодная вода. Он открыл глаза. Кувшин висел на дуле как яблоко на кончике ножа. Юноша аккуратно снял его и поставил на стол, а затем бросил острый взгляд на равнодушного Виктора.

— Я нажал на курок, но он не выстрелил!

Прилипшие ко лбу волосы и тяжесть холодной и влажной майки всё больше разжигали неприязнь к татуировщику.

— А как ты собирался стрелять не глядя?

— Да какая разница?! Я ведь прицелился? Прицелился, — Борис болтал револьвером из стороны в сторону. — Всё равно после выстрела глаза закрою.

Он направил револьвер на Виктора.

Мастер выставил правую руку вперёд. Револьвер превратился в дым и чёрным облачком влетел в его ладонь. Он поднёс указательный палец к глазу и выстрелил в стакан на тумбочке. Борис моргнул и вздрогнул от грохота выстрела, который ударил по ушам. Виктор и веком не повёл, даже волна от отдачи не прошлась по его коже.

Юноша не знал, что делать: бояться или удивляться. Он посмотрел на тумбочку. Рядом с одиноким стаканом собирал осколки чёрный богомол. Насекомое размером с кулак поднимало своими примочками по одному стёклышку и складывало в кучку. Рамка над тумбочкой пустовала.

— Оружие я пока тебе не доверю, — топор и револьвер струйками вернулись на свои места. — Сначала будем учиться владеть собой. Ты же ведь не хочешь стать расколотым орехом?

— Не хочу, — Борис сжал губы и немного помолчал. — А почему бы не обратиться в полицию? И зачем вам это всё?

— На моей памяти ни одного одержимого полиция не поймала. А зачем мне это — ты блудный сын, я обязан помогать тебе. Таково правило. Не переживай, время не пройдёт зря. Тем более ты безработный. Будешь мне помогать, я тебя учить. Деньгами не обижу.

Юноша закрыл лицо руками, надавил ладонями на веки и принялся перебирать факты в уме: «Всё для него слишком гладко складывается. Если подумать, всё это из-за него. Он что-то со мной сделал, а что именно не говорит, и теперь меня хотят убить. С другой стороны он меня защищал, и будет защищать, а ещё научит защищаться. Выбор не велик».

— Ммм... Хорошо, — он резко бросил руки на стол. — Во сколько завтра?

— Завтра в десять прямо к открытию. Днём можешь ходить без опаски, ночью от улицы держись подальше. Я ...

— И вы туда же, — пожаловался Борис.

Виктор молчал и опять задержал на нём свой взгляд, в ответ на это молодой человек опустил уголки губ вниз и пожал плечами. Он сгорал от стыда за своё поведение, но всё это делал по собственному желанию и от огромного перенапряжения.

— Я провожу тебя, по пути расскажу про одержимых. В тумбочке есть фен, обсушись и выдвигаемся.

Татуировщик встал и вышел из комнаты, затем Борис услышал, как за стеной цокают выключатели и шуршат жалюзи. Фен на вид был даже старше его самого: пожилой лоснящийся пластик и жёсткий на ощупь провод. Он не сообразил, как им пользоваться, потому что, в его понимании, такие приборы напоминали пистолеты: берёшь за ручку, наставляешь на голову и нажимаешь на кнопку. Ручка у этого фена отсутствовала и кнопки тоже. Борис нашёл только два гребня, он усердно нажимал на оба, пока не осталась пара вмятин на большом пальце. Потом до него дошло, что их нужно двигать. Он сдвинул один вперёд, и фен загудел как автомобильный глушитель. Воздух из решётки пошёл холодный. Юноша несколько раз провёл рукой перед дулом и отщёлкнул тумблер назад, а затем сосредоточенно осмотрел его со всех сторон и сдвинул оба гребня. Фен загудел ещё громче.

Молодой человек вышел из комнаты, уставившись в пол. Чёлка пушилась одуванчиком, а майка напоминала наждачную бумагу. Виктора не было в комнате и звуков тоже. Борис напрягся и неподвижно держался за ручку незакрытой двери. Он краем глаза увидел, как

что-то чёрное вышло из соседнего дверного проёма и стало слева от него. Юноша медленно повернул голову. Сердце ёкнуло. Там стояла угольно-чёрная фигура человека, она была гладкой, блестящей и безликой, как голый манекен, обмазанный с головы до пят густым слоем крема для обуви. Борис кинулся к стойке ресепшена, схватил органайзер для визиток и швырнул в силуэт. Он стукнулся об его грудь, не вызвав никакой ответной реакции, а визитки разлетелись во все стороны. Затем юный боец обнажил лезвие канцелярского ножа и дрожащими руками выставил его перед собой. Фигура даже не посмотрела на него. Она сделала шаг и сразу остановилась, потому что Борис сделал выпад вперёд и шире открыл глаза. Но через мгновение размяк, потому что заметил в руках чёрного манекена совок и веник. Фантом уборщика зашёл в комнату, а одновременно с ним из темноты соседнего проёма вышел Виктор.

— Всё когда-то бывает в первый раз, со временем привыкнешь, — мастер посмотрел на пол. — Прибери за собой.

Борис собирал визитки, пока Виктор снимал дверной колокольчик.

— Ничего не забыл?

Юноша кивнул.

— Тогда выдвигаемся.

Горели фонари, мелькали машины, разливался девичий смех с обеих сторон тротуара, велосипедный звонок разгонял шумные толпы подростков. По пути домой Виктор объяснил, что одержимые раньше были такими же, как и он сам, только, скорее всего, не занимались татуировками. Они хотели заполучить больше, чем могли осилить. Напитались чужими эмоциями и воспоминаниями, а они вырвались на свободу и разрушили их личности и жизни. Поэтому этих существ и называют «одержимыми», теперь ими движет высококонцентрированный клубок человеческих чувств и ярких событий. По причине своего помешательства они выпадают из социума и больше не могут собирать энергию, которая обратила их умы. Одержимый подсознательно стремится получить её: чем больше энергии — тем больше сила. Для охоты они выбирают цели слабее, но из-за помутнённого рассудка не будут отступать, если на защиту встанет противник сильнее. Их сознание нацелено на получение дозы, что делает их самыми целеустремлёнными и безрассудными созданиями.

— Моя кобра неплохо с ними справилась.

— Не обманывай себя. Она вцепилась только в одного, а они могут напасть целой стаей.

Борис хмыкнул и, осознав свою глупость, зарёкся не хвататься за соломинку, пока утопает в трясине.

Они зашли в тёмный подъезд, заполненный затхлым воздухом и сигаретным дымом. Датчики движения не сработали — лампочки не зажглись. Борис увидел, что силуэт татуировщика с револьвером крадёт и заглядывает в лестничный пролёт повыше. На третьем этаже скрипнули чьи-то подошвы по пыльному полу. Виктор схватился двумя руками за оружие и начал двигаться ещё медленнее, пока не увидел красный огонёк сигареты и силуэт лысого, сухопарого мужчины, который смотрел в окно. Револьвер струйкой дыма перелетел в левую ладонь, которую мастер опустил и спрятал за бедром.

— Добрый вечер, — сказал Виктор, проходя мимо незнакомца.

— Добрый, — ответил хриплый, еле слышный старческий голос.

Юноша прошёл мимо и не произнёс ни звука.

— Борис, поздоровайся, — упрекнул его Виктор.

Паника охватила его. Он застыл, комок прильнул к горлу, и только когда удалось его

продавить, повернулся и сказал:

— Добрый вечер.

— Борька, это твой друг? Не по твоему возрасту товарищ.

— Да, друг, — ответил он, двигаясь вверх по ступенькам. — Работаем вместе, задержались маленько, вот он предложил меня проводить.

— Он на меня работает.

Борис упёрся двумя ладонями в спину Виктора, продолжая идти.

— Зачем меня палишь?! — буркнул он, когда они были на четвёртом этаже.

Этажом ниже зашаркали подошвы. Татуировщик показал знаком, чтобы его спутник стоял на месте, а сам оценил площадку пятого этажа. Мастер начал шёпотом:

— Он всё равно с твоей бабушкой не общается. А ты его знаешь, но игнорируешь.

Со скрипом закрылась металлическая дверь.

— Откуда... — спросил Борис, а затем вздохнул и продолжил тоже шёпотом. — Я просто не хочу с ним здороваться.

— Он одинокий человек. Даже такие крохи добрых слов удержат его на плаву. В следующий раз не только поздороваяешься, а ещё и заговоришь с ним.

— Эй, мне б свою шкуру сберечь. Напоминаю, на меня одержимые охотятся! Как мне это поможет защититься от них?

— Во-первых, теперь привыкай помогать людям. По правилам мы не можем им вредить, а ещё мы должны делать их жизнь лучше. Во-вторых, никогда никого не принижай. Одно слово этого старика может, как навлечь на тебя беду, так и уберечь от неё.

— И о чём мне с ним говорить? — Борис скрестил руки на груди.

— Спроси как у него дела, здоровье, что в мире происходит.

Наклонив голову вперёд, юноша поводит сжатыми губами из стороны в сторону и спокойно ответил:

— Ладно.

Он начал подниматься на пятый этаж. Мастер поравнялся с ним.

— Если же столкнешься с одержимым, не бросайся на него с голыми руками. Не думай о честном бое. Он при встрече захочет раскрыть твою голову кирпичом, ты должен хотеть того же.

Они встали напротив квартиры.

— Запомни, этих существ не исправить, с ними не договориться... Они несут смерть, поэтому их нужно уничтожать.

Дверь, обшитая кожзамом, отворилась. В проёме стояла бабушка Бориса; его руки задрожали, а сердце, казалось, перестало биться.

— Добрый вечер, — прервал тишину татуировщик. — Меня зовут Виктор, начальник Бориса, — он улыбнулся слишком широко даже для притворной улыбки. — Приятно познакомиться.

Бабушка смерила его спокойным взглядом, но задержалась на татуированных руках. Шею и спину её внука покрыл холодный пот: она смотрела прямо на револьвер, который Виктор не успел спрятать.

— Да, приятно. Добрый вечер, — она будто пришла в себя и стала боком в проёме, — заходите на чай иль кофе. Я оладки подогрею.

Борис бесшумно выдохнул и зашёл в квартиру со словами:

— Ба, я и так у него много времени отнял. Человек занятой, ему пора уже. До завтра.

Виктор.

— Доброй ночи, — сказал мастер и закрыл дверь.

Борис поспешно замкнул её, а затем повернулся к бабушке, в глазах которой читалось недоверие.

— А что ты не говорил, что на работу устроился?

— Ну-у, сама понимаешь. Решение приняли за один день. Собеседование и сразу трудоустройство. Ты ж знаешь, какой я у тебя умный.

— Да дюжа умный, раз тебя на работах дольше месяца не держат. Ещё и директор, татуированный весь, — сидел бандит, — бабушка махнула рукой. — Да все они бандиты. Не мог, кого получше найти? Скажи ему завтра, что передумал, другое место нашёл.

Пока она говорила, Борис, сидя на корточках, разувался, а когда поднялся, его лицо светилось добротой.

— Бабушка, насчёт татуировок — модно сейчас их носить. Я всё проверил, отзывы о нём только положительные, закон он не нарушал, а работать у него приятнее, чем где-либо.

Бабушка молчала, не меняя своего недоверчивого взгляда. Внук подошёл к ней ближе, стал боком и выставил руку вперёд, намекая, что хочет пройти. Они разошлись, но стоило ему повернуть дверную ручку, как бабушка спросила:

— Кем ты хоть работаешь? И что это за кусок плёнки у тебя из майки торчит?

Тело не двигалось, а глаза бегали из стороны в сторону. Одна мысль не позволяла открыть рот: «Смогу ли я соврать?»

— Я буду его помощником. Принеси-подай, иди...иди принеси что...что-нибудь, — Борис оторвал кусок целлофана. — А плёнка...он мне склад показывал.

— Опять тебя на склады потянуло, — недовольно проговорила бабушка. — Кушать будешь?

— А куда я денусь? — на выдохе сказал внук.

— Переодевайся и руки помой.

После ужина Борис лежал на кровати и подводил итоги. Кобра свернулась спиралью на его груди. Чувства были смешанные, как сметана и варенье, которые он ел на завтрак. С одной стороны он беспомощен, как пассажир потонувшего «Титаника»: вокруг только ледяная вода беспощадного океана. Но, с другой стороны, он не один, есть какая-никакая коряга.

Бабушка без стука вошла в комнату. Кобра вмиг среагировала и приготовилась к броску. Бабушка стояла и смотрела на внука. Видимо, она вспоминала, зачем зашла. Старушка напоминала пустынную черепаху с приоткрытым ртом, изрезанным морщинами. Наконец, она выдала:

— А тебе ко сколько на работу?

— Не беспокойся, Ба, я поставлю будильник. Обещаю, не просплю.

Бабушка расплылась в улыбке.

— Прям и побеспоко-о-оиться нельзя-я-я.

После того, как бабушка закрыла за собой дверь, Борис начал обдумывать, что у неё на уме. Она же не может притворяться. Чёрная кобра на груди внука, его проводил человек с револьвером в руках, а бабушка, будучи в очках, не обратила на это никакого внимания.

Его размышления прервал сладкий и лёгкий, зефирный голос кобры:

— Я ж говорила, Хозяин, люди не могут меня видеть.

— Мысли читаешь?

— Не мысли, лицо — всё на лице написано.

— Можешь выключить свет? — сказал Борис уставшим голосом, закрыл глаза и отвернулся от лампочки.

— Вам нужно обработать татуировку, а то...

— Не нужно. Она ж волшебная. Выключи, пожалуйста.

— Вы же не хотите, чтобы от меня осталось распухшее пятно, как у того в красном?

Глаза широко открылись, а вены на висках надулись. Борис вскочил с кровати и даже не обратил внимания на кобру, которая упала на ковёр и сразу с ним слилась. Юноша по плечо просунул руку в узкий проём и торопливо шарил за шкафом, куда бабушка точно не заглянет. Со всем необходимым он направился в ванную, а когда вернулся, посмотрел в бусинки глаз змеи и выпалил:

— Всё?!

На что она поднялась по его ноге и шепнула на ушко:

— Спокойной ночи.

“Мы слишком много думаем и слишком мало чувствуем”

Чарли Чаплин, к/ф Великий Диктатор.

На безоблачном ночном небе висел яркий полумесяц. Город практически опустел и затих: визжали колёса набирающих скорость машин, и рвали глотки выкидыши дешёвых кабаков. Тишину одного тёмного переулка нарушал глухой стук деревянной трости. Среди куч строительного мусора, от которых разило мочой и штукатуркой, шёл высокий, широкоплечий мужчина. Осанка прямая, а шаг размеренный как у дворянина.

Трое преградили ему путь, выплыли из темноты будто призраки. В крошечной тьме нельзя было различить цвет одежды троих или мужчины. Стоило группе неизвестных появиться, как они захихикали подобно гиенам. Из рук банды начали расти тени. Мужчина поднял трость над головой, и в тот же миг переулок озарил оранжевый свет пламени.

Капюшоны чёрных спортивных костюмов закрывали большую часть лица, но дрожащие, серые губы им прикрыть не удалось. Троица застыла, глядя на огненный вихрь вокруг трости. Её держал коротко стриженный мужчина в тёмно-фиолетовом плаще, чьё лицо было таким же неподвижным как у статуи. Он резко опустил трость, за которой потянулись длинные языки угасающего пламени.

Мужчина пошарил во внутреннем кармане пальто и вытащил целую горсть предметов, которые напоминали цилиндры и не помещались у него в ладони. Он швырнул их в сторону троих. Банда капюшонов как голодные собаки бросилась на эти предметы, они дрались за них и даже выгрызали, если у сородича оказывалось больше. Когда они закончили возиться, один из одичалой компании подкрался бочком на корточках к мужчине и протянул в левой руке один из этих цилиндров. Правую ладонь он раскрыл на манер попрошайки. Мужчина не шевелился. Капюшон жалобно мычал и пять раз помахал вперёд-назад левой рукой, а правую поднял выше.

Из трости вырвался поток пламени в виде толстой, пятипалой лапы, которая впилась когтями в ладонь попрошайки. Капюшон заскулил и попытался рывками выдернуть руку. Ладонь зашипела, запахло жёной кожей. Несчастный впился жёлтыми зубами в своё запястье.

— Я же запретил убивать молодого, тупые уроды. Только разгромить салон и запугать, — мужчина говорил спокойно, бесстрастно, совершенно не выражая эмоций. Лицо, освещаемое пламенем, тоже было пустым.

Обессиленный капюшон распластался на земле ничком. Когтистая лапа отпустила его и вернулась в трость. Обугленные островки на правой ладони дымились, но левая рука так и не выпустила цилиндр. Капюшон лежал без сознания с вонзёнными в запястье зубами.

— Вас же было пятеро.

В ответ двое принялись во весь голос плакать и реветь.

— Заткнитесь, — мужчина стукнул тростью, под которой полыхнуло пламя.

Капюшоны прекратили реветь, начали вытирать глаза рукавами и шмыгать носами.

— Значит, Жираф прихлопнул. К нашей следующей встрече найти им замену или...

Мужчина махнул тростью в сторону ближайшей горы строительного мусора. Из наконечника вылетел огненный шар, который подпалил обломки деревянных оконных рам и досок. Огонь вмиг перемолол всё в пепел и крошечные угольки. Парочка капюшонов схватили бессознательное тело своего товарища и скрылись в глубине переулка.

Утром Борис вышел из квартиры, не пропустив ни одного ритуала. В окна пробивался свет, а в нос запах сигарет. Он тяжело вздохнул и сказал:

— Как дела, погода, что в мире?

В пролёте третьего этажа курил другой мужчина лет тридцати. Борис подумал: «Не пропадать же добру, хотя меня и так заставят».

— Здравствуйте, — сказал он.

Мужчина смотрел в открытое окно и даже не обратил на юношу внимания. Борис ощутил лёгкую обиду, но подавил её и продолжил спускаться. Запах сигаретного дыма его не раздражал, а наоборот разжигал желание закурить. Таким людям, которые курили у них на лестничных пролётах, он был даже благодарен, потому что мог свалить всё на них, если бабушка учует.

Борис направлялся в своё тайное место для курения. Оно было в двух кварталах от дома, к счастью по пути в салон Виктора. Место представляло собой небольшое кирпичное здание без окон и с двойными дверьми — скорее воротами — из листового металла. Постройку подпирал забор, поэтому место было идеальным для контроля ситуации с обеих сторон. Обычно он ходил туда, когда наступали сумерки. Но теперь по ночам он домосед, а стресс придушить надо. Сверившись с часами, — до десяти ещё двадцать минут — юноша стиснул губами сигарету, чиркнул спичкой и закурил. Почти каждые три затяжки он смотрел по сторонам, испытывая мнимое удовольствие. Когда он заметил движение слева, чуть не подавился и спрятал сигарету так, чтобы её можно было незаметно уронить на землю. Какая-то бабка увидела его и вильнула в сторону. Зудело в груди и горле. Он выдохнул, но дыма не было. Борис посмотрел на окурочек, который случайно затушил о стенку, и сказал:

— Вот зачем я это делаю? Кайфа всё равно никакого.

— И действительно, зачем это Вам? — сказал зефирный голос змейки.

Он проигнорировал её. Сознание прояснилось, но подташнивало. Борис донёс окурочек до урны и по пути на новую работу грыз себя за курение. Затем перешёл на бег и осуждение себя за постоянные опоздания. Грудь болела, дышалось тяжело. Настроение тоже тянуло вниз.

Борис прибыл в салон, как и условились, прямо к открытию. Виктор сидел за стойкой ресепшена, как и при первой их встрече. От чувства ностальгии юноше захотелось вернуться в тот самый день, развернуться и уйти: без татуировки, без угрозы для жизни, без правды о его происхождении, хотя он, по сути, до сих пор её не знает. Но, увы.

— Доброе утро, — сказал Борис, протягивая руку, — Что у нас сегодня по порядку?

— Доброе утро, — ответил Виктор и пожал руку в ответ, — Начнём с самого главного — отношения к клиенту.

— Так, мы же остановились на том, что одержимых нужно мочить тем, что под руку попадётся.

— Ты же на работу пришёл, вот и будем учиться работать. Всё остальное после работы.

— Ручку и фирменный блокнот дадите?

Борис ухмыльнулся и поиграл бровями.

— Фирменный не обещаю, но когда полностью его забьёшь, можно будет открывать свой салон, — ответил Виктор и положил на стойку оранжевую ручку с толстым грифелем и толстый чёрный блокнот без картинок на обложке.

— Хм, круто. Хоть что-то не чёрное.

— Присаживайся, — мастер указал жестом на чёрный диван из кожзаменителя,

который стоял в противоположном от стойки углу.

Борис со скрипом плюхнулся на диван. Он был очень мягким, юноша прямо утопал в нём, это и помогло ему расслабиться. Виктор бесшумно присел рядом, будто пёрышко на обивку упало.

— Начнём с самого важного правила, которое нужно записать и запомнить. Выдели его в рамку и поставь несколько восклицательных знаков. Первое правило: «Клиент — это Бог». Это значит, что тебе нужно, несмотря ни на что, спокойно воспринимать его или её действия. Держи себя в узде. Если сложно, представь водную гладь и расслабься.

Борис записал это и вспомнил того верзилу. Его тело сразу напряглось от мысли, что придётся пресмыкаться перед этим питекантропом и делать вид, что всё нормально.

— Клиенты могут быть недовольны, причём недовольны чем угодно, — продолжал Виктор, — Главное научиться обтекать углы и не разжигать пламя ещё сильнее. Клиент злится, грустит или просто чем-то недоволен — направь его в нужное тебе русло, пойми, чего он хочет или имеет в виду, и используй это. Записал?

— Да. А что с тем парнем из вчера? Может, разберём его?

— Как скажешь. Ответь, что он хотел от меня?

— Чтобы вы вернули деньги.

— Не особо познавательный пример, но всё же. Советую следить за мной и анализировать каждый мой шаг. И ещё запиши, что мы возвращаем деньги, если клиент этого требует. Людские деньги не особо важны в нашем мире.

— А что важно?

— Позже. Сейчас не об этом. Твой случай с этим парнем поинтереснее моего будет. Его и разберём. Что он хотел от тебя?

— Поиздеваться, — Борис опустил глаза.

— Он и поиздевался, а ты не допустил усугубления ситуации. В следующий раз, если не отстанет, сделай так, чтобы отстал, приведи его к этому, — Виктор встал и пошёл в сторону стойки ресепшена, — Пошли со мной, я покажу тебе, как оформлять возврат.

Виктор передал Борису бланки, которые нужно заполнить, — клиент должен сделать это самостоятельно — и показал, где лежит специально приготовленная для него сумма.

— Ладно, оставляю тебя сидеть за стойкой, встречать клиентов. Мне нужно подготовить место для сеанса. Зови если что, только осторожно, — Виктор подтянул закатанные рукава рубашки и скрылся в дверном проёме.

— И это всё? А примеры какие-то будут? Как мне его направить-то? — юноша возмущался ему вслед.

— Посиди, подумай. Наверняка что-то придёт в голову.

Вот самая сложная задача для Бориса — не делать ничего до поры до времени. Он перелистал все журналы, перечитал договор несколько раз, менял местами и без того идеально сложенную канцелярию, нашёл в интернете сайт клиники для помощи жертвам татуировок. Юноша пытался придумать, как поставит этого клиента на место, но в голову забредали другие мысли. Он решил пустить всё на самотёк, на практике проще будет. Всё это время из кабинета доносились скрипучие и шуршащие звуки пищевой плёнки, хрипение скотча и хруст пакетов.

Колокольчик зазвенел. К стойке ресепшена двигалась огромная детина, которая смотрела прямо в глаза Бориса.

— Татуировщик свободен? Я раньше пришёл, — сказал мужчина басовитым голосом.

Одет незнакомец был в чёрную футболку, которая обтягивала его выступающий живот, накаченные грудь и плечи, а также синие спортивные штаны и белые кроссовки. Шея у мужчины отсутствовала, а из лысой головы торчали сломанные уши. Несмотря на пугающую внешность, лицо у него было доброе, но Борис всё равно не терял бдительности.

— Я его сейчас позову.

— Не переживай, колокольчик слышно в любом уголке салона, — сказал Виктор, который стал в дверном проёме кабинета. — Мне нужно на подготовку ещё десять-пятнадцать минут. Пожалуйста, присаживайтесь на диван.

Как только мужчина сел на диван со скрипом страдающего под ним каркаса, снова раздался звон колокольчика. В салон вошёл тот здоровяк в красной майке и джинсовых шортах. Когда он увидел за стойкой ресепшена Бориса, его выражение лица с хмурого сменилось на удивлённое.

— Эй, Газон, чё руку обоссал — не здороваешься?! — крикнул здоровяк, поднимаясь с дивана.

Мужчина в красной майке развернулся всем телом и с громким шлепком пожал руку своего знакомого.

— О-о-о, Каштан! А ты что тут забыл? Забиться решил?

— Ну, не за молоком пришёл. А тебя каким ветром задуло? Хрень какую-то набили, теперь шифруешься? — указал Каштан на забинтованную руку.

— «Хрень» не то слово. Здешний чепушило набил, а она на следующий день покраснела, разбухла ... Короче, лучше к другому сходи. Я вот за деньгами пришёл и моральной компенсацией.

Не успел Каштан наморщить лоб, как в разговор вмешался Виктор, который слушал разговор, стоя в дверном проёме.

— Добрый день. Ваш вопрос решит мой подмастерье Борис, — обратился мастер к Газону и указал ладонью на юношу, а затем продолжил с Каштаном. — Прошу, пожалуйста, проходите в кабинет, я Вам всё расскажу и персонально для Вас объясню шаг за шагом как ухаживать за тату.

Борис почувствовал, что ему в нос начал бить запах сигарет и грязи, причём его с переменным успехом пытался замаскировать одеколон. Лицо Каштана совершенно ничего не выражало, молчание затянулось. Он посмотрел в глаза Газону, который посерьёзnel, и двинулся в сторону кабинета со словами:

— Когда я от базара бежал, пусть даже гнилого, Газон? Может, и тебе надо было с ним также перетереть.

Рядом с проёмом, скрестив руки за спиной, стоял Виктор и провожал глазами Каштана. Напряжённый Газон жамкал губами и смотрел на них, а когда мужчины пропали из виду, бросил острый взгляд на Бориса. У него похолодели лицо и ладони, а горло сдавил комок; он начал повторять про себя первое правило: «Клиент — лох, Клиент — лох, Клиент — лох... а блин, Бог, Бог, Бог...».

— А ты говорил, что он об тебя иглы не вытирает...ладно, давай мои деньги, я тороплюсь, — сказал Газон.

Подмастерье с небольшой заминкой положил на стойку два бланка и осторожно пододвинул их мужчине. Юноша старался не смотреть на него и перевёл взгляд в сторону от переносицы Газона.

— Заполните, пожалуйста, бланки, — сказал Борис тихо, сдерживая дрожь в голосе.

Газон с размаха ударил по бланкам раскрытой ладонью. Юноша вздрогнул и покосился на дверной проём кабинета.

— Быстро вернул мои деньги!

Все мышцы одеревенели от страха, глаза смотрели вниз, а во рту всё пересохло.

— У Вас всё получится, — прошептал зефирный голосок. — Верьте в себя, я вот в Вас верю. Просто вспомните, что говорил мастер, и используйте.

Воображение разыгралось, и картинка перед глазами затянулась ровной гладью кристально чистого озера. Мышцы размякли, а в голове зажглась идея, которую нашептало недалёкое прошлое.

— Просто заполните бланки, и я всё Вам отдам. Вы же принесли паспорт, как просил мастер вчера, — чётко и услужливо сказал Борис.

— А ты тут для чего сидишь? Бери и заполняй, — Газон пододвинул бланки, а затем швырнул паспорт в руки подмастерью.

Борис аккуратно положил документ на бланки, водрузил на них оранжевую ручку и вернул всё Газону. Теперь юноша смотрел прямо в его глаза и старался не моргать. Он слышал, что так можно сбить человека с толку, — своего рода способ гипноза.

«Теперь самое время обтекать углы», — подумал он.

— Прошу прощения, я не могу его заполнить. Нужно после заполнения заверить у шефа, если будет заполнено моим подчерком, он просто порвёт его.

— Так заполни другим подчерком!

— Ох, если б я так умел, тут бы не сидел, — Борис повеселел, расправил плечи. Он сам не понимал, делает это, потому что немного нервничает или уже успокоился.

Каждый участок кожи на лице Газона демонстрировал, как он ненавидит Бориса. Но мужчина практически бесшумно положил ладонь на документы, скользким движением стянул их со стола и пошёл к дивану, сел на край и с деловым видом начал изучать бланки. После заполнения подмастерье отнёс их на подпись Виктору, он не боялся его потревожить, ведь мастер точно не дрогнет. Татуировщик закреплял на внешней стороне внушительного бедра Каштана эскиз елового леса. Будущая татуировка, по оценке юноши, будет размером с две его ладони.

Подмастерье передал Газону деньги и его экземпляр бланка. Мужчина пересчитал купюры, а затем выпалил:

— А где моральная компенсация?!

Сердце неопытного сотрудника забилося чаще.

— Начальник...он-он не говорил, что нужно передать компенсацию, — его голос надломился. — И вчера вы об этом...

— Ты дурик что ли, или твой начальник? Что не ясно та: за то, что у меня наколки нет, вы уже забашляли, — он сунул Борису под нос свою перебинтованную руку. — А за это кто башлять будет?

Юноша понимал, что забрался на вершину и сейчас с неё катится. Он и рад отдать свои кровные, лишь бы этот тип отстал, но его карманы оказались не готовы для подобных трат. И бежать некуда: без Виктора загрызут одержимые. Борис, конечно же, представил, как он сбивает Газона с ног и выбегает на улицу. Ну, а дальше что? А сейчас что?

— Эй, алё, не спать! — Газон шершавыми костяшками постучал по лбу Бориса — не сильно, но больно.

— Мне нужно спросить.

Стоило Борису войти в кабинет, мастер прекратил жужжать машинкой и сказал:

— Зайди в соседнюю комнату, там...

— Газон, — перебил его мощный голос Каштана, — Газон, иди сюда. Ты что не уходишь? Они тебе деньги не отдают?

— Что я им дал — вернули, только вот моральную компенсацию зажимают.

Каштан немного помолчал и затем сказал:

— Уговор был, что они тебе её дадут?

— Так ежу понятно...они же накосячили, вот теперь пусть...эта... компенсируют.

— Так был уговор или не был?

— Каштан, чё ты завёлся? Это ж мне плохо сделали.

— Иди отсюда, Газон. Меня тут обслуживают, а ты беспределишь.

Оба мужчины выглядели спокойными, но их лица были одинаково серьёзными. Глядя на них, Борис чувствовал, как растёт напряжение в воздухе — эти двое наверняка сейчас друг на друга набросятся. Газон надменно улыбнулся, запрокинув голову, развернулся и пошёл к выходу. Борис смотрел ему вслед: хотел убедиться, что он не сломает ничего по пути. В этот раз колокольчик только слабо зашуршал.

— Можешь возвращаться, мне надо закончить, — сказал Виктор, тем самым вывел Бориса из ошеломления.

Он сел за стойку и заметил, что на ней лежала копия бланка, а оранжевой ручки — той самой, которую он передал Газону, — нигде не было. «Скотина алчная, но не продуманная; листком, когда приспичит, и потереться можно», — подумал Борис и улыбнулся.

Под приглушённое жужжание машинки он сидел, смотрел на дверь и фантазировал, как можно было поступить иначе в уже случившейся ситуации. Ему на ум приходили идеи, переполняющие досадой, потому что попали в его голову слишком поздно. Они могли всё поменять. Кто знает, какое раскаяние это вызвало бы у Газона.

Когда Борис почувствовал, что сиделище уже неприятно затекло, из кабинета вышли мастер и Каштан.

— Рекомендации мы проговорили, — Виктор взял со стойки брошюру, — Тут все напоминания и мои контакты.

Каштан ничего не ответил, а только протянул татуировщику руку, которую он пожал аккуратно, по-деловому. Мужчина смотрел на него, а затем перевёл взгляд на Бориса.

— С такими как Газон нужно сохранять хладнокровие — спокойным быть. Иначе вцепится в горло, с мясом придётся выдирать. Раз ты решил тут работать, контролировать себя — это первое чему ты должен научиться. Иначе таких дней станет больше.

«Как будто я не знаю», — подумал юноша, но виду не подал, и сразу затараторил:

— Хорошо. Большое спасибо! Буду стараться! Ещё раз большое спасибо, что выручили.

Как только он закончил, Каштан пошёл на выход.

— Ты же знаешь, что у каждой татуировки, есть своё значение? Как ты думаешь, что значит его тату? — сказал Виктор, когда они остались одни.

— Лес? Хм, — лицо Бориса стало сосредоточенным, — Судя по внешности...не знаю... лес валил.

Виктор поднял уголки губ и больше ни одной лицевой мышцей не повёл, развернулся и, двигаясь в сторону кабинета, сказал:

— Нет, к лесоповалу он отношения не имеет и в тюрьме не сидел. Всё не так очевидно, нужно смотреть глубже, — Виктор зашёл в кабинет, но продолжил говорить. — В конце дня

скажешь, что надумал.

— Рабочего?

Однако в ответ подмастерье услышал только хруст и шелест пищевой плёнки, которую отдирали Виктор. Юноша встал со стула и сделал пару неестественных шагов — ягодицы болели, причём правая сильнее левой. Казалось, что они превратились в мозоли, которые давят прямо на снабжающую мозг артерию. Борис несколько раз обошёл приёмную вдоль и поперёк, но ничего внятного ему в голову так и не пришло.

В тот день клиентов больше не было, хотя Виктор ожидал одного по записи. Из-за частой смены работы юноша привык к слабой загруженности в первые рабочие дни, недели, иногда даже месяцы, но от такого начала он чувствовал себя неуютно. По редким звукам из кабинета он понимал, что Виктор чем-то занят. От мыслей, что ему не доверяют даже помочь, чувствовал себя беспомощным и бесполезным. Но всё-таки делал то, о чём его попросили. Нашёл в интернете, что значит татуировка леса. Оказалось, что значений очень много, и, смотря ещё, какой лес там изображён: еловый, ивовый, дубовый, густой или там всего пара стволов, листья только на макушке или обильно кустятся на ветвях и много других вариантов, у которых тоже были свои смыслы. Только проблема в том, что Борис забыл, как выглядел лес на бедре Каштана.

Перед закрытием Виктор подошёл к нему и сказал:

— На сегодня мы закончили. Собирайся, нужно кое-кого навестить.

— Насчёт леса...

— Позже. Не задерживайся, опаздывать нельзя, через пять минут выходим.

Вечер воскресенья напоминал вечер субботы, только улицы заметно опустели. Борис и Виктор прошли всего два квартала, но внешне прохожие заметно изменились. Всё чаще мягкие и ухоженные лица сменялись на жесткие и недолюбленные жизнью. Всё в этом месте от асфальта под ногами до многоэтажных зданий было потрёпано временем и ни разу не обновлялось, иногда замазывалось, но не больше. Эти хмурые высотки окружали прохожих, следили за ними своими впальми чёрными глазами окон и осуждали за безразличие. Местами валялся мусор, а водяные стоки окружали островки окурков.

По пути Борис и Виктор обсуждали сегодняшний случай с Газоном. Татуировщик сводил всё к тому, что его подмастерью просто нужно больше тренироваться с такими вот индивидуумами. Юноша в свою очередь пытался разузнать что-то не связанное с людской рутинной, но мастер, несмотря на своё обещание, постоянно менял тему, делая вид, что не слышит вопросов. Когда Борис сдался, они продолжили идти молча.

Они остановились напротив белой вывески, на которой располагалась надпись оранжевыми буквами: «ЛИСИЙ ДЫМОК». Она висела над входом в торговое помещение на первом этаже блёклой пятиэтажки из белого кирпича. Виктор, не дав никаких наставлений, просто начал подниматься по железным ступенькам, а Борис последовал за ним. Они оказались в тесном, но хорошо освещённом помещении, все стены которого были заставлены шкафами, витринами и стеллажами. Заведение предлагало широкий ассортимент табаков, махорок, машинок для самокруток, сигаретных фильтров, папиросной бумаги, углей для кальяна и прочих приспособлений и расходных материалов для курения. Здесь ничем не пахло, ссылаясь на опыт Бориса, этот факт роднил между собой все табачки. Лысый мужчина лет сорока стоял за стойкой, которая работала по совместительству стеклянной витриной и располагалась напротив входа. На незнакомце была чёрная футболка, а в зубах он держал деревянную трубку, глядя на которую вспоминаешь матёрых капитанов дальнего

плавания.

— Добрый вечер, Виктор! И тебе молодой человек, — сказал мужчина и широко улыбнулся.

В ответ губы татуировщика ровной линией расплылись по лицу.

— И тебе доброго вечера, Джон, — сказал мастер и поспешил пожать его руку.

— Слышал, что с парикмахерской Цирюльника сделали?

— Конечно, слышал. В салоне полный разгром, его паренька убили, а сам пропал. Я думаю, в деревню подался.

— Эх, без Цирюльника трудно придётся. Иногда, казалось, что ему любая задача нипочём, что не попросишь, будет сделано. Помню, он мне раскрошенный зуб заново собрал, стал прям как молочный. Ещё и камень прямо в желчном испарил...

— Теперь будешь есть правильно и за зубами следить, — перебил его Виктор.

— Полжизни летал, а теперь обратно ползать?

— Кто летал? Ты? Это тебя Цирюльник в небо подкидывал, а ты летел, расправ ручки, пока не грохнешься и землю не пропашешь своими зубами, молочными.

Борис стоял рядом, будто маленький ребёнок, который ждёт, когда взрослые договорятся и его представят незнакомому дяденьке. Джон, когда молчал, гонял трубку из одного уголка рта к другому и при каждой остановке крепко сжимал её зубами. В отличие от Виктора с его безжизненным и бесцветным тоном Джон говорил задорно, с лёгкой шутливой ноткой в голосе, по которой сразу было понятно, что говорящий далеко не зануда.

— А это твой блудный? — спросил Джон, указывая на юношу мундштуком. — Сразу видно необычный паренёк, — постукал он себя им же по лысине и тепло улыбнулся. — Только без обид, молодой человек.

Но Борис и не думал обижаться: привык пропускать мимо ушей подобные колкости в адрес своей особенности. Оскорблений было немало и будет ещё больше. Он не видел смысла в ругани или драках с теми, кто его задевал, да и, честно говоря, не умел это делать.

Юноша молчал, но всё-таки решил показать лёгкой улыбкой, что всё нормально. Джон, глядя на него, ответил кивком и продолжил:

— Хороший паренёк, необидчивый. Как он к тебе забрёл? Всё как обычно, всё как у всех?

— Набил ему тату на лопатке, он вернулся домой, а потом той же ночью... нет, под утро пришёл ко мне в салон.

Джон, не спуская глаз с Бориса, крутил острый кончик своего чёрного уса с редкой проседью.

— Но я не сам вернулся, — выпалил юноша.

— О как? И как же это?

Виктор и Джон смотрели на него, ожидая историю, которую услышат в первый раз. Борис вспомнил слова Виктора о том, что сам пришёл в его салон под утро. Понял, что не следовало это говорить в присутствии мастера, да и при постороннем об этом лучше молчать.

— Расслабься, парень, — сказал Джон, — я его прекрасно знаю. И его правильная натура, — он показал знак «кавычки», — мне тоже знакома. Он, наверное, сказал тебе, что ты сам к нему вернулся, на своих двоих, да? Вижу, что да. Он правду говорит, только...

Виктор со стеклянным лязгом ударил по стойке чем-то, что было у него в руке.

— Я по делу зашёл, мне чёрный и красный.

Джон вытащил изо рта трубку и поднял руки, будто сдаётся.

— Можно хотя бы имя его узнать? А-то не правильно...не вежливо как-то, — опуская руки, он довольно хмыкнул.

— Конечно. Почему нет?

Глаза юноши смотрели только на предметы, скрытые от них ладонью мастера пару мгновений назад. На стойке стоял угольно чёрный цилиндр, который Борис сначала принял за большую батарейку. По вертикали, вдоль корпуса этого объекта тянулась тонкая красная полоска света. Джон взял цилиндр и спрятал в стойку.

— Меня зовут Борис, приятно познакомиться, — пробубнил юноша, словно его недавно разбудили, и протянул руку хозяину магазина.

— Мне тоже приятно, Борька! — сказал Джон и со шлепком пожал его ладонь. — Ладно, а теперь к делу.

Он достал из стойки две плоские баночки, одна была чёрной, а другая красной; обе напоминали чашки Петри.

— Проведёшь дегустацию? Он курит, если что, — сказал Виктор.

— Конечно! Прошу подойди ближе, Борька.

Юноша посмотрел на мастера непонимающей физиономией.

— Смелее. Ты всю дорогу меня спрашивал, вот и шагни к ответам, — сказал Виктор и мягко подтолкнул своего подмастерья.

Борис подошёл к стойке вплотную и положил на неё ладони. Татуировщик красочно подмигнул Джону и указал большим пальцем на свою грудь.

— Вот и молодец! — сказал Джон, а затем достал из-под прилавка резную трубку для курения.

Она была старой и потёртой; на коричневой древесине застыли острые узоры, которые не вызвали у Бориса никаких ассоциаций, хотя один показался ему знакомым — большой глаз на лицевой стороне чаши. Джон открыл чёрную баночку, внутри оказался обычный табак, рассыпчатый и немного влажный. Он насыпал несколько щепоток на стойку и принялся забивать глазастую трубку. То же самое Джон проделал со своей, используя содержимое красной баночки.

— Курить трубку — не то же самое, что и сигареты. Нужно поддерживать горение табака, балансировать: будешь тянуть слабо — потухнет; затянешься сильно — сгорит. Зажигалка, спички у тебя есть? — говорил он уже серьёзно, тем самым походил на Виктора.

— Да. Но я надеялся увидеть, как вы даёте мне прикурить, щелкнув пальцами. От щелчка появляются икры, и у вас на указательном пальце загорается огонёк.

— Неплохо, молодой человек. Надо в следующий раз проверить такое.

Джон протянул ему трубку с глазом, а сам чиркнул спичкой, поднёс пламя к своей и пока затягивался, сказал:

— Приступай, только не напрягайся и не волнуйся. Главное контроль. Да ты и сам знаешь.

— Так, ну, мы же непросто курим? Что будет?

— Тебе же сказал Виктор не бояться, всё будет тип-топ, — ответил Джон опять в своей тёплой и весёлой манере.

Юноша глубоко выдохнул и сфокусировался на одной мысли: «Я же обещал себе не бояться».

Джон дымил по полной, а Борис только примерялся. Он пытался поймать равновесие,

чтобы чиркнуть спичкой и прикурить. Юноша поднёс язычок пламени к чаше и принялся аккуратно втягивать воздух. Борис чувствовал вкус яблок с корицей, причём он был таким натуральным — химической имитацией и не пахло. Он даже заметно удивился.

Глаз на его трубке начал светиться красным. Мышцы на лице Джона стали неподвижными. Юноше на мгновение показалось, что на него исподлобья сейчас смотрит лысый, усатый Виктор. Джон тихо затаился, наполнив до отказа лёгкие дымом, и выпустил густую струю дыма парню в лицо. Серая и непроглядная завеса полностью закрыла его голову. Ни одна мышца не дрогнула, чтобы сделать шаг назад, разбежаться и пробить всем телом дверь этой западни. Подмастерье видел перед собой только клубы серого дыма, от которого не слезились глаза. Отпало желание моргать. Звуки и пол под ногами пропали.

Завеса начала сгущаться, собираться в единое, плотное серое полотно, которое напоминало стену пещеры. Вернулись звуки, которые стали тихими, невнятными, жёванными, казалось, что они волнами накатывают со всех сторон сразу — приливают, а затем отходят, чтобы набрать силу. В самом центре серого полотна появилось красное пятнышко. Звук нарастал, становился осмысленнее; Борис узнал в нём голос Джона, который, как показалось, рассказал уже вступление:

— С этого времени наш народ стал жить рядом с людьми. Так начало нашего пути переплелось с их началом, — пятнышко росло, пока не обрело форму пляшущего из стороны в сторону огонька. — Мы жили с людьми, черпали в них силу плоть о плоть, плечом к плечу, добром за добро, даром за дар. Поначалу это было просто, потому что людей было мало, и все жили тесно, близко, — вокруг огонька начали водить хоровод силуэты людей, которые появились словно капли воды на пергаменте. — Людей становилось больше, но уходили они друг от друга всё дальше. Тогда наши предки заметили, что к ремесленникам люди приходят сами, поэтому нужно было каждому освоить по ремеслу, — хоровод распался, и фигуры начали прыгать друг за другом через костёр, а он становился всё больше и выше пока не сжёг всю каменную стену. — Но люди начали враждовать, убивать, воевать, и наш народ насыщенный их эмоциями, чувствами, памятью пошёл по тому же пути. Раскол людей расколол наш народ на хинтов и унтов, — на чёрном как беззвездная ночь полотне появился бежевый силуэт человека, по телу которого трещинами расходились жёлтые линии, а затем появился другой такой же, только его тело резали красные жилы. — Войн становилось всё больше и больше.

Вмиг картинка стала яркой, объёмной, реалистичной. Звуки клекотали в барабанных перепонках, а запах крови, грязи и пота заполнил нос. Борис находился посреди побоища древних племён, которые бросали друг в друга копья и хорошо, если попадали в круглые деревянные щиты, — чаще они летели прямо в плоть. Люди в шерстяных одеждах секли друг друга мечами. Лица одних кипели яростью — были готовы зубами рвать врага, — а другие, напротив, сохраняли хладнокровную неподвижность. Руки брали копья из воздуха и метали их без счёта. Ноги своим топотом разверзали почву. Губы источали потоки огня, которые никого не щадили. Кожа, которая не рвалась под острым металлом, закрывала собой товарищей. Были среди них и те, кто мог держать только копьё и щит — людское племя. Их тоже не щадили.

Ослепительная вспышка и на поле брани воцарилась мёртвая тишина. Тела покрывали землю, штабелями лежали друг на друге, и это покрывало растянулось до самого горизонта. Губы и подбородок Бориса задрожали, дышать стало тяжело, появилась отдышка как после продолжительного бега. Когда вороны начали кружить над его головой, голос Джона

продолжил:

— Все считали, что это верный порядок вещей — разделяться и враждовать с несогласными: другими, чужими народами. К людям относились как к животным, которые всё равно все не передохнут, — вспышка золотого света, от которого не спасали даже ладони на лице Бориса. Свечение пропало так же быстро, как и появилось. — Решение вопроса вражды пришло само собой. С хинтами и унтами начал говорить голос, который указал им верный путь, — Борис увидел в небесах человека, который раскинул руки, будто пытаясь обнять весь мир. Тело его было как точёный самородок, а кожа источала слабое золотое свечение. Глаза человека были направлены на землю. — Голос называл себя «Тот, кто видит», говорил, что он везде, всё знает и что он несёт благо — верный путь для племён.

Золотой человек начал вращаться, пока не образовал ровную окружность. Борис почувствовал болезненную усталость; боль прожорливым пламенем разрасталась по груди. Из Золотого диска зазмеились толстые линии сверху и снизу. Пару мгновений и в небе висел гигантский глаз, который светился всё ярче и ярче. Снова вспышка, которая вернула Бориса в табачную лавку. Юноша упал на четвереньки от жгучей боли, которая уже распространилась по всему телу. Он начал кашлять с хрипами и бульканьем, пока не запачкал белый кафель кровью и мокротой, которая тонкими струйками продолжала стекать по внутренней поверхности щёк вперемешку со слюной.

— Как тебе рак лёгких в терминальной стадии, Борька? — спросил Джон равнодушным голосом.

Борис, жадно пропихивая в себя воздух, поднял голову в сторону голоса; на него смотрело неподвижное лицо Джона, который всем весом опёрся на стойку. Белки его глаз почернели, радужка покраснела, а зрачки стали вертикальными как у кошки, казалось, что тьма циркулирует чёрной струйкой через налитый кровью круг.

— Сейчас ты видел чужую смерть и близок к своей смерти как никогда, — сказал Виктор, наклонился и положил ладонь юноше на спину, — Они жили неправильно и поэтому мертвы. Поступая неправильно, ты встаёшь на их путь. Сигарета сегодня — это только шаг, но конец пути будет, как ты уже заметил, не самый приятный. Решайся прямо сейчас: отказ или смерть.

Сознание и взгляд мутнели. Борис чувствовал, как его ноги и руки немеют. Он дышал, но насытиться никак не мог. Силы покидали его. Он понимал, что если упадёт, то, только под землю. И тогда юноша выдавил то, что эти двое хотели услышать:

— Я брошу...сегодня...сейчас...всегда, — он верил в эти слова и готов был поклясться жизнью и душой, что говорит правду.

Руки подкосились, и Борис упал лицом на холодный кафель, но не почувствовал щекой ничего липкого или влажного. Он вскочил, словно разбуженный кошмаром. На полу не было пятна. Юноша тщательно ощупал лицо — может, что прилипло, — тоже ничего. Виктор одобрительно похлопал его по плечу и сказал:

— Ты большой молодец. Сегодня ты сделал шаг в верном направлении, — на его лице появилась широкая улыбка, которой Борис по-прежнему не верил.

Он заглянул в глаза татуировщика — обычные человеческие карие глаза мастера, которые были двумя тёмными кругами на его бледном лице. Борис попятился к выходу. Его руки тряслись и не слушались, но он всё-таки смог выставить в сторону Джона и Виктора указательный палец.

— Я ж...Я же...Я же чувствовал, что умираю. Вы меня убить хотели, — паника в его

голосе нарастала. — А если бы у меня сердце остановилось? Я же кровью харкал. Где она?!

— Чего не было, того не было, — ответил Джон.

— Как это?! — не унимался юноша. — Было же! Я тут при вас чуть лёгкие не выблевал.

А ты мне говоришь, что ничего не было!

— Да, не было. Это всё обман, иллюзия, фокус. Я в этом деле хорош. Самые правдоподобные иллюзии от лавки «ЛИСИЙ ДЫМОК», не отличишь от настоящих.

Юноша посмотрел неодобрительно Виктору в глаза и сказал:

— Скажите, только честно. Вы меня точно защитите хотите? Помочь мне не сдохнуть.

— А что я сделал не так? Ты узнал, что хотел, и даже больше: тебя направили на путь истинный — путь жизни. Сразу видно, что тебя в детстве не пороли: применили боль в воспитательных целях, и ты сразу распахнулся.

Борис успокаивался от его слов, тут нечего было возразить. Но детская обида на этих двоих не унималась в его душе.

— А теперь извинись перед Джоном за то, что обратился к старшему на «ты».

— Не стоит Виктор. Паренёк перенервничал — можно и простить, — Джон всё ещё говорил безэмоционально, но понемногу проклёвывались зачатки эмоций.

— Давай, Борис, извиняйся.

— Он сам говорит, что всё нормально... Ладно, извините меня, Джон. Был не в себе.

— Конечно, с кем не бывает.

Борис хотел уйти от всех этих издевательств. Не разговаривать с этими двумя. Но любопытство побороло эти желания.

— Только вот, кто такие «хинты и унты», и этот... «Тот, кто видит»?

— Мы унты, включая тебя, Борис, — ответил Виктор. — От хинтов мы отличаемся клиентурой, которую обслуживаем, и ещё парой особенностей. Эмоции, чувства, воспоминания будут разные у Газона и у какой-нибудь праведной бабушки. С хинтами ты ещё познакомишься. Неопишуемые создания.

— Раз уж унты больше не убивают людей, то и с хинтами больше не воюют?

— В точку, Борька! Ох, и прилежный паренёк тебе достался, Виктор. Умеет слушать, — сказал Джон и рассмеялся.

Юноша бросил на него взгляд. Глаза Джона превратились обратно в нормальные — зелёные и светлые как скошенная трава.

— Да, хоть раз в жизни повезло, — ответил Виктор.

— О, знаменитый Жираф скромничает, вы только послушайте.

Борис сдерживался, как мог, чтобы не засмеяться. Весь из себя такой крутой и хладнокровный Виктор оказался «Жирафом».

— Сложно назвать везучим человека, которому дали кличку «Жираф». А вот когда Евгения называют «Джоном» — совсем другое дело.

— Сам же знаешь, что тебя из зависти так называют. Что насчёт меня — у вас с фантазией просто туго.

— Я на зависть вообще не способен, а они вроде тоже унты.

— Ты-то много чего не можешь. А таким как они, если не могут даже такую простую эмоцию подавить, как я считаю, прямой путь в одержимые.

— А кто такой «Тот, кто видит»? — громко вмешался Борис в короткую паузу посреди беседы взрослых.

— Из названия, я думаю, много чего понятно, — ответил Виктор. — Он указал древним

хинтам и унтам верный путь, как мы сегодня указали его тебе. Проще говоря, «Тот, кто видит» или сокращенно «ТОТ» наблюдает за тем, чтобы народы жили по правилам.

— Это какие-то конкретные правила, где их можно прочитать?

— Позже я отведу тебя к ним, и ты их лично прочтёшь. Не беспокойся, эти правила сложно нарушить, особенно тебе. Ну, ладно мы тут закончили. Спасибо, Джон. До встречи.

Борис и Виктор обменялись рукопожатиями с Джоном и двинулись к выходу. Когда юноша взялся за деревянный шарик дверной ручки, он услышал треск открывающегося замка и смог разглядеть стелющийся дымок, который сочился из замочной скважины. Борис обернулся. Джон помахал ему и широко заулыбался, только в этой улыбке и выражении его лица было что-то хитрое, будто он знает про тебя какой-то секрет.

Виктор провожал своего подмастерья в полной тишине. Борис не хотел с ним разговаривать, ведь он подстроил всё это представление. Вопросы размножились почкованием в его голове, но обида наглухо запечатала ему рот. Мастер не мешал ему вести внутренний монолог, даже шёл немного позади.

Юноша не заметил, как мысли привели его обратно в состояние обиженного мальчишки. Ведь нельзя же так с ним, с живым, чувствующим, осознающим себя чело...ах да, унтом. Что теперь делать с этим ярлыком он тоже не представлял. Хотя какая разница, плавать в море людей или в море унтов? Судя по всему, у них есть своя валюта, работа от обычной не отличается, а способности превосходят человеческие, но против людей они их не обратят. Что-то было в этом новом мире — слабый привкус чего-то еле различимого и приятного — только вот проводник достался Борису какой-то мутный. Всё у него чёрное или белое, можно или нельзя, казнить или помиловать. С другой стороны, Виктор его начальник, а начальство по-другому не умеет. Жизнь кардинально не поменялась, но отличия есть: ему от нового босса не сбежать. В груди потяжелело, а губы еле заметно задрожали.

— Ну, что Вы, Хозяин? — сказала кобра, показав головку из-под воротника, — Воспитательный процесс никому не нравится, иначе в нём не было бы никакого смысла.

— Лучше бы он мне подзатыльника дал и сказал: «Не кури», — буркнул Борис.

— Зато Вы больше курить не будите, здоровью не навредите. Курение портит кожу и не только.

— А если я хочу вредить, если хочу портить?! — он продолжал бормотать себе в плечо. — Мне хочется. Я совершеннолетний, мне можно. Почему я не должен?

— Мне тоже хотите навредить?

Он остановился и посмотрел на небо. Закатное солнце окрашивало редкие перистые облака тёплыми тонами жёлтого, красного, малинового и оранжевого. Юноша набрал в грудь воздуха, задержал дыхание на пару мгновений, а затем медленно выдохнул.

— Я тебя понял. Нельзя, так нельзя.

Каждый человек запоминает по-разному — кто-то на слух, кто-то зрительно, кто-то только повторением и никак иначе. Запах в наших воспоминаниях играет отдельную роль; он пристаёт к памяти как инъекция, проникающая в мышечные волокна мягкого места: один раз попала, уже не отделаешься. Детство своё или чужое запоминаешь похожим образом, оно, как и любое «раньше», лучше сегодняшнего дня, а раньше детства ничего не было, поэтому воспоминания о нём самые любимые и остаются с нами навсегда.

Чаще всего в детстве Борис делал с бабушкой только одну вещь — куда-то ходил. Они посещали магазины, рынки, парки, почту, цирки и прочие места. Разнообразные визиты накладывались друг на друга в памяти, поэтому эти моменты легко в ней запечатлелись. При посещении таких мест бабушке приходилось тратить деньги, а их ценность внук не понимал. Но иное было ему совершенно ясно: в этом мире много всего, и попробовать это нужно как можно скорее. Завтра он, возможно, не увидит перед собой шарики, игрушки, воздушную кукурузу, пирожные, а может их уже не будет никогда. Капризы переживались бабушкиным терпением и ничем не гасились: нечем было, да и ребёнок мог привыкнуть, что его ревуший рот могут закрыть условной конфеткой. Иногда Борис получал то, чего хватало для более-менее счастливого детства. Такие вещи он ценил, бережно хранил и старался получить от них как можно больше.

Цирк запомнился ему, как храм счастливого ребёнка. Даже сейчас, стоило вспомнить душные, шумные павильоны, ярко освещённую арену и громогласную музыку, как в память возвращались запахи воздушной кукурузы, сахарной ваты и животных со всего мира. Там было всё, что нужно детям: сладости, необычные игрушки, шарики и представления. Именно оттуда Борис выносил большую часть своих «вещей».

Больше всего ему нравилась игрушка йо-йо — синий пластиковый волчок на белоснежной верёвочке, которая напоминала зубную нить. Борис часто видел по телевизору, как его крутят крутые ребята, и желание заполучить такую же вещь безудержно росло в нём. Глаза мальчика светились от счастья, когда он, наконец, выпросил йо-йо у бабушки, и как же они потускнели, когда волчок опустился и не поднялся. Бабушка сказала, что им просто попался бракованный, и больше она такую ерунду не купит. Но внук с её правдой не смирился.

На протяжении нескольких дней йо-йо просто разматывалось и оставалось внизу, покачиваясь как маятник. Борис снова и снова наматывал верёвочку разными способами. Их было так много, что он путал старые нерабочие методы с новыми, внушающими надежду. Боря крутил запястьем в разные стороны, подсекал, пока волчок не успевал опуститься до конца, он даже поднимал руку как можно выше. Ничего не помогало. В один из дней его посетила любопытная мысль после нескольких неудачных попыток вернуть йо-йо обратно в ладонь. Он вспомнил про тех крутых парней из телевизора. Они ведь не были так напряжены, не думали, как вернуть йо-йо обратно. Эти парни спокойно и расслабленно болтали, пока волчок крутился в их руках.

Глаза маленького Бориса светились так же, как и в тот раз, когда бабушка передавала ему йо-йо: волчок крутился не только когда опускался, но и когда поднимался. Не прошло и года, как игрушка начала изнашиваться. Сначала порвалась верёвочка, которую Боря заменил, но она тоже порвалась, и следующая прожила недолго. Корпус от частых падений

потрескался и пришёл в негодность. В конце концов, верёвочка перестала держаться на волчке, и он просто каждый раз падал на пол. Борис решил положить йо-йо в обувную коробку, в которой хранил свои памятные вещи. Сейчас будучи взрослым он не жалеет времени, чтобы открыть её и вспомнить старые, добрые деньки.

Местом, которое он любил меньше всех остальных, был любой магазин одежды или обуви. Походы в такие заведения сильно утомляли молодой и энергичный организм маленького Бориса. Честно говоря, они делают это и по сей день. Каждую вещь нужно было искать, выбирать и примерять, а если не подходила идти в другой магазин, и опять по кругу. Самое ужасное — взять на вырост или точно по размеру, в надежде, что оно разносится. В каждом вещевом магазине царил одна магическая атмосфера — при первой примерке незначительные неудобства не беспокоили, а после второй уже дома превращались в сущий ад. Туфли натирали до кровавых мозолей, ботинки заставляли кости ступней перетираться, капюшон оказывался достаточно тяжёлым, чтобы за шиворот куртки задувал холодный ветер. Но пару положительных моментов Боря всё-таки для себя вынес. Во-первых, все эти проблемы ему помогала исправить смекалка: он клеил на пятку пластырь до прогулки в туфлях, заталкивал в носок ботинка всякую всячину и оставлял на пару недель, зашивал воротник куртки, чтобы он стал уже. Во-вторых, Борис относился и к таким вещам бережно, чтобы поменьше ходить в магазины одежды.

О чём ещё мог думать взрослый Боря, сидя на работе? Как же хорошо жилось тогда, когда проблемы были незначительны, жизнь шла своим чередом пока не замкнулась в петлю — то ли в виде верёвки на шее, то ли дорожки под ногами. За стойкой ресепшена он скучал и тлел от обиды.

Виктор вышел из своей комнатки и сказал:

— Борис, зайди сюда и прихвати свою тетрадь.

Хорошо знакомое чувство, когда ты не хочешь, не можешь, не умеешь, но ничего не поделаешь — работодатель сказал, закуси удила и делай.

Он с неохотой встал, волоком стащил тетрадь и направился в комнату. На столе лежал увесистый шмат сала на коричневой упаковочной бумаге, по размеру казалось, отрезали у свиньи целую бочину от ляжки до ляжки. Там были ещё какие-то предметы, но обескураженный взгляд юноши был прикован только к этому куску.

— Раз уж ты мой подмастерье, тебе нужно научиться наносить тату. Подходи ближе, я объясню. Если хочешь, можешь записать, но в принципе ничего сложного.

Улыбка растеклась по лицу Бориса, он стал напротив мастера и приготовился записывать.

— Для начала нужно перенести изображение на листок бумаги, — Виктор взял со стола фиолетовые листки и белую бумажку с маленькими картинками. — Как это делать, тебе известно. Бумагу можешь взять любую, хоть из тетради вырвать. Как перенесёшь, прикладываешь к нужному месту, брызгаешь этим баллончиком, пока не намокнет, разглаживаешь и снимаешь.

Подмастерье составлял из слов Виктора пошаговый список действий. Он чертил схемы, сокращал предложения, рисовал крошечные рисунки взамен слов: делал всё, чтобы ничего не пролетело мимо тетради.

— Я вложил в машинку кассету с иглами и установил выброс иглы на полтора миллиметра, — Татуировщик продемонстрировал красный прибор, который напоминал толстый карманный фонарик, — Как подготавливать место, руки, машину, думаю, ты

помнишь. Кожу брить обязательно. Хотя это и кусок сала, будь нежен.

Борис кивнул. Лёгкая улыбка не хотела сходиться с его губ.

— Рисунок нужно наносить снизу вверх, непрерывной линией. Краска будет выходить наружу, как начнёт мешать, вытирай её салфеткой. В колпачок с краской мамай почаще. Машинку держи под прямым углом, как держишь ручку или маркер. И помни, главное количество, а не качество.

Не успел Виктор выйти, как юноша сразу начал подготовку. Теперь Борис был в роли татуировщика, а кусок сала примерил на себя его роль, только вот змейки на правой лопатке этому шмагу не видать. Меньше получаса и все приготовления были завершены. Первые пять тату выходили из-под его иглы кривыми, угловатыми копиями своих оригиналов, будто правша учился рисовать левой, причём ногой.

Змейка, свернувшись калачиком на его правом плече, внимательно и, что немаловажно, молча, наблюдала за каждым движением. Позже на коже начали появляться птички, бабочки, черепа, улыбки, иероглифы и прочие эскизы, которые были неотличимы от оригинала. Подмастерье вертелся вокруг стола, держал машинку под разными углами, менял руки, покусывал губы и язык. Носки поочередно отбивали ритм, и, казалось, вот-вот начнут подпрыгивать.

Виктор вошёл в комнату, опёрся ладонями о стол и принялся разглядывать творения Бориса.

— Отлично. Теперь следующее задание, нужно оживить тату, — мастер поставил на стол тюбик с чёрной краской, который будто появился из воздуха.

Борис присмотрелся к пластиковой бутылочке, которая от предыдущей вообще ничем не отличалась. Он даже убрал старый тюбик подальше, чтобы не перепутать.

— Будет сложнее, чем выпустить из своей кожи, но так даже лучше. В этом тюбике сконцентрированы чувства, эмоции и воспоминания других людей, чтобы вытянуть их из кожи нужно притянуть их к себе. Смотрел фильмы, где у космического корабля пробивает обшивку, и воздушная масса вырывается наружу?

Юноша кивнул, у него на лице было написано, что он понял, о чём сейчас пойдёт речь.

— Тот же вакуум нужно образовать в себе, только эмоциональный.

— Так, а с воспоминаниями как быть? Сомневаюсь, что у меня получится всё забыть.

— Воспоминания не настолько яркий элемент, гораздо важнее чувства и эмоции, которые идут рука об руку с моментами из нашей жизни. Память — это же не просто картинки, иначе в воспоминаниях не было смысла. Воспоминания — вспышки чувств и эмоций, которые тебе сейчас нужно подавить.

— Ага.

— Выдохни и войди в состояние, когда ты ничего не чувствуешь, не думаешь и не испытываешь никаких эмоций. Чистый лист с головой, ручками и ножками, — Виктор нажал пальцем на кусок сала. — Только не забудь про тату. Теперь важно качество, а не количество. Выбери один рисунок птицы или бабочки и пусть он станет живым. Так, чтобы в его жизнь любой мог поверить.

— Насчёт чувств. Мне нужно стать слепым, глухим, немым и так далее, чтобы чудо произошло?

— Речь не о той знаменитой пятёрке, а... Пожалуй, нужно провести ликбез, короткий, но дельный. Эмоции — это то, как мир отражается на человеке, то, что, грубо говоря, отражается на его или её лице. Человек плачет по чьей-то вине, а потом виновник смешит

его, и вот уже плач постепенно перетекает в хохот. А с чувствами наоборот, они сидят внутри и иногда показывают себя с помощью эмоций или не высовываются вовсе. Например, чувство обиды. Она не покидает человека очень долго и чем чаще он вспоминает об обидчике, тем сильнее она в нём закипает.

— Ну да, закипает, когда вспоминает, — сказал Борис погрубевшим голосом.

— Насчёт того случая в лавке Джона. Я знаю, что поступил жёстко и непривычно для тебя. Но, судя по тому, что запаха сигарет я не чувствую, всё прошло не зря.

Борис слушал и глядел на мастера из-под сведённых бровей. Губы его были слегка надуты, а подбородок напряжён.

— Больше я такие методы использовать не буду, но также надеюсь и на твоё участие. Ты же понял меня? Жизнь унта — жизнь по правилам.

Юноша кивнул, не меняя выражения лица.

— В качестве извинений сегодня после работы сходим тебя приоденем.

«Он точно всё обо мне знает?» — подумал Борис.

— Одеться нужно под настроение заведения, а для нашего салона обычная одежда не подходит. Мы пойдём в ателье, где одежда с иголки. То есть, персонально для тебя.

У Бориса от радости щёки загорелись румянцем, но он сразу отдёргнул себя и как бы невзначай потёр щёки. Виктору нельзя верить.

— Вы же сто процентов опять что-то задумали и сейчас усыпляете мою бдительность.

— Я же сказал, что больше так жёстко поступать не буду. Я могу поклясться, если этого не достаточно.

— Вы не будете, значит, портной из ателье будет.

— Тут ты от части прав.

— Ага! — юноша выставил вперёд указательный палец и сразу опустил. — В смысле?

— В нашем обществе тоже есть конкуренция, потому что есть свои границы, в частности территориальные, — Виктор замолчал и опустил глаза, — Я думаю, можно озвучить тебе одно из главных правил. Оно идёт под цифрой четыре. «Территорию можно забрать только в честном поединке. В честном поединке допускается смерть проигравшего».

Борис в ответ только промычал что-то невнятное и неприличное.

— Унты достаточно дальновидны, если запугать молодого блудного, будет проще забрать его территорию в будущем. Джон, например, при нашей первой встрече загнал меня в петлю. Я выходил из его лавки и попадал в самые зловонные места. То в кабинку загаженного сортира, то в компостную яму. Выбирался и опять наткнулся на него за стойкой.

— И как же вы выбрались из петли?

— Перестал выходить. Расстрелял всё вокруг, кроме Джона. Окружение не разлеталось, как должно было, — оно рассеивалось как дым, а затем снова зарастало. Получается... А давай ты мне скажешь, в чём суть.

Борис нарисовал в уме схему табачной лавки и другой квадратик поменьше по соседству — фантомное зловонное пространство — и погрузился в размышления:

«Если пространство, причём каждый раз другое, появлялось, только когда он выходил, значит, Виктору нужно было вдохнуть дым, которым была затянута лавка».

— Он хотел взять вас измором, но в итоге вы заморили его, потому что поддерживать пространство в виде большого помещения лавки в первоначальном состоянии сложнее. Но я думаю, он не был серьёзен, скорее хотел пошутить.

— Да, всё именно так. Если уж он будет серьёзен, так просто от него не уйти и соображать нужно будет быстрее. Ладно, приступай к тренировке.

После ухода Виктора, его слова не давали покоя Борису. Получается, можно умереть не только от рук одержимых, но и от рук собственных сородичей. В этом плане не было особых отличий от мира людей, хотя закон унтов позволял лишиться жизни. Немного успокаивало, что это может произойти с ним не скоро и только в честном бою, но что это за честный бой тоже не понятно. Юноша глубоко выдохнул и сказал:

— Что ж будет дальше?

— Не отчаивайтесь, Господин. Вы усердный и умный унт, значит Вы всех победите. Тем более, у Вас очень сильный и знаменитый учитель.

— Чтоб я без тебя делал? — Борис погладил головку змейки безымянным пальцем. — Ладно, за дело!

Он закончил татуировку. Выбрал рисунок небольшой бабочки Адмирал. По его мнению, это был самый логичный выбор: бабочка лёгкая, и поднять её будет проще. Но вот выгнать эмоций логика не поможет. Борис закрыл глаза, расслабил всё тело и протяжно выдохнул. Каменная маска застыла на его лице. Он настраивал себя на полное опустошение, представляя, что внутри него ничего нет и мира вокруг тоже. Просто силуэт человека, обведённый мелом, на поверхности необитаемой тьмы. Он открыл глаза. Ему показалось, что стол, стул, шмат сала, свет, воздух, пыль устремляются к нему.

Борис накрыл тату ладонью, её сразу защекотало жидкое нечто. Он медленно поднял руку, вытягивая этого сжиженного щекотуна. Бабочка стала меньше, из неё тянулись тонкие рваные чёрные жилки, похожие на слегка застывший клей. Он будто вляпался в жвачку. Его сердце тяжело забилося. Жилки, как натянутые резинки, сократились и вернулись в тату, которое приняло свою изначальную форму.

Ещё несколько попыток, но раз за разом получалось одно и тоже. Он открыл дверь, и в неё влетело жужжание из соседнего кабинета. Помощи ждать неоткуда, хотя он предполагал, что Виктор скажет ему стараться больше и всё получится. Только вот как избавиться от таких естественных вещей как чувства и эмоции? Это же, как дыхание: перекрыть путь можно, но удержать надолго, не получится.

— Виктор сказал тренироваться, значит, будем тренироваться. Он же как-то носит лицо кирпичом, значит и у меня получится.

Он добился того, что теперь бабочка полностью выходила из кожи, но приклеивалась к его ладони чёрным блином. Немного позже она растекалась капельками по всей ладони. Верхом эволюции этих капель стал блин на внешней стороне ладони. Пятно немного приподнялось и выгнулось, а потом кляксой стекло обратно на кусок сала.

Подмастерье решил отойти на шаг назад и выставить вперёд указательный палец. На этот раз он расслабился настолько, что не чувствовал под ногами пол. Борис отгонял мысли, чтобы «лист» его сознания оставался чистым. Биение сердца он усмирил ровным дыханием, когда почувствовал, что засыпает, распахнул глаза. На него, виляя из стороны в сторону, летела бабочка. Выглядела она как настоящая, если бы не её чёрное тельце и крылышки.

Юноша почувствовал прикосновение крохотных лапок на кончике указательного пальца. Он медленно подошёл к зеркалу. Бабочка отражалась в нём и смотрела прямо на них обоих. Борис улыбнулся тёплой и искренней улыбкой. Вдруг бабочка вспорхнула и обратилась в клубок чёрного дыма, который тонкой струйкой вернулся обратно в свиную кожу. Он рванул кулаки вверх и завопил:

— Вышла!

Он медленно опустил кулаки от осознания, что у мастера могла дрогнуть рука от его воплей. Юноша тупо уставился на дверь, ожидая стремительно приближающихся шагов и криков недовольного клиента. Но, переждав несколько минут тишины, он приоткрыл дверь и услышал то же самое жужжание, потом закрыл на протяжном выдохе и прислонился к ней затылком.

— Контроль...Контроль, иначе он мне опять наказание придумает.

Борис посмотрел на шмат сала, а затем опять подошёл к зеркалу. На стене рядом с ним был приклеен квадратный листок бумаги с лицами. Они располагались в шахматном порядке пять столбиков по вертикали и четыре строки по горизонтали — итого двадцать штук. Лица изображали различные эмоции, но принадлежали одному и тому же человеку — бритому наголо мужчине с морщинистым лбом.

— Хм, похоже, Виктор тянет ляжку в другую сторону. Надеюсь, я не стану таким же, — Борис потёр верхние зубы о нижнюю губу и вернулся к бабочке на шмате сала.

С каждой попыткой бабочка выходила из кожи легко и оставалась материализованной гораздо дольше, хотя он не был этому рад: радость теперь под строжайшим запретом на время тренировок. Юноша сохранял хладнокровие и эмоциональную пустоту как можно дольше, но чувства и эмоции рано или поздно прорывались. К концу дня Борис не понимал, как он ощущает себя — грань между обыденным и бесчувственным состоянием совершенно размылась. Его будто выдавили как тюбик зубной пасты, и заполнили туманом, который вяло поддерживал в нём форму.

Ровно в конце рабочего дня Виктор вошёл в комнату со словами:

— Как успехи? Вышло?

Борис собирался в очередной раз материализовать бабочку, но для демонстрации мастеру он стал подальше и выставил вперёд указательный палец. Через несколько секунд бабочка приземлилась на его ноготь, и он повернул своё безэмоциональное лицо в сторону Виктора в ожидании любой реакции, главное чтобы она была.

— Джон был прав, я и вправду везучий. Держись этого курса и уже через месяц будешь ходить домой по ночам один.

«Ещё месяц?!» — запротестовал в душе юноша. Бабочка вмиг обратилась в дым и вернулась в свиную кожу.

Виктор развёл руками.

В голову юноше пришла мысль — внезапное озарение, неожиданное и чаще всего полезное. Каждый раз, когда мастер его провожал, не было даже намёка на то, что где-то рядом есть одержимые: никаких засад, нападений, даже слезки. Вчера он в действии видел иллюзии Джона. Почему бы той парочке в чёрном не быть плодом воображения, вызванного табачным дымом. По улицам ходит множество курящих людей, которых не особо волнует мнение некурящих рядом с ними, — Борис мог вдохнуть тот самый дым. Если его догадка верна, то зачем Виктору это делать? Держать в страхе, чтобы каждый раз возвращался и делал, что велят.

— На всё нужно время. Хочешь быть лучше всех — времени тоже нужно тратить больше всех. Ничего втянешься.

«Что это он такой любезный?» — подумал Борис.

— Вы говорили, что мы пойдём покупать мне одежду.

— Не покупать, её сошьют на заказ. С тебя будут снимать мерки, поэтому надо

ПОМЫТЬСЯ.

— Да от меня не воняет, — запротестовал юноша. — Тем более я утром мылся.

— То было утром, а сейчас вечер. По-твоему ты целый день не потел?

— А не всё ли равно? Мы платим и можем пахнуть, как хотим.

— Платить буду я, поэтому пахнуть ты должен, как я хочу. Тем более, ты тоже теперь в сфере обслуживания, привыкай уважать коллег. В будущем ты будешь делать татуировки на разных местах, и они не все приятно пахнут. Работу ты вряд ли сможешь сделать хорошо, если тебя будет раздражать вонь.

Борис еле слышно вздохнул.

— Ваша правда. Мне домой сходить — душ принять?

— Долго, — Виктор достал из шкафа банный, ворсистый полотенце, — Держи. Выходишь из комнаты, налево и прямо до упора; открываешь дверь, налево туалет, направо душ. Вот ключ от душа. Можешь пользоваться, чем хочешь. Только не задерживайся.

В маленькой душевой царил идеальный порядок, который был приятным дополнением к свежему ремонту. В левом углу стояла стиральная машина, а в правом душевая кабинка. Борис повесил вещи и ступил босыми ногами на кафель цвета какао — похоже Виктор расщедрился на тёплые полы. В комнате, казалось, было всё необходимое для банных процедур; юноша воспользовался шапочкой для душа, резиновыми тапочками и тюбиком одноразового шампуня. Он представил, как мастер выламывает дверь и вырывает флакончик у него из рук, так как он использует его как гель для душа. Борис мылся меньше времени, чем он делал это дома в атмосфере тотальной экономии всего, что стоит денег. Он не смог долго выносить вид белых плиток на стене, которые напоминали об опыте первого знакомства с Джоном.

— Готов выдвигаться? — спросил Виктор, когда Борис вошел в приёмную.

— Может одеколоном побрызгаться? А-то мало ли.

Татуировщик не удостоил эту фразу никакой из его фирменных гримас, а просто открыл входную дверь и жестом пригласил пройти на выход.

— Слушай, Борис, постарайся впредь не шуметь. Слышимость во всём здании слишком хорошая. Моя-то рука не дрогнет, но вот клиент может.

— Да, извините. Не справился с эмоциями.

— В дальнейшем тебе нужно будет сохранять состояние, которого ты добился сегодня, в любой момент, даже если он будет экстремальным.

Эту беседу они вели на задних сидениях новенького трамвайчика. Мастер объяснил, что можно пройти и пешком, но на это уйдёт не меньше часа. В салоне было немного народа, да и пробки к этому времени уже практически рассосались.

— Ещё один важный момент. Я тебя просил найти значение татуировки Каштана. Что-нибудь нашёл?

У Бориса ёкнуло сердце, и выступил холодный пот на спине, но потом резко отпустило.

— Я ничего путного тогда не нашёл. Вы сказали, что уже не надо, и я больше не искал.

— Я тогда сказал «позже». Оно и наступило. Жалко конечно, но ничего страшного. Для этого нужно особое творческое чутьё, чтобы видеть суть предметов искусства. Причём для этого не достаточно лишь уметь рисовать.

— Татуировки — искусство? Что? Разве искусство это не картины, скульптуры, куклы, фильмы? Их можно на выставках показывать, и живут они дольше, чем их создатели. А с татуировками такую кашу не сварить.

— Сегодня прямо день ликбезов. Искусство — это образное отражение реальности. Реальность Каштана такова, что он недоверчив, как ты мог заметить в тот день. Вот поэтому я посоветовал ему набить именно такую татуировку. Его недоверие — реальность — отражается косвенным образом с помощью тату — искусства.

— Припоминаю, когда я искал значение этого тату, наткнулся на что-то подобное.

— Не сомневаюсь. Ты пока не опытен в этом, чутьё разовьётся со временем.

«Да что с ним не так? Наверняка что-то задумал», — промелькнуло в мыслях Бориса.

Они проехали мимо цирка — не высокого, но крупного здания, которое напоминало окаменелую летающую тарелку. По всей округности натянуты баннеры с рекламой представлений. Само здание было невзрачно бежевым, разбавляли эту серость красками только эти баннеры и разноцветные буквы «ЦИРК» на самой верхушке. Борис с бабушкой ходили в другой цирк, который был похож на этот.

— Выходим на следующей, — сказал Виктор, вставая.

Широкие окна ателье, напротив которого они стояли, выходили на дорогу. В них можно было увидеть манекенов — мужских и женских, — одетых в стильную и дорогую одежду. Само помещение находилось в новом многоэтажном доме — не то чтобы элитного, но точно премиального класса. Пудровые плиты облицовки ателье отличались от тёмно-синих плит основного здания и даже немного подавались вперёд. Над входом висела вывеска, на которой были написаны, — даже скорее изящно нарисованы — ярко-бирюзовые буквы: «Огонёк».

В самом ателье их встретила небольшая приёмная, внутренняя отделка которой по стилю и цвету не отличалась от внешней. Напротив входа стоял чёрный кожаный диван с трёхэтажным кофейным столиком, на котором лежали журналы, а наверху располагался белый чайный сервиз на две персоны. Свободные стены были покрыты обрезками тканей, которые служили своеобразным пробником при заказе. Слева располагалась стойка ресепшена, раза в три больше чем в тату-салоне, за ней стояла молодая девушка в белой блузке, но из-за коротких чёрных волос она напоминала смазливую мальчика. Она улыбалась, держала осанку и сохраняла услужливое выражение лица.

— Добрый день, Консуэла выйдет к вам через несколько минут, — поприветствовала она и указала в сторону дивана. — Прошу, присаживайтесь, пожалуйста. Если желаете, у нас есть чай, кофе и какао.

Борис и Виктор оба хотели выпить чего-нибудь бодрящего после рабочего дня, но они вежливо отказались.

— А эта Консуэла тоже унт? — тихо спросил Борис, прикрывая рот рукой.

— Как и девушка за стойкой. Так что не стесняйся. И ещё, Консуэла — её настоящее имя. Кличек ей никто не осмеливается давать.

— Ух, неужели она круче вас, Виктор?

Мастер оставил этот вопрос без ответа, а только пожал плечами.

Розовая портьера за стойкой буйно распахнулась, и слова ворвались в помещение раньше, чем их хозяйка:

— Виктор, я же просила больше не посылать ко мне своих тварей!

Борис и Виктор встали.

Молодая женщина шла твёрдой, но элегантной походкой прямо к мастеру и его ученику. Она производила впечатление пожара, который распространялся по комнате, — из-за поведения и алого платья. Вьющиеся густые волосы до плеч пружинили при ходьбе.

Бронзовый цвет кожи. Большие тёмно-зелёные глаза, полыхающие недовольством. Слегка подрагивающие пухлые губы и аккуратный носик. Спортивное телосложение. Следит за собой, можно сказать, следит за всем, чем можно следить. Одним словом, красавица.

— Сама понимаешь, наша информация не для людских ушей. Поэтому бросать её в телефонную линию небезопасно.

— Крысу-то зачем посылать?! Ты хотел, чтобы я эту мерзость к уху поднесла?

— Сообщение не получено?

— А как сам думаешь?! Она сторела раньше, чем приблизилась ко мне. Фу, вспоминать тошно! Как ты додумался послать девушке почтовую крысу?

Консуэла распалаясь всё сильнее и сильнее, а Виктор, как обычно, был холоднее льда.

— Сейчас день. Нужно, чтобы гонец двигался под землёй, а канал... — Виктор резко оборвал свой рассказ.

Консуэла, которая сверлила его взглядом, сменила гнев на милость.

— Надеюсь, ты меня понял, — она демонстративно вздохнула и уже спокойно продолжила: — Что эта гадость должна была мне передать?

— Нужен комплект одежды: рубашка, жилетка, брюки. Стиль как у меня. Ткань должна пропускать тату, но при этом подстраиваться под погоду. Комфорт и...

— Бесишь, Виктор! — опять зажглась Консуэла. — Так сложно было позвонить и сказать: «Нужен костюм на парня, такой же как у меня»?!

— Я же не знаю, что тебе известно, поэтому прислал детальный запрос.

— Повезло тебе, что всё в наличии, — Консуэла повернулась к Борису и мгновенно переключилась на доброжелательность. — Как вас зовут, молодой человек?

Юноша от такой резкой перемены немного растерялся, забегал глазами, но сразу ответил:

— Борис.

Консуэла положила ладонь на слегка выпирающую грудь.

— Меня зовут Консуэла. Я хозяйка этого ателье. Девушку за стойкой зовут Ирина — мой подмастерье. Пошивом на данный момент занимаюсь я. Так понимаю, вы, Борис, — блудный сын Виктора?

— Ну да, он меня так всем представляет. В такие моменты мне кажется, что... — его нижняя губа задрожала, а челюсть свело. Он закрыл рот ладонью и выдохнул через нос.

Виктор положил ему на плечо ладонь и слабо сжал.

— Что такое?

Борис пришёл в себя, убрал руку и закрыл рот.

— Да ничего, — тихо ответил он, отвернулся и судорожно вдохнул, подавляя в себе позыв расплакаться.

— Ой, ну что ты, — Консуэла протянула к нему руки, чтобы обнять. Её объятия были крепкие. Борис чувствовал сладкий запах духов и тепло тела, казалось, что у неё жар. От такого внимания он и вправду хотел расплакаться. Его спина пару раз дрогнула, но юноша смог сдержаться после пары глубоких вдохов.

Консуэла ослабила объятия и сделала шаг назад, попутно взяв Борису за кончики пальцев. У него глаза на мокром месте. Лёгкое ощущение стыда от того, что она в них смотрит и от такого первого впечатления.

— Сп-спасибо вам. Наверное, это от тренировок.

— Всегда, пожалуйста, дорогуша, — она запустила пальцы в его шевелюру, именно в

красную прядь. — Эх, жалко, что ты не попал ко мне. Мы бы органично смотрелись вместе, — она потрепала его волосы, убрала руку и сразу бросила Виктору: — Но вас постоянно тянет к этим любителям крыс.

— Борис, ты, конечно, извини меня за такие слова, — вмешался Виктор, игнорируя слова Консуэлы, — Они сказаны не вовремя. Но впредь постарайся не поддаваться эмоциям. Иначе в будущем ты можешь стать одержимым.

— Так стоп, — возмущился Борис, стряхнув предыдущее состояние, — Джон, Консуэла, Ирина ведут себя как обычные люди. Только у вас, Виктор, постоянно лицо кир...лицо никакое, совсем без эмоций. Оно двигается только, когда вы говорите или пытаетесь изобразить эмоцию. Хотя Джон...

Он задумался, и тогда паузу заполнил татуировщик:

— Думаю, тебе лучше посмотреть, как работает Консуэла, и ты всё поймёшь.

— Конечно, так даже интереснее. Шесть симмирингов передашь Ирине, и можете проходить, — сказала она.

Виктор подошёл к стойке и поставил те самые чёрные цилиндры. Они были зажаты между пальцами по три в каждой ладони. Борис не видел, чтобы он шарил в карманах, прежде чем подойти, — они появились как из воздуха.

— А какой курс этого симмиринга? Я имею в виду, как вы определяете его стоимость? Хотя лучше объясните, что это за цилиндры...Пожалуйста.

Виктор уже хотел начать объяснять, но его опередила Консуэла.

— В симмирингах находятся концентрированные эмоции, чувства и воспоминания людей — всё это вместе называется безин, симмиринги им заполнены. Я думаю, Виктор научит тебя их делать и наполнять. Каждый хинт или унт сам определяет, сколько он хочет за свою работу, вещь, услугу и так далее. Ты можешь и не согласиться с ценником, — Консуэла подошла к мастеру и потянулась к его подбородку, словно хотела погладить, но остановилась в паре сантиметров. — Но Виктор другое дело, он всегда соглашается. Я этим, конечно же, не пользуюсь, но...

— Да никто в принципе не пользуется, — отреагировал он.

— С этим разобрались, так что давайте не будем терять времени и приступим к делу, — Консуэла указала на портьеру, из которой вышла, — Ирина меня нет, если кто придёт за заказами, — не стесняйся, заходи.

Юноша отодвинул портьеру и вошёл следом за взрослыми в помещение, которое занимало основную площадь ателье. Это была швейная мастерская, которая не уступала в красоте интерьера приёмной. У окон стояли те самые манекены. По полу стелился кремовый керамогранит; складывалось впечатление, что комната, — это сплошной подиум. Слева и справа на железных ножках стояли столы, на деревянных столешницах можно было увидеть длинные линейки, ткани, ножницы, булавки и прочие принадлежности для кройки и шитья. Две винтажные швейные машинки одиноко стояли в дальнем углу. Эти аппараты напоминали прядильные машины, утыканные толстыми мотками разноцветных ниток. Места у стен занимали вешалки с роскошными нарядами: мужскими и женскими, пёстрыми и строгими, вычурными и сдержанными. Но самым необычным было узкое зеркало, тянулось оно от потолка до пола, но могло уместить в себе от силы полтора человека.

— Раздевайся до трусов и становись на подиум, он там справа, — Консуэла, отдав распоряжение, пошла к швейным машинкам.

Борис раздевался, прокручивая в голове одну мысль: «В фильмах мерки всегда снимают

с одетых людей». По его мнению, ногата особо точности не прибавит. Консуэла вернулась как раз, когда он закончил и аккуратно сложил вещи на ближайший стол. Она посмотрела на него строгим взглядом: «Ты пропустил мои слова мимо ушей?» Юноша попятился, часто оглядываясь под ноги и нащупывая подиум, который напоминал огромную, полированную шайбу. В руках Консуэла держала толстые мотки ниток, по два в каждой.

— Графитовый, чёрный, серебряный и белый всё точно так же, как и у тебя, Виктор, — Консуэла положила нитки на стол и взяла сантиметровую ленту, — Так, руки поднять, ноги немного расставить и не двигаться, — сказала она строгим, учительским голосом.

Стоило Борису выполнить приказ, Консуэла начала снимать мерки. Движения её были крепкими и быстрыми, в них чувствовался многолетний опыт. Она стягивала лентой его грудь, талию, пояс, бёдра. Потом она зачем-то — по мнению Бориса — затягивала удавку на его запястьях, коленях, щиколотках, плечах в районе бицепса. После обхватов переключилась на длину и ширину. Когда Консуэла закончила, юноша чувствовал себя тотально измеренным — ещё одна его тайна раскрыта. Она ничего не записывала, наверное, от такой скорости цифры не успевали вылетать из её головы.

Консуэла отмотала около метра графитовых ниток, в одной руке она держала кончик нитки, а в другой моток. Борис только сейчас заметил маникюр цвета вишни на коротких ноготках хозяйки ателье. Нить была натянута, и её приближение не могло не напугать. Юноша понял, что нет смысла чему-то удивляться, когда находишься в компании унтов — особенно, когда это маньяк-учитель и одна из родственных особей, которые, предположительно, любят пугать молодняк.

Не будет же Консуэла шить прямо на нём? Чем ближе она подходила, тем более реальным казался такой исход. Он представил, как одна из тех швейных машин в углу разъезжает по его телу словно асфальтоукладчик и прокладывает полоски ткани для нового образа подмастерья из тату-салона. Он понимал, что нужно подмечать любую странность и быть начеку, но напряжение продолжало расти в его теле, сводя мышцы ещё сильнее.

Консуэла стала перед ним и нитка в её руках начала накаляться, как провод между двумя клеймами. Тут перед Борисом предстала знакомая картина, которую он приметил в табачной лавке: яркие эмоции на лице Консуэлы уступили место холодной неподвижной маске. Веки прикрыли большие тёмно-зелёные глаза, но раскрыли те самые чужеродные, чёрные белки, красный хрусталик и вертикальный кошачий зрачок.

В голове юноши начал вырисовываться ответ на его вопрос о несхожести Виктора с сородичами, но для углубления в раздумья момент был неподходящий. Поистине жуткая картинка предстала перед глазами. Он захотел опустить руки и сойти с возвышения, но ничего не вышло. Борис приложил больше усилий, чтобы элементарно опустить ладони на бёдра. В этот момент он почувствовал, что сопротивление идёт именно от тех мест, к которым прикасалась лента. Ему будто наложили несколько плотных шин на тело. Подвижной оставалась только шея и он начал вертеть ей, выражая протест.

— Виктор, что происходит?!

Татуировщик стоял, как ни в чём не бывало, и смотрел на подмастерья своим пустым взглядом.

— Не психуй, Борис. Тебе же сказали не двигаться, вот и не двигайся. Бояться нечего, я же рядом.

От слов «я же рядом» спокойнее не стало. Но Борис перестал двигаться. Какой смысл трепыхаться в мышеловке, если её челюсти уже сомкнулись?

Размотанный метр нитки охватило пламя, которое могло бы сожрать такой тонкий участок материи меньше чем за секунду. Консуэла швырнула конец нитки в лодыжку Бориса, а он — как и положено кончику тонкой горячей верёвочки — упал под действием притяжения. Но стоило нитке коснуться Бориса, как она начала обвивать его ногу подобно змее, и, сделав полный оборот, затухала. Моток разматывался всё быстрее, а Консуэла придерживала нитку другой рукой, контролируя поток огненной жилы. Юноша поначалу испугался, что огонь может коснуться его, но только почувствовал слабое тепло, как от прикосновения чьей-то руки. Он наклонил голову, насколько позволяли незримые путы, и увидел, что от щиколотки до колена растёт брючина графитового цвета. Она висела в воздухе, словно поддерживаемая той частью брюк, которые Консуэла ещё не «сшила».

Беспокойство в его душе сразу сдуло, и все манипуляции Консуэлы с фиксированием его тела показались ему логичными и приемлемыми. Он посмотрел на Виктора, а тот в свою очередь кивнул, слегка прикрыв глаза. Это движение и осознание своей глупости вызвали на лице юноши виноватую улыбку, которую ему было сложно сдерживать.

Когда дело дошло до промежности, и прикосновения нити стали горячее, Консуэла принялась ходить вокруг него, будто он теперь стал большой катушкой, на которую нужно намотать нить. Когда брючина покрыла второе колено, Борис опустил глаза ещё раз: «Она даже заклёпки и застёжки из ниток сделала».

— Не устал? — спросила Консуэла бесцветным голосом, когда закончила с брюками.

Борис — то ли от удивления, то ли от магической силы — не чувствовал, что его конечности затекли, ему было комфортно.

— На удивление, нет.

— Хороший мальчик. Управимся быстро.

Он закатил глаза и оставил при себе слова, которые так и напрашивались: «Я что собака?»

Закончили они действительно быстро, израсходовав все четыре мотка ниток.

— Можешь подойти к зеркалу, — сказала Консуэла, бросив последний пластиковый валик в урну, — Возвратов у меня никогда не было.

Ирина распахнула портьеру и внесла белоснежное вечернее платье. Борис обернулся и увидел, что на ней помимо белой блузки была тёмно-синяя юбка, прикрывающая колени, с тремя жёлтыми пуговицами и вырезом на полбедре, а также балетки песочного цвета. Стоит признать, что, несмотря на общую худобу, у Ирины были широкие и объёмные бёдра, которые подчёркивала облегающая юбка. Говорить она начала только, когда подошла ближе к Консуэле:

— Белое платье опять нужно перешить. Настойчиво просят вас.

— К унтам это не относится, — голос Консуэлы опять начал обретать ярко-красные оттенки, а глаза вмиг стали обычными, — Ирина, деточка, я же сказала, что меня нет.

— Я о том, что вы здесь, ничего не сказала. Сказала, только что посмотрю, на месте ли вы, — голос Ирины стал тише, а глаза уставились в пол.

— Сообразительная девочка, я таких люблю, — похвалила Консуэла и обратилась к Борису: — Прошу прощения, мне нужно отойти. Смотрите, подмечайте; плюсам буду рада, а минусы можно сразу поправить. Не стесняйтесь придирааться.

Девушки направились в приёмную, а Борис медленно опустил руки, ожидая сопротивления невидимых оков. Он сделал неуверенный шаг с платформы; казалось, что этот юноша заново учится ходить. Обретя уверенность движений, он подошёл к зеркалу и не

узнал своё отражение, вернее то, что было ниже шеи. Он сразу вспомнил про ту девчачью игру, в которой нужно прикладывать к рисунку девочки в трусиках разнообразные наряды в виде картонных аппликаций.

Белая рубашка с длинным рукавом, чёрная приталенная жилетка с серебряными узорами и брюки графитового цвета — всё сидело просто восхитительно. Юноша начал делать то, что не делал никогда — начал вертеться у зеркала. Он получал удовольствие от того, что выглядит так превосходно, а одежда на нём смотрится так дорого.

— Классно выглядите, Борис, — сказал зефирный голос змейки, — я прямо вижу, как блестят уверенностью Ваши глаза.

Виктор подошёл к нему, положил руку на левое плечо и сказал:

— Теперь ты похож на Люцифера младшего.

Борис улыбнулся и уже хотел ответить, но ему помешали разгневанные крики незнакомой женщины. Виктор подкрался к портьеру и слегка её отодвинул и тут же задёрнул. Борис подошёл и хотел сделать то же самое, но мастер схватил его за руку. Виктор знаками приказал ему не издавать ни звука и вернуться к зеркалу. Он выполнил приказ, а татуировщик остался у портьеры. Разгорающееся в его душе любопытство притушило две мысли: мастер развернул его, потому что банально подслушивать не правильно; и ещё нужно выполнить просьбу Консуэлы.

Юноша продолжил разглядывать свои обновки, а затем остановился и посмотрел на часы. Пол одиннадцатого — ателье уже полчаса как закрыто. Он услышал со всех сторон глухой стук чего-то железного, будто сотней спиц для вязания стучали по полу. Борис огляделся, вокруг него была целая армия маленьких блестящих существ размером с консервную банку. Он чуть не подскочил, чтобы вцепиться в потолок, но мигом успокоился и посмотрел на Виктора. Татуировщик безразлично бегал глазами из стороны в сторону, стоя на месте. Эти существа разделились на две части: одна зашагала за портьеру, а другая в сторону окон. Юноша пригляделся к ним, это были пауки, которые полностью состояли из швейных иголок, намагниченных друг на друга.

В приёмной затихли все звуки.

Множество линий толстых верёвок начали пересекать оконные рамы, образуя знакомый узор паутины. Борис побежал к окну и потянул к верёвкам руку, но несколько паучков вмиг сгруппировались в одном месте и оцетинились иголками, напоминая морских ежей. Он отдернул руку как ошпаренный и опять посмотрел на Виктора.

В стену приёмной ударилось что-то увесистое и туда, не сказав ни слова, побежал Виктор. Его подмастерье почувствовал, как бьётся сердце, и немеют кончики пальцев. Он колебался: последовать за мастером или нет. Что-то тяжёлое влетело в окно, окропив его спину крошками осколков. Мышцы сами понесли его вслед за Виктором.

В приёмной атмосфера царила, мягко выражаясь, менее радужная. Консуэла и Ирина, готовые к рукопашному бою, стояли перед стойкой ресепшена. За ней валялся вдребезги разбитый кофейный столик. Вокруг девушек плавно кружились как торнадо горящие нити. Слева стоял Виктор, упирая приклад дробовика в плечо. Он целился в нечто, которое стояло в центре приёмной.

Кроваво-красные глаза, чёрные иглы на спине, такие же чёрные кинжалообразные пальцы на ногах и руках. Это был человек, мужчина, судя по туловищу, в котором, казалось, не было ничего кроме кожи и костей. Только голову, руки и ноги до пояса покрывала чёрная густая жижа, похожая на мазут. Существо издавало клёкот, похожий на рык. Рядом с ним

валялись разодранные чёрные тряпки. Оно было полностью обнажено и стояло в угрожающей стойке, готовясь к прыжку.

За спиной чудища одержимые — один в раме выбитого окна, а другой в проёме содранной с петель двери, — пилили чёрными кривыми ножами паутину. Армия паучков успевала штопать эти нехитрые барьеры. Но одержимые рубили железных защитников, просовывая руки в пустоты, а малыши распадались на иголки, которые оставались лежать среди осколков стекла и деревянных щепок.

Мышцы Бориса задеревенели, а лицо побледнело. Он непроизвольно открыл рот и тупо уставился на чудовище в центре комнаты. Но Виктор вырвал его из этого состояния, крикнув басовито, но по-прежнему безэмоционально:

— Борис, живо за мою спину.

— Дайте мне оружие, — сказал юноша из-за спины мастера. — Они лезут в мастерскую!

— Возьми его сам.

Юноша на секунду опешил, но потом собрался и начал входить в состояние, к которому стремился сегодня днём. Он протянул ладонь к правой руке Виктора, где был тот самый револьвер. Борис оглянулся на портьеру. Ничего не получалось даже капельки не вылетело. Ладони дрожали, дыхание сбилось, и новый воротник предательски давил. Казалось, диван, стойка, останки кофейного столика, свет, воздух и даже пыль отдаляются от него.

Как только одержимые проникли в приёмную, чудовище завизжало как в последний раз и резко повернуло спину в сторону женской команды, выпустив в них все иглы, и тут же прыгнуло на Бориса с Виктором.

Глубокий выдох. Мир вокруг исчезает. Чувства покидают сознание. Эмоциональная пустота. Чистый лист. Расслабление. Контроль.

С глухим лязгом чудовище отразило выстрел когтистой лапой. Но даже такое сопротивление не замедлило лезвия, которые разрубили дуло дробовика на три части. Они не успели упасть на пол — весь дробовик превратился в облако и единой струйкой чёрного дыма скрылся за спиной татуировщика. Виктор, не теряя ни секунды, бросил прямо в красный глаз чудища правый кулак, сложенный таким образом, словно в нём лежал нож. Когда в ладони мастера появился чёрный кавказский кинжал, его остриё было в считанных сантиметрах от цели, но чудовище отступило.

Иглокожий начал атаковать мастера именно с той стороны, на которой Борис не прекращал своих попыток взять револьвер. Только теперь он отдёргивал руку намного чаще, опасаясь, как бы ему нужный кусок не отрезали. Виктор рубил, сёк и колол, умело работая кинжалами в обеих руках, но красноглазый отражал каждый удар. Его сомкнутая пасть улыбалась и клацала острыми зубами, когда инициатива в атаке переходила к чудовищу.

Консуэла и Ирина сражались с проворными одержимыми. Пальцы девушек были скрючены, напряжены. Выставленные вперёд руки и позы напоминали заклинательниц змей, направляющих своих питомцев следовать их желаниям. Между ладонями девушек плясали ниточки, которые огненными питонами бросались на одержимых. Последние прыгали на все возможные плоскости — даже на стены и потолок — поливали девушек потоком метательных ножей, которые вырастали из их рук. Они не прекращали хохотать своими визгливыми голосами, что бесило Консуэлу ещё больше.

Один из метательных ножей отрикошетил от её защитного вихря и полетел прямо в щиколотку Ирине. Девушка схватилась за ногу, из горла вырвался сдавленный крик, который

ей удалось заглушить. Она упала на пол вместе с потухающими нитками. Одержимые плечом к плечу обрушили град ножей на Ирину. Консуэла убрала огненный вихрь и прикрыла телом напарницу. Она бросила в тучу ножей прямую нить, которая воспламенила вокруг себя огромную массу воздуха так, что даже Борис почувствовал жжение на правой щеке. Ножи падали угольками на пол, а одержимые, обвитые толстой огненной лианой, превратились в пепел. Обессиленная Консуэла рухнула на колени и повернула в сторону Виктора безразличное лицо, на котором должна была читаться надежда.

Виктор, сражаясь с чудовищем, стоял на прежнем месте и, казалось, что он не хотел завершать бой. Его движения никак не изменились — ни капли усталости и настойчивости. Если судить по состоянию красноглазого, не было намёков на то, что он начал выдыхаться, наоборот он напирал ещё больше. Борис оглядывался на портьеру, чувствуя, как их зажимают в клещи. Но стоило ему увидеть краем глаза, как Консуэла встала под поток ножей, миг стряхнул с себя страх. Его лицо стало каменным, а рука медленно но уверенно потянулась к револьверу на руке Виктора.

Ещё раз. Глубокий выдох. Мир вокруг исчезает. Чувства покидают сознание. Эмоциональная пустота. Чистый лист. Расслабление. Контроль.

Тело твари с отверстием в морде рухнуло навзничь в метре от дуэта из тагу-салона. Их лица и одежда были заляпаны чёрными пятнами. Дымящееся дуло револьвера неотрывно смотрело на останки красноглазого. Борис держал оружие обеими руками, его тело и лицо застыло. Вдруг он развернулся и рванул обратно в мастерскую, но почувствовал жгучую удавку на шее и услышал треск новой рубашки. Это Виктор остановил его, схватив за воротник.

— Сначала нужно разведать обстановку, а потому уже в бой. Сперва посмотри, может и драться уже не нужно, — мастер, держась за воротник, завёл Бориса за спину и отодвинул дулом дробовика портьеру.

Оба окна были разбиты, но узоры паутины остались нетронутыми.

— Сука! Бесчестное, алчное говно!

Борис и Виктор обернулись на негодующую Консуэлу. Она как раз поднимала из разодранных чёрных тряпок красноглазого чудовища белоснежный, гладкий предмет. Это была маска женщины — азиатки с широким носом и обнажённым верхним рядом золотых зубов. Юноша не мог долго смотреть на неё, уж слишком жуткой она ему показалась. Револьвер вылетел из рук ещё в тот момент, когда мастер схватил его за воротник, поэтому без разницы что ему чувствовать.

Как только Консуэла расправилась с одержимыми, она выдернула нож из лодыжки Ирины и перебинтовала её. Раненая девушка держала на протяжении всей процедуры указательный палец в зубах, не издав ни звука, лишь только пару раз поморщилась. Когда Консуэла нашла белую маску, Ирина, босая на левую ногу, стояла перед стойкой ресепшена, опершись на неё обеими руками.

— Аристократ — алчная мразь, ко мне ручонки потянул! — не унималась Консуэла. — Так же нельзя... запрещено! Неужели ТОТ не видит?!

— Дай мне её, — попросил Виктор, а затем повертел маску в руках. — Она и вправду новая. Не похоже, чтобы её отобрали. Возьми, Борис. Эта маска одна из наших технологий...

— Отложите обучение на потом. Нужно немедленно выносить этот вопрос на обсуждение. Сначала Цирюльник — светлая душа, теперь я. Кто следующий?! Это всё не просто так. Все должны узнать, что Аристократу плевать на правила.

— Я просто думаю, будет ли маска достаточным доказательством. Их много кто делает. Да и Аристократ не настолько глуп, чтобы покупать её лично.

Борису показалось странным, что Виктор не рассказал о нападении одержимых, два дня назад, но решил промолчать.

— Все и так поверят. Все знают, что его совесть не чиста. У него одного несколько точек в городе. У всех одна-две, ну, максимум три, а у него восемь. Все через поединок.

— Если ты хочешь вынести этот вопрос на обсуждение, я расскажу всё, что тут случилось. Но без доказательств, что это именно он, всё, что сейчас произошло, превращается в кем-то подстроенное нападение одержимых. Сама знаешь, они нападали на наши точки всю нашу историю, и что только у них не находили.

— Хорошо-хорошо, я этим займусь, проведу расследование, — Консуэла забрала маску из рук Бориса. — А ты расскажешь нашим, что тут произошло.

— Да, в этом есть смысл. Скорее всего, это заставит его не высовываться и приостановить нападения. Но не факт, — Виктор замолчал на пару секунд, опустил глаза, а затем продолжил. — А может это не хинт и не унт?

— А кто? То, что нужно одержимым есть только у таких как мы.

— Да, но почему на это нарушение правил никак не реагирует ТОТ? Может это вовсе не нарушение?

— ТОТ непоколебим. Если бы это было нарушение, мы бы все об этом узнали.

— Ладно. Время уже позднее, давайте, мы поможем вам прибраться.

— О, так мило с твоей стороны, — выражение лица Консуэлы было таким театральным. — Но малышам помощь не нужна, — она указала на окно.

Паучки собирали осколки стекла и выкладывали из них будто из кирпичей новое стекло. Окно, гладкое как прежде, было выстроено уже наполовину.

— За дверь они примутся после вашего ухода.

Улыбнулась Консуэла и перевела глаза на дверь.

— Если наша помощь не нужна, мы, пожалуй, пойдём.

Юноша пощупал воротник, ожидая, что он будет порван и растянут, но он был по-прежнему тугой и твёрдый, как новый. В памяти сразу возник тот момент, когда Виктор упал за машину, а вышел в чистой и целой одежде.

— Кто наденет эту маску примет облик женщины, которая попадётся носителю на глаза. Будет разговаривать как она, будет знать то, что знает она, но кроме её секретов. А стоит её снять, память исчезает, голос меняется и внешность тоже.

Борис, лёжа в кровати у себя в комнате, не мог заснуть и пытался уморить себя разговорами вслух.

— Вам лучше поспать, — сказал сонный голосок змейки, — Виктор же сказал, что завтра будет тяжёлый день.

Он повернулся к правому плечу и ответил:

— Не получается заснуть. Сама понимаешь, денёк был сказочный, я б даже сказал, страшно сказочный. О, а может, ты мне сказку расскажешь; добрую, хорошую, скучную, чтоб заснуть поскорее.

— Прошу прощения, сказок я не знаю...

— Может песенку или просто что-нибудь успокаивающие.

— Я поищу в ваших воспоминаниях, — змейка помолчала недолго. — Ах, какая прекрасная история.

— Раз тебе нравится, тогда внимательно слушаю.

Борис перевернулся на бок.

— Страну, похожую на нашу, по ночам освещало множество звёзд. Они указывали путникам дорогу, вели корабли к берегам, их дарили возлюбленным. Но однажды звёзды начали пропадать, каждую ночь по одной. Пока на огромном и чёрном небе не осталась только одна самая яркая звезда. Ей стало одиноко, и она посмотрела на землю. Одного взгляда ей хватило, чтобы влюбиться в прекрасного юношу. Каждую ночь она светила ему как можно ярче, пока он не услышал, как она напевала: «Я у тебя одна, береги меня».

Юноша был звездочётом и без этого занятия он не представлял своей жизни. Когда звёзды начали пропадать, он забил тревогу — ведь звёзды не могут пропасть просто так. Но в ответ ему все говорили, что на то воля богов и только глупец пойдёт против их воли. И тогда юноша обратился к звезде, которая ему пела. Её ответом был яркий свет, в котором он увидел прекрасную девушку во всём белом. Она подошла к нему ближе и сказала: «Я не знаю, почему звёзды пропадают, но я могу помочь тебе узнать». Красавица положила ему ладони на глаза и поцеловала.

На следующую ночь он увидел...

Глава 6. Часть 1

Острая боль в левом бедре, от неё судорогой сводило ноги. Частые вдохи и выдохи, которые прерывались сглатыванием густой слюны. Выражение лица, которое готово расплакаться. Перекошенная чёрная зимняя шапка, которая оголила прядь красных волос, прилипших ко лбу маленького мальчика. На вид ему было двенадцать лет. Он держался за лямки школьного рюкзака и поправлял воротник зимней куртки, потому что застёжка неприятно колола шею. Мальчик посмотрел на светло серое небо и выдохнул с жалобным завыванием.

Снова боль, только в левом плече, и гораздо сильнее. Мимо левого уха что-то промелькнуло с еле слышным свистом. Мальчик развернулся, снял рюкзак и сжал кулаки. Но его поза была очень неуверенной и неуклюжей, он будто хотел сжаться, спрятаться с руками и ногами в свою куртку и не вылезать пока это всё не закончится. К нему по пустующей аллее бежало пять фигур, которые были такими же детьми, как и он сам. Вокруг не души, только редкие, голые деревья, кусты и дома, которые наблюдают за происходящим издалека. Мальчик на миг увидел вверху снежок, который летел в него и стремительно снижался. Он заметил его слишком поздно. От боли в самом не позволительном для неё месте у него подкосились ноги. Он упал на колени. Слезы выступили на глазах, а ладони вцепились в пах и принялись загребать к нему снег. Промежность горела и пульсировала, пульсировала и горела; справиться с этим не мог даже всё прибывающий снег. Мальчик упёрся в него лбом и замер, когда почувствовал, что он окружён.

— Что, обосранная башка, уже выдохлась? — сказал толстый, прыщавый мальчик с тупыми лицом и ткнул лежащего подошвой в плечо.

— Сто пудов он часто так раком становится, чтоб об него было проще жопу вытереть, — перехватил мальчишка с визгливым голосом, водянистыми бровями и широкими передними зубами.

Все пятеро заржали. Мальчик, не поднимая лба от земли, сжался внутрь себя ещё сильнее. Он услышал, как, хрустя снегом, от него отходят эти хулиганы. Мальчик расслабился, выждал пару минут и поднял голову, в которую прилетел крепкий как кусок льда снежок.

Борис распахнул глаза от судорог во всём теле. Он глубоко дышал, ощущая биение сердца и холодный воздух на glandax, который начал растворяться вместе с воспоминаниями о кошмарном сне. В голове промелькнула мысль: «Эх, детство, детство, ты, что меня страшишь?»

Он посмотрел в окно, в которое проникал тусклый свет. Солнечного денька сегодня не будет. На целый день над головой зависнут серые тучи, и может быть пойдёт дождь. С одной стороны хорошо, не придётся целый день изнывать от жары, но с другой, настроение будет паршивое. Борис перевернулся на бок и посмотрел на настенные часы. Пятнадцать минут до звонка будильника. Обидно. Он лёг на живот и уткнулся лицом в подушку. Юноша не знал, засыпает или нет; перед глазами только чёрная картинка и полное отсутствие мыслей кроме одной: нужно обязательно встать через эти пятнадцать минут, которые ему не дал доспать кошмар из далёкого прошлого. Звонки будильника. Борис подпрыгивает и идёт в угол комнаты, чтобы взять телефон и стряхнуть кружок вправо, прервав весёлое гитарное соло.

Он смотрел несколько минут на смартфон, а затем перевёл взгляд на рабочую одежду,

которая висела чистая и поглаженная на шкафу на вешалке. Удивительное дело, она всегда была выглажена, а грязь, запах пота или дезодоранта к ней вообще не приставали.

— Зачем я вообще встал? Мне ведь...

В голове начали появляться воспоминания из вчерашнего дня.

«Борис, если ты уйдёшь, меня убьют. Твой уход — моя смерть. Ты это понимаешь?»

Он схватился за лоб обеими руками и стянул ладони вниз.

— Почему всегда так?

Неделя после посещения ателье Консуэлы прошла без особых хлопот. Борис по-прежнему тренировался на куске сала, а Виктор взял на себя все обязанности по работе с клиентами. Спустя неделю из свиной кожи вылетали не только бабочки, но и птички, — причём большие и маленькие — пчёлы, жуки, самолётики и летающие тарелки. Борис уже мог выпускать несколько объектов и поддерживать их жизнь по ту сторону шмата сала. Иногда он так и стоял с закрытыми глазами весь облепленный этими летающими существами.

Борис перестал подозревать Виктора после случая в ателье Консуэлы. Происходящее там он уж точно не мог подстроить. Жизни всех, кто находился в ателье, были в опасности. Вполне реальной опасности. Так пала часть подозрений, но Борис по-прежнему был начеку; мало ли что мастер может выкинуть в будущем. От Виктора он узнал, что Ирине пришлось воспользоваться людской медициной, поэтому её не будет на работе пару дней, но с ней всё хорошо. Как сказала Консуэла: «Крепкая девочка. Моя!»

Подмастерье сидел на стуле, его расслабленные ладони лежали на коленях, а глаза были закрыты. Заветрившийся и усеянный татуировками шмат начал густо дымиться и из него разом вылетело несколько чёрных существ, которые устремились к Борису. Он понимал, что ничего не чувствует. Из него будто слили всё содержимое, и он может сейчас прямо на этом месте опасть как мешок из толстой ткани. По его телу бродило несколько чёрных птиц — две вороны, пять голубей, семь воробьёв, попугай ара и тукан — они жили своей собственной жизнью: клевали Бориса, перелетали с одного плеча на другое или просто бродили туда-сюда.

Он шёл на новый рекорд — шестьдесят пять минут жизни для птичек. Когда в комнату вошёл Виктор, час был уже позади. В руках он держал толстую синюю папку. Борис открыл глаза и посмотрел на мастера. Лицо юноши было бледным и неподвижным. Белки глаз немного потемнели, но зрачки были по-прежнему тёмно-голубые.

— Я думаю, пришло время дать тебе оружие. Как думаешь? — Виктор положил папку на кусок сала, — Я в принципе не против, если ты в случае опасности будешь бежать ко мне, чтобы взять его. Так ты точно не поранишься и не навредишь другим. Но я за самостоятельность и ответственность. Про неё, кстати, советую не забывать.

— Я помню про правила и ответственность. А насчёт оружия... — Борис посмотрел в сторону и продолжил по-прежнему пресным голосом: — Можно их сделать в самом незаметном месте: на спине, на ногах или ещё где-нибудь?

— Для начала они должны быть как можно ближе к ладоням.

Борис выставил руки вперёд и два голубя перелетели на его сжатые кулаки.

— От бабушки такое не спрячешь. Если я буду постоянно ходить с длинными рукавами, она может что-то неладное заподозрить. Она и так меня уже в наркомании подозревает.

Виктор подошёл к тумбочке, которая стояла за спиной Бориса и что-то из неё достал. На его ладони перед лицом юноши лежал однотонный браслет бежевого цвета, который

отливал перламутром. Кружок был настолько широким, что в него могли протиснуться две руки.

Борис вскочил со стула и поднял руки вверх. Птицы вспорхнули в разные стороны и полопались как шарики, затем превратились в дым и вернулись струйками в свиную кожу.

— Простое решение твоих проблем, — сказал Виктор и надел браслет на своё запястье.

Бежевое кольцо сначала уменьшилось, а затем впиталось в его кожу. От запястья пошла волна, от которой татуировки исчезали, а на их месте оставалась бледная кожа. Она дошла до подвернутого рукава, а потом через несколько секунд разлилась по другой руке.

Уголки губ Бориса приподнялись, а в глазах появился озорной блеск.

— Я называю его кожаный бублик, единственный в своём роде. Я б ещё сделал, но людям такое не продашь. Хотя если можно было, я б в золоте ходил.

Виктор стянул и передал Борису браслет, который сначала материализовался на запястье, а потом начал увеличиваться по мере отдаления от руки.

— Тогда всё в норме. Что будем набивать?

Виктор указал раскрытой ладонью на толстую синюю папку.

— Тут фотографии оружия, начнём с ножей и пистолетов. Выбери по одному из них, как выберешь, приходи и я их тебе набью. — сказал Виктор, выходя из двери.

Борис открыл папку на первой странице. В самом верху был рисунок древнего пистолета с крючками сверху и снизу, который напоминал прямую палку; такие бросают псам с криком «апорт» или играют ими в лапту. На одном листе было три таких пистолета, рядом с каждым располагался небольшой островок текста, на который Борис не обратил особого внимания. Он пролистал несколько страниц, придерживая их в охапке пальцами. Дальше шли более молодые версии пистолетов, а после них начинался отдел ружей, который начинался тоже с самого первого и древнего представителя.

Свобода выбора повела Бориса по извилистой тропе. Древние кремневые и колёсные пистолеты, безусловно, красивы и необычны. Скучные узоры на ударно-кремневом замке не привлекали внимание юноши, но ребяческий восторг вызвали резные стволы и ручки с образами пейзажей и охоты. Для Бориса было очевидно, что они не эффективны из-за своего главного изъяна: после одного единственного выстрела нужно сыпать порох из человеческих чувств и эмоций в дуло, запихивать туда состоящую из них же пулю, пока на тебя надвигаются одержимые, которым всё равно, успеешь ты закончить или нет.

Постепенно Борис начал переворачивать страницы без особого рвения или интереса, будто листал каталог садового инвентаря. Пистолеты в самом конце пистолетного отдела не вызвали особых чувств, но их собратья из прошлого века заинтересовали его. Борис бегал глазами по названиям, выделенным жирным шрифтом, не обращая внимания на описания. M1911 (1908), TT (1933), АПС (1948), Беретта 92 (1972) Глок 17 (1980), Desert Eagle (1983) Эти пистолеты казались ему наиболее знакомыми, но его дилетантский взгляд не замечал особой разницы между ними, кроме внешнего вида. Сначала выбор был между M1911 и Desert Eagle, и чаша весов перевешивала в сторону второго. Эта пушка действительно была пушкой с большой буквы «П», но потом Борис представил себя с ней в руках и понял, что будет выглядеть как ясельная версия героев из боевиков девяностых. Ему нужно было что-то среднее, не слишком старое, не слишком новое и в меру крутое и культовое. Как только Борис перечислил эти пожелания у себя в голове, его взгляд задержался на Беретте. Он положил рядом с ней своё левое предплечье и сказал:

— Смотришься он будет совсем тут не к месту, но хотя бы от него будет толк.

Юноша открыл папку на самой последней странице, на которой были тактические ножи с чёрными ручками и такими же лезвиями. Их Борис сразу отбраковал, не было в них той среднячковости, которая подходила Беретте. Он пролистал несколько страниц, на которых были изображены кастеты, кинжалы, булавы, топоры, мечи, сабли, шпаги и рапиры. В этой половине не было чёткого разделения; всё холодное оружие просто разбросали в хаотичном порядке. Но одно правило всё-таки присутствовало — размеры этих красавцев не должны были превышать человеческое туловище, поэтому тут не было копей, луков, алебард и прочего.

Борис несколько раз доходил до стыка с огнестрельным оружием и возвращался к концу папки, но так и не смог выбрать пару для Беретты. Он хотел подойти с умом к своей первой оружейной паре, но ум в этом деле не проявлял рвения. Борис уже подумывал взять топор, который был точь-в-точь как у Виктора в первой стычке с одержимыми, но повторяться не его метод. Он же оригинал, такой весь исключительный, поэтому выбор должен быть таким же неповторимым.

На очередном заходе он заметил неприметный квадратик в нижнем углу листа. На нём был изображён ножик, который известен любому мальчишке. Хотя интересен был не он сам, а то, как его крутили в руках те самые крутые парни, когда меняли йо-йо на серьёзные вещи. Какие только трюки не выписывали эти ножички, их танцу в воздухе могли позавидовать даже самые опытные воздушные гимнасты. У Бориса такого не было, но когда он смог себе его позволить, ножик стал ему неинтересен.

На скромной картинке был изображён нож-бабочка, он же Балисонг. Борис прочитал немногословное описание под названием, из которого узнал, что это модифицированная версия рыбацкого ножа с Филиппин. Для рыбаков было важно использовать нож одной рукой, поэтому они придумали такой необычный складной механизм. Также Борис узнал, что его можно использовать в сложенном состоянии как кастет. В этой возможности он увидел большой потенциал и как раз ту золотую середину. Так у него появляется возможность выводить противника из строя, не причиняя ему вред.

Подмастерье стоял в дверном проёме мастерской с папкой в руках. Виктор подготавливал рабочее место: наматывал пищевую плёнку на подставку под руки. Эта подставка представляла собой столик на двух железных ножках. Его столешницей была подушка, обтянутая белой кожей и расположенная под углом.

— Это для меня или вы кого-то ждёте? — спросил Борис.

— Сегодня клиентов не будет, — ответил Виктор, не прекращая подготовку. — Выбрал?

Юноша зашёл в мастерскую, положил толстую папку на массажный стол и принялся её листать. Он, как назло, не догадался сделать закладки.

— Сейчас вспомню, где они были. Так... вот Беретта.

Пока Борис искал заветные картинки, Виктор заглянул в ближайшую тумбочку и достал из неё серебряную коробочку из цельного листа металла. На ней не было ни швов, ни узоров — просто гладкий, угловатый металлический слиток. Татуировщик открыл его как коробку с тортом, подняв верхнюю крышку. Внутри на красном бархате лежала вещь, похожая на перчатку. Мастер достал её, повертел в руках и отложил в сторону. Сначала он натянул медицинские перчатки, а затем поверх левой ладони надел эту вещицу. От перчатки в ней был только красный кожаный напульсник. Внешняя часть этого предмета была усеяна ползущими во все стороны разноцветными проводами, прикрытыми тонкими железными пластинами. На его внутренней стороне располагался железный круг с толстой линзой

посередине.

Виктор подошёл к Борису, который нашёл нож и держал палец-закладку на странице с Береттой. Мастер привлёк его внимание мягким хлопком по плечу, достал из упаковки иглу и принялся вставлять её в прямой, стальной коготь на указательном пальце.

— Что будет первым? — спросил Виктор.

Борис немного подумал. Он пошарил у себя в заднем кармане графитовых брюк, достал из него смятый чек и кинул на страницу с ножом.

— Лучше начать с Беретты.

Татуировщик положил ладонь в железной перчатке на рисунок пистолета и начал двигать руку влево. Движение это было очень медленным, казалось, что он продвигается по одному миллиметру в минуту. Борис, несмотря на то, что это было смертельно скучное зрелище, не отводил взгляда. Когда Виктор поднял ладонь то, сразу пригласил его сесть за подставку для рук. Мастер достал из железной коробочки такой же гладкий, серебряный баллончик и вкрутил его как лампочку в отверстие на внутренней стороне запястья. Он сложил все пальцы кроме указательного, и перчатка зажужжала как обычная машинка. Как только Виктор их расслабил, она замолчала.

Подготовка к нанесению татуировки прошла как обычно, но татуировщик не стал рисовать эскиз, а сразу преступил к делу. Борис отвел правую руку в сторону от приближающейся иглы и сказал:

— Вы ничего не забыли? Сейчас по правилам идёт эскиз.

— Он нам не понадобится, вот увидишь.

Борис сразу представил партак пистолетика, который выглядит так криво, будто его трёхлетний ребёнок нарисовал. У него от этой мысли лицо скривилось, но он всё-таки вернул руку на место.

Мастер начал нанесение с немного выпирающего дула. Борис смотрел некоторое время в окно, но ноющая боль, — та самая, как от удара током, — которая шла всё выше по внешней стороне предплечья, заставила его посмотреть. На коже от запястья тянулся ствол, и уже виднелась половина курковой скобы. Рисунок был похож как две капли воды на Беретту из папки. Виктор вёл пальцем с точностью машины, будто он стал станком для нанесения тату. Веру в то, что перед ним всё тот же самый унт, внушали его частые промакивания салфеткой.

— Виктор, можно спросить?

— Да, конечно. Ты мне не мешаешь.

— Кто такой этот Аристократ?

— В двух словах его можно назвать унтом-предпринимателем. Ты уже слышал, что у него восемь точек в собственности, все через поединок. Но интересно другое, первую точку, антикварный магазинчик, он забрал через поединок у своего учителя, — на этом моменте Виктор должен был макнуть иглу в колпачок с краской, но его рядом не было с самого начала сеанса, — Обычно заведение переходит в полное владение подмастерья со временем, по ряду причин.

— И долго приходится ждать? Может он просто не дождался.

— Обычно не долго. В мире хинтов и унтов этот момент наступает как раз, когда подмастерье добивается необходимого мастерства или ещё раньше.

— Грубо говоря, он плохой парень.

— Скорее нет. По правилам не запрещено забирать территорию в честном поединке, но

его подозревают в нарушении правил. Консуэла не одна так думает. Нападение на парикмахерскую Цирюльника тоже было слишком масштабным для двух одержимых.

— Консуэла упоминала, что как это так, ТОТ не видит, что творит Аристократ. А что он может видеть?

— Всё просто: он видит всё. Но, к примеру, как ты моешься в душе или где блуждают твои руки, ему без надобности, его интересует только исполнение правил. Мы сегодня, кстати, посетим место, где ты сможешь их прочесть.

— Я таким не занимаюсь, у меня с девчонками всё нормально.

— Не стоит врать унту, который знает тебя лучше, чем ты сам.

Борис сжал губы и отвернулся.

— Место, в которое мы сегодня пойдём, называется бар «Дар унижения».

Борис ухмыльнулся и хотел полезть свободной рукой к телефону, чтобы найти это место на карте, но остановился, едва сунув пальцы в карман. Это ж место унтов, откуда ему быть на людских картах?

— Знаете Виктор, я считаю нечестным и неправильным, что вы знаете обо мне всё, а я о вас практически ничего. Может, расскажите, что-то о себе?

Виктор заканчивал нижнюю часть ручки. Пауза после слов Бориса сильно затянулась.

— Готово. Сейчас я обработаю и заверну твою руку, а ты мне покажешь второй. Когда начнём, я...

— Так сложно рассказать о себе? — возмутился Борис.

— Когда начнём, я тебе всё расскажу.

Борис сделал полукруг глазами и уставился в сторону.

Когда на правой руке юноши лежал компресс, Виктор встал и подошёл к папке. Он протиснул палец в листки и открыл на нужной странице. Прямо посередине листа лежал смятый чек.

— Одна бутылка пива и всё? Ты больше вчера ничего из алкоголя не пил? — не поворачиваясь, спросил Виктор.

Тут начала расти пауза, которую Борис мигом прикрыл:

— Нет, не пил, — соврал он.

— Вот и отлично. Чрезмерное употребление вредит здоровью, да ты и сам знаешь. Чтс будем бить?

— Нож-бабочка в самом низу страницы.

Борис уставился на Виктора, который, по всей видимости, сканировал рисунок балисонга. «Неужели он не знает, что я ему соврал?» — подумал юноша. Как это проверить было тоже не ясно. Может татуировщик уже начал подготавливать новый поучительный аттракцион с фантомной кровью на кафеле, а своему подмастерью замыливает глаза. Борис устал быть осторожным и ожидать внезапного удара. Каждое действие Виктора и других унтов непредсказуемо, единственная мера противодействия, не вступать с ними в контакт, а это невозможно.

— Всё готово. Можем приступать. Думаю этот ножик лучше набить сюда, — Виктор взял левую руку юноши и провёл пальцем от запястья до середины предплечья по её внутренней стороне.

— Да, — сказал Борис сдавленным голосом, а затем прочистил горло и продолжил. — Думаю, в разложенном состоянии будет смотреться лучше.

— Тебе виднее. Так вот, детство моё не отличалось от детства обычного человека, —

Виктор начал наносить остриё у самого запястья Бориса, — Я ходил в детский сад, это был скорее детский дом, в котором воспитательницей работала моя мама. Потом в школу. В шестнадцать лет отец взял меня в качестве подмастерья. Он владел этим тату-салоном, — Виктор окинул глазами потолок, не прекращая набивать тату. От чего Борис сглотнул, — Через год он умер, и этот салон перешёл мне по наследству. Ни жён, ни детей у меня нет, и не было. Была одна подружка, но я о ней практически ничего не помню, как не странно, — Виктор замолчал и сразу продолжил. — Друг у меня один, если повезёт, сегодня увидите

Мастер убрал иглу и ослабил пальцы. Он посмотрел на левую часть своей груди, а затем потянул за ворот рубашки. Оттуда бил поток красного света. Виктор расстегнул пуговицы и оттянул ткань влево. Юноша прищурился и прикрыл глаза рукой. На груди, в районе сердца светилось, что-то еле различимое. Борис с большими усилиями смог разглядеть только круг.

— От этой метки обычно исходит холодный синий свет. Красный значит, что в территории произошли изменения. Покраснение спадёт, когда я переступлю порог бара, — бара, в который мы с тобой сегодня собрались пойти.

— Тату потом доделаем? Сейчас бежим в бар? — сказал Борис с улыбкой на лице.

— Нет, конечно, — Виктор начал застёгиваться. — Это не к спеху. Клиентов сегодня уже не должно быть. Этот свет люди всё равно не видят, да и рубашка его не пропускает. Так что продолжаем.

— У меня такой же фонарь на груди будет?

— Сейчас тебе без надобности. Но если хочешь такую метку, её наносит только один унт в городе — бармен, хозяин заведения «Дар унижения». Слишком много совпадений для одного дня, не находишь?

Когда Виктор закончил татуировку, оповестил, что идёт в душ, а салон остаётся на попечение Бориса. Он в свою очередь хотел ещё потренироваться с птицами, но его остановила одна мысль. Получается, что для появления объектов из чужой кожи нужно избавиться от всех чувств и эмоций. А что ему делать, чтобы высвободить их из своей кожи? Наоборот переполниться ими? Но Виктор, очевидно, так не делает, а оружие из его кожи выходит.

Когда мастер вернулся из душа, Борис сразу бросился на него с расспросами.

— Виктор, вопрос есть. Если татуировки из чужой кожи выходят под влиянием моей бесчувственности и безэмоциональности, то, как мне быть с тату на моих руках? Они будут выходить по противоположному принципу или как?

Виктор остановился в дверном проёме и начал говорить прямо оттуда:

— Я уже говорил, что достать татуировку из чужой кожи сложнее. А вот когда она в твоей коже — ты её хозяин. Ты управляешь всеми чувствами и эмоциями, из которых она состоит. Всё о чём тебе нужно беспокоиться — не дать им тебя поработить, взять верх над тобой, иначе станешь одержимым.

— Проще, чем хотелось бы. Ладно, сейчас вы погоните меня в душ, поэтому пойду сам.

— Стой. Нужно хорошенько намотать тебе на руки пищевую плёнку. И особо воду на руки не лей.

Татуировщик забинтовал ему руки так, что нож к коже через щель не пролезет, не то, что вода. Юноша посмотрел на свои руки, а потом перевёл глаза с поднятыми как можно сильнее бровями на мастера.

— Я на счетовода похож с накладными рукавами. Это не слишком?

— Ты в них только душ примешь и всё. Так что вперёд и не задерживайся.

После душа сборы заняли немного времени и уже вскоре они были на улице. Борис вдохнул сладкий запах вечера, от которого закололо в затылке. По словам Виктора, бар находился на противоположной окраине города, но на их счастье один автобус шёл прямо к нему. Вечер был тёплый и безветренный. Солнце уже зашло и улицы начали наводняться ночными гуляками, к которым можно было причислить нашу парочку. Сигналы машин гудели, некоторые проносились с гремющей музыкой из салона, но Борис и Виктор их не слышали, так как автобус был переполнен болтливыми подростками.

Борис сидел у окна и смотрел на живые улицы, толпы прохожих и тусклые фонари. Он был рад посещению значимого для унтов места, а ещё больше радовался тому, что это был бар. Видимо, унты не все такие поборники правил как Виктор. Юношу внезапно пронзила мысль: «Чек с пивом он увидел до того, как сказал, что мы пойдем в бар?» По спине пробежался холодок от осознания предпочтений Виктора клин клином вышибать.

Начало пути в бар пролегало через широкую железную дверь на торце одного из жилых домов. Она предположительно вела в подвал и выглядела так, будто её не открывали лет десять и ещё завалили с другой стороны мусором.

— И что дальше? Я, конечно, понимаю, что это место не для людей, но у меня ощущение, что если мы её откроем, нас собьёт волна старых покрышек и газет.

— К каждой двери нужен свой подход. Вот, возьми, — Виктор протянул ему симмиринг и сделал два выстрела по двери из пистолета M1911.

Два отверстия на одном уровне по краям двери, но они не были дырками в металле. Перед глазами Бориса предстало невиданное до этого момента. Два бугорка, которые росли наружу как муравейники, и состояли толи из тёртого металла толи из кристалликов льда. Виктор вставил симмиринг в один из холмиков, и он втянулся внутрь, поглощая цилиндр. Пробитое место стало гладким, как и прежде.

— У этого места тоже есть эти чёртовы депозиты, — Виктор указал на последний

бугорок.

Юноша хмыкнул, развёл руками и с размаха вставил симмиринг в холмик и сделал шаг назад, но его что-то потянуло за руку.

— А вот так лучше не делать.

Бориса потянуло к двери сильнее; руку заглотил по локоть бугорок, который стал больше. Он ощетинился и начал активно пульсировать, засасывая его внутрь. Юноша молчал, но часто и громко дышал. На его лице был страх и отчаяние. Когда холмик достиг плеча, появилось ещё несколько бугорков, которые принялись засасывать его тело активнее, чем прежде.

Когда голова была поглощена дверью, всё что предстало перед взором Бориса — это тьма, как за закрытыми глазами. Дышать он мог, но тяжело: воздух был спёртый. Он пребывал во тьме не более минуты и чувствовал, как его несёт поток, похожий на течение реки. Вышел он быстрее, чем вошёл. Его прямо выплюнули. Борис огляделся, он оказался в туалете, на полу которого лежал белый кафель. Место пустовало, но выглядело светло, прилично и, что немало важно, прибрано. Борис оглянулся, за ним была стена, покрытая всё тем же белым кафелем.

Он вздохнул и поднялся. В этот момент в туалет зашла смуглая девушка с завитыми волосами, одетая в коктейльное платье. Её обескуражил вид парня, который отряхивал свою рубашку и брюки. Она так и застыла с недовольным лицом, стоя перед закрывающейся дверью.

— Ты как сюда попал, пацан? Дверью не ошибся?

Юноша застыл на месте и забегал глазами. Он не придумал ничего умнее, чем побежать на выход, чуть не сбив незнакомку. Борис пронёсся по длинному, освещённому коридору и, отодвинув ярко-красную портьеру, попал в огромный бар. Он был похож на оперный зал из-за роскошного внешнего вида и балконов в дальнем, интимном тёмном уголке. В полумраке в сравнении с величиной этого места курсировало неприлично мало народа, с виду обычные люди, без каких либо особенностей. Играла приглушённая музыка, похоже, заведение только разогревалось.

— Красотища-то какая! — прозвенел голосок змейки.

Борис чувствовал себя не в своей тарелке, как обычно, когда попадал в незнакомый бар один — то есть, как и всегда. Сейчас это чувство не просто сжимало всё его естество, оно давило тяжёлым грузом. Он увидел барную стойку — единственное хорошо освещенное место — она представляла собой окружённый людьми крупный овал, по которому кружил один мужчина. Места было достаточно для армии барменов минимум из восьми человек, но этот виртуоз успевал обслуживать всех посетителей в одиночку. Борис подошёл поближе.

На бармене были чёрные штаны, белая рубашка и строгая, приталенная, синяя жилетка, без узоров и с серебряными пуговицами. Одежда дорогая, и смотрелась на нем очень элегантно. Ещё у него были голубые глаза и бледная кожа. Привлекала внимание его отличительная черта — торчащие во все стороны угольно-чёрные волосы. Причёска на вид была специально сделана такой небрежной. Бармен выглядел молодо, казалось, что старшеклассника заставили замешивать коктейли.

Его движения были гораздо быстрее и точнее человеческих. Он мог делать по несколько разнообразных коктейлей разом, причём способы каждый раз были разные. Бармен хватал по несколько бутылок, подкидывал парочку в воздух, пока наливал из других, мог закинуть бутылку через плечо на место. Элементы барменского представления присутствовали, но

были нужны для ускорения приготовления коктейлей. Бутылки с газировкой он открывал ударом доньшка об стол. Если бармен хотел что-то выжать, например лайм, он выжимал его одной рукой весь за одно нажатие. Коктейльной ложкой он активно вертел и даже нарезал ей дольки или снимал кожицу с фруктов для украшения.

Борис внимательно наблюдал за ним, его захватил процесс, который он, по существу, видит первый раз в жизни. Он даже подметил пару особенностей. Например, бармен применял принцип конвейера, если наливал то в несколько бокалов или шотов, если насыпал лёд или краш то тоже на всех, если мешал, то двумя руками несколько коктейлей, орудуя коктейльными ложками. Для такого бармена не было проблемой, гладить живот круговыми движениями, хлопать себя по голове, а ногой жонглировать восемью бутылками.

— Что будешь, парень? — спросил голос совсем близко.

Борис обернулся, а затем посмотрел во все возможные стороны, даже вверх. Рядом не было никого, кто мог бы с ним заговорить. Все были заняты своими делами. Он заметил, что бармен на него смотрит, не прекращая приготовление коктейлей. Его глаза — глаза унта — не смотрели непосредственно на Бориса, они уставились на пространство над головой юноши. Когда бармен отвернулся, голос опять заговорил:

— Вы можете себе позволить пять лонг-айлендов, пятнадцать кровавых мери, десять дайкири. Посмотрите в меню, вы можете выбрать другие напитки, если что, я подскажу.

Борис посмотрел в меню, которое не отличалось минималистичным дизайном от своих сородичей из других заведений. Он решил заказать дайкири. Не хотелось привлекать к себе внимание в новом месте. Когда бармен подошёл, Борис не успел поднять на него глаза, как перед ним появился дайкири — бежевая жидкость с ломтиком лайма на ободке. Бармен по-прежнему молчал, и просто указывал раскрытой ладонью направо. Там юноша увидел поднятую татуированную руку, её хозяин сидел за столиком с каким-то упитанным, лысым мужчиной. Как только Борис подошёл к столику, незнакомец глупо заулыбался и поднял на него палец, а затем перевёл его на Виктора и несколько раз шустро повторил это движение.

— У меня мозги плывут или ты ворующь чужих детей и натягиваешь на них своё шмотьё? — сказал незнакомец.

Он действительно был с лишним жирком — не слишком, но заметно. Незнакомец не был лысым, как Борису показалось, у него на голове росли редкие, жиденькие волосы. Лицо круглое и рыхлое как блин. Тёмно-зелёные глаза и маленький нос, весьма аккуратный. Одет он был в светло-коричневую тряпочную рубашку и брюки из того же комплекта. Обувь Борис не разглядел.

— Познакомься, Боря, с нашим весельчаком Никитой, который совсем забыл о манерах, — сказал Виктор и выставил раскрытую ладонь перед собой.

— Борис, — сказал юноша, протягивая руку.

— Ну, ты уже знаешь. Приятно! — Никита ответил на рукопожатие.

Юноша молча кивнул.

— А-а, что это было? Я вывалился из стены в туалете...женском, — обратился он к Виктору.

— Неуважение к двери, я полагаю. Я же говорил, что к каждой двери нужен свой подход. Даже показал тебе, но ты всё сделал по-своему. Вот результат.

— Хм, выйти я смогу вместе с вами?

— Нет, пойдёшь девок в сортире пугать! — сказал Никита и рассмеялся. Смех его выходил из сдавленного горла и напоминал «Хы-хы-хы». Он будто выплёвывал эти звуки.

— Конечно, выход за твоей спиной. Идешь прямо, не сворачивая, и ты на месте. А пока присаживайся. Скоро будет объявление о смене территорий.

— А где тут правила? — Борис посмотрел по сторонам. Он заметил только то, что новый знакомый повернулся налево и куда-то пристально смотрел. Никита прикусил нижнюю губу, выставив вперед подбородок.

— Прочтешь их перед уходом, можешь даже сфотографировать. А сейчас расслабься, мы же в баре, — сказал Виктор.

Борис обернулся через плечо и проследил за взглядом Никиты. Он глазел на Консуэлу, которая лёгкой походкой двигалась к барной стойке. На ней было красное коктейльное платье, сильно обтягивающее её точёную фигуру. Никита поймал Бориса за слезкой и сказал:

— Падай шустрее.

Юноша присел, но держался скованно и коктейля из рук не выпустил.

— Всё ж хорошо, Борька, — Никита поставил его дайкири на стол, — Тут даже для приличия нет смысла стесняться или бояться. Виктор покажи.

Тот материализовал револьвер, направил его в своего друга и спустил курок. Дуло с тихим пшиком разорвало в клочья, оно стало похоже на снятую кожуру банана.

— Видишь. Будешь хорошим, и делать, как говорят — всё будет классно. Есть хочешь? Моё кладбище пельменей закинуло бы в себя пару тел, — Никита пошлёпал себя по животу.

— Меню есть? Я, честно говоря, ем только домашние пельмени.

— Эх, первый раз, — произнес на томном выдохе Никита. — Даже завидую. А кто тебе их дома готовит? Мама, папа, бабушка, дедушка?

— Бабушка. Только бабушка.

— Соусы?

— Ни в коем случае. Только масло.

— Две минуты, Борька.

Никита, который сидел спиной к барной стойке, развернулся, сузил глаза и приложил сложенные указательный и средний пальцы к виску. Его взгляд был направлен на бармена, он прямо сверлил молодого человека. Тот повернулся к нему и кивнул, а затем жестом указал кому-то подойти к их столу. Через пару мгновений молодая, медно-рыжая девушка, одетая также как бармен, раскладывала по столу глубокие тарелки. По мнению Бориса, они были размером с маленькую раковину.

Когда Никита повернулся, сразу взметнул указательный палец вверх. На тарелку Бориса упал пельмень, а затем другой, и ещё два. Они показались ему очень знакомыми, точно такие же лепит его бабушка. Юноша поднял глаза, прямо над ними из темноты потолка летело несколько маленьких объектов. Не сложно догадаться, что это были те самые пельмени. Недалеко от них потолок источал пищу большего размера похожую на стейки.

Тарелка Бориса, несмотря на свои размеры, наполнилась только на десять пельмешков. Он взял вилку и наколол одну штучку. Как раз в этот момент упал кусок масла, на него Борис смотрел с приоткрытым ртом и удивлёнными глазами. То же самое количество, которое отрезает бабушка. «Не голова, а проходной двор», — подумал юноша и цокнул. Он перемешал горячие пельмени с маслом, пока оно не растворилось, подул на дымящееся тесто и откусил тот самый первый кусочек с самым насыщенным и искренним вкусом. По рту вместе с каплями бульона растеклись мясные нотки. Пельмени были именно такими как у бабушки. Точь-в-точь.

— По лицу видно, что ты в восторге, — сказал Никита, накалывая пельмень, — В этом месте за твой столик могут подать всё что угодно, даже именно то грудное молоко, которым ты лакомился, пока был лялькой. Конечно, так тут никто не делал, но возможность есть.

— Это слишком клёво, чтобы это было правдой, — Борис покрутил пальцем в воздухе, — А как они...

— Секрет фирмы. Никто о такой золотой жиле трепаться не будет.

— Всё, кончаем болтать. Начинается, — вмешался Виктор.

Свет начал медленно тускнеть. На стенах проекторы рисовали карту города, которую Борис видел каждый раз, когда прокладывал маршрут в телефоне. Как только она стала яркой и чёткой то, сразу разделилась примерно на две половины красной линией, там проходила улица Мира, самая длинная в городе. По обе стороны рассредоточились неровные островки красного и жёлтого цветов, с первого взгляда было сложно понять, территория поделена поровну или нет. Над картой начался десятисекундный обратный отчёт. В зале пропали звуки, будто кто-то откачал весь воздух. Когда отсчёт закончился, один обширный красный островок напоз на жёлтый участок сантиметров на пять-шесть. И тут зал взорвался радостными, но немногочисленными криками, свистом и смехом. Никита подскочил и присоединился к ликованию, а Виктор и Борис продолжили сидеть.

Юноша заметил, что были личности — примерно половина, — которые продолжали сидеть на месте с опущенными, грустными лицами. Вдруг большая часть из них начала плакать, прикрывая лица руками.

— Виктор, а кто они? Почему не радуются со всеми? — Борис знал смутный ответ на этот вопрос, но хотел получить подтверждение.

— Это хинты. Они не радуются, потому что часть их территории передали унтам.

— Мда уж... А они, ну... особо не отличаются. С виду такие же люди.

— Да, только унты так не поддаются эмоциям. Присмотрись, хинты в них просто утопают.

Неважно мужчина или женщина, плакали и накапливали на столе мокрые салфетки практически все. Борису становилось жалко их, от этого чувства тяжелело в груди, а от его беспомощности этот груз давил ещё сильнее.

— Это и есть главное наше отличие. Хинты собирают те эмоции, которые сдерживают человека: чувство влюблённости и страх признаться, терпение, пацифизм, послушание, покорность, страх и так далее. Чтобы самим не поддаться им приходится сильнее выражать эмоции. Повторюсь, что у унтов наоборот. Чем сильнее унт, тем он безэмоциональнее. Чем сильнее хинт, тем он эмоциональнее.

Борис встал и огляделся, его взгляд бил сквозь немногочисленную толпу. Неподальёку в свете проекторов он увидел сидящих за столиками мужчин и женщин, их лица без единой эмоции были направлены в сторону карт. Каждый сидел в гордом одиночестве за своим столиком и все как один напоминали Виктора. Гул восторга толпы начал стихать. Освещение вернулось к своей прежней яркости. Музыка заиграла немного громче. Радостные унты пустились в пляс, не обращая внимания на плачущих хинтов, которые уходили чаще по одному, парами ушли только четверо.

Борис сел и пододвинулся к середине стола, чтобы Виктор и Никита могли его слышать.

— И что будет с той территорией? — Борис прибавил к громкости голоса пару тонов, но сдерживался, чтобы его не услышали окружающие унты.

— Это место — салон красоты одного хинта, которого все называли Цирюльником. Не

знаю, почему ТОТ решил передать унтам землю, но теперь унты на этой территории смогут открывать свои заведения. Хотя скорее всего, один унт просто займёт это место, и не исключено, что это будет Аристократ.

— Как это? Вы же сами говорили, что Цирюльник сбежал. Аристократ его на честный поединок не вызывал, значит территорию он забрать не может.

Никита показал себе за спину на стойку бара и сказал:

— Это ему решать. Бармен считай второй после Того, кто видит. Но, честно говоря, я бы не хотел получить салон Цирюльника. Я боюсь, свой уголок не смогу защитить, а тут ещё одна обуза, прямо как незапланированный ребёнок.

— То есть, в получении новой территории нет ничего хорошего? Что они тогда радуются?

— Потому что они не такие ленивые как Никита, знают цену ответственности, — ответил Виктор.

— Да ну, я-то как раз таки всё оценил, а они прыгают в огонь в надежде, что он их согреет. А там увечья и ожоги. Ферштейн?

— В этом есть смысл, но и в том, что я сказал, он тоже есть. Лень не двинет тебя никуда. Ты уже лет двадцать владеешь своим магазином, а ничего там не менял ещё со времён, когда твой учитель там заправлял.

— Я так чту его память и ничего менять не буду ни ассортимента, ни мебели.

— А твоя мебель собралась жить вечно?

— Покупателю-то что? Ему главное, чтобы чисто было вокруг.

— Это ты тоже спустя рукава делаешь.

— Да нормально всё. Зачем что-то делать, если это можно не делать?

Борису стало неуютно от этой дружеской перепалки, и он решил ещё раз оглядеться. Барную стойку облепили унты так, что иголку не протиснешь. И тут он увидел, что рядом с одним худым мужчиной в чёрной рубашке и белых брюках падают на пол смятые салфетки и обёртки. Приглядевшись, он заметил, что этот мачо стряхивает локтём мусор на пол. Юноша почувствовал у себя за спиной пристальный взгляд. Когда он повернул голову, его хозяином оказался Виктор. Он пристально смотрел на этого нарушителя чистоты.

Когда на пол упала обёртка от сахара, мастер вскочил, отодвинув со скрипом стул. Никита сделал то же самое через секунду, встал перед своим другом и схватил его за плечи.

— Не-не-не, я сам разберусь. Не надо, Витя.

Виктор шёл вперёд, не обращая внимания на друга. Мужчина в чёрном повернулся и его крысиное лицо побледнело. Он с приоткрытым ртом, продолжая смотреть на Виктора, присел на корточки и начал собирать свой мусор. Мастер сел на место, как только мужчина отнёс фантики в урну, над которой была табличка «Спасибо» красными буквами.

Никита пихнул Виктора в плечо со словами:

— Ну, чё ты вечно лезешь? И без тебя разберутся. Не твоё заведение, не твои порядки! Ферштейн?

Виктор молчал и просто смотрел в серьёзные глаза своего друга.

Вдруг, музыка стихла и все звуки вокруг тоже, прямо как в тот раз при объявлении результатов изменения территории. Но сейчас вдобавок всё вокруг остановилось. Были слышны приближающиеся шаги, стопы лениво через раз шаркали по полу. Унты около барной стойки расходились. Шёл мужчина. Борис сначала не узнал его, уж очень он изменился. По первым морщинкам и залысинам, которые оставили мало места для

каштановых волос, юноша вспомнил хмурое лицо хозяина салона красоты из новостей, которые он видел несколько недель назад. Сейчас мужчина не выглядел хмурым, он был измучен. Руки повисли плетьюми, ноги старчески семенили, круги под глазами потемнели и набухли. Казалось, что его тянет к земле: ещё шаг, и он упадёт на пол. На нём была пыльная, белая рубашка с жёлтыми следами пота и серые, льняные брюки с пятнами грязи.

— Я же не виноват, — мужчина не говорил, он выл. — Это несчастье случилось не на моих глазах. Вы, они — все вы нелюди, несчастные твари!

Глава 6. Часть 3

Борис услышал шёпот под правым ухом. Слов не разобрать, просто еле слышные звуки мужского голоса. Он обернулся, опять никого.

Все унты вокруг начали копошиться в карманах, доставать или материализовать разнообразные объекты: цветы, железные шарики, перья, горох, зажигалки, у одной дамы даже было продолговатое фиолетовое изделие из силикона, которое неприлично держать в руках находясь в обществе. Некоторые вещи Борис не разглядел, но было очевидно, что они относятся к местам, в которых работают эти унты.

— Я известен вам как Цирюльник. Я помогал вам, лечил любой недуг. А сейчас я пришёл на смерть...на смерть от ваших рук. Не тяните, скоты.

Цирюльник поднял лицо вверх и закрыл глаза. В него полетели огненные брызги из кончика силиконового изделия, пули из револьвера Виктора, огненные струи из зажигалок, покрытые густым тёмным дымом горох и металлические шарики, объятые пламенем цветы и перья. Со стороны это напоминало действо, когда раньше убогих закидывали камнями, гнилыми овощами, обливали помоями. Все эти снаряды летели градом со всех сторон толпы, окружившей Цирюльника. Делалось это с каменными лицами. Чёрные глаза с красными радужками глядели на его тлеющее тело. Объятая пламенем фигура, поддерживаемая, так или иначе, потусторонними силами, продолжала твёрдо стоять.

Борис увидел в толпе Консуэлу, которая обматывала Цирюльника огненной нитью, и юноша вспомнил её слова:

«Цирюльник — светлая душа».

Он увидел в толпе и Джона, который набрал полную грудь дыма и выдувал огненное пламя, словно дракон. Юноша вспомнил и его слова:

«Эх, без Цирюльника трудно придётся. Иногда, казалось, что ему любая задача нипочём, что не попросишь, будет сделано».

Раздался треск, и то место, где у Цирюльника были ноги, переломилось как сухая балка, и верхняя часть упала на пол. Унты прекратили огонь и все как один уставились на пламя. Цирюльник ведь был в их глазах особенным хинтом, важным, незаменимым, а сейчас его превращали в пепел за неизвестные для Бориса прегрешения. Что могло заставить унтов так поступить? По их словам он хороший, но с ним расправляются, как с омерзительным злом. Видимо, он нарушил одно из правил или сразу несколько. Если даже так, почему это происходит?

Когда толпа закончила, от Цирюльника ничего не осталось, даже горки пепла. Борис уставился на то место, где ещё пару минут назад стоял живой Цирюльник. Лицо юноши побледнело сильнее, чем та крысиная морда при виде Виктора. Озноб колотил мышцы, живот мутило, тошнота подступала к горлу, но частое глотание слюны притупляло её. Он повернул голову и наткнулся на вертикальные зрачки мастера. Юноша попятился и чуть не упал на столик. Он хотел побежать на выход, но желудок звал его в туалет, благо на пути никто не стоял.

Его продолжало тошнить даже, когда желудок опустел. Спазмы сжимали мышцы живота с каждым разом всё сильнее, но, в конце концов, ему удалось успокоиться. Борис тяжело дышал, прислонившись к двери туалетной кабинки и уперев колени в пол. В горле саднило, он часто сглатывал в надежде погасить неприятное чувство.

Юноша вытерся обрывком туалетной бумаги, спустил воду, предварительно бросив туда скомканный шарик, и уселся на опущенную крышку унитаза. Он хотел убедить себя в том, что точно в этот-то раз Джон постарался со своими иллюзиями. Это просто злой трюк, которым Виктор хотел его наказать. Он знал за что: бутылка пива не прошла зря, точнее не одна бутылка пива. Борис, собирая надежду по кусочкам, хотел, чтобы это всё было наказанием. Ему наглядно ещё раз показали, что бывает, когда нарушаешь правила. Пьянствовать неправильно, вот за это и наказали.

Юноша провалился в воспоминания. Где ещё копаться в себе и искать ответы в прошлом, если не сидя на унитазе?

***

— Да чтоб ты сдохла! — крикнул маленький мальчик своей бабушке.

Женщина вздрогнула и на глазах помрачнела. Они шли по людному тротуару, бабушка держала ладонь сорванца в своей. Она просто смотрела вперёд и вела мальчишку, пока он время от времени пытался вырваться. Малец гудел, выл и старался утянуть бабушку куда-то назад. Она вдруг остановилась и подняла своего внука на руки. Он, в свою очередь, сопротивлялся и давил ей на грудь, дрыгал ногами, попадая по животу женщины. Бабушка стойко выдержала все нападки внука с безмятежным лицом. А когда он прекратил сопротивление, надул губы и отвернулся, женщина сказала:

— Если я прямо сейчас пропаду, исчезну, не будет меня нигде, что ты будешь делать? Если я жить не буду, если ты жить не будешь, что тогда будет? Горе.

Мальчик в милой, красной шапочке, из-под которой выглядывали пряди светлых волос и одна прядка красных, надул губы ещё сильнее и демонстративно скрестил руки на груди. Бабушка поставила его на землю, а сама ушла, широко шагая. Мальчик смотрел ей вслед и на взрослых, которые проходили мимо. Уголки губ, руки опустились и начали подрагивать. Мальчик зарыдал и бросился догонять бабушку, которая продолжала идти, не обращая внимание на ревущего внука, хотя все прохожие начали оборачиваться и провожать его глазами.

Когда он догнал свою бабушку, то вцепился в её пальто пальцами и крепко сжал.

***

Борис не знал, почему именно этот момент из жизни крутился у него сейчас в голове. Мир, который он пытался постичь, рушился у него на глазах. Ему хотелось выбежать из этого бара, скрыться от всех этих хинтов и унгов, и продолжить жить, как обычный человек. Он прижал ладони к глазам так, что увидел расплывающиеся круги. Когда он отдернул руки, перед ним была всё та же кабинка и всё та же реальность, которая должна была, обязана быть сном.

— Эй, пссс, — раздался тихий мужской голос снизу.

Юноша опустил глаза. Напротив, около его ног сидел щенок месяца три-четыре от роду. Скорее всего, порода — немецкая овчарка, только этот пёс не был обычным: весь чёрный как фантом-уборщик из салона Виктора. Пёсик отличался своей сущностью — он просвечивался насквозь как призрак.

— Рад, что ты обратил на меня внимание, — голос, исходивший из щенка, был твёрдый, напористый и привычно безэмоциональный. Такие звуки точно не подходили такому милому фантомному пёсику. Из щенка хоть и выходили звуки, но пасть его не двигалась; он просто смотрел на Бориса.

— Это... что? — спросил юноша.

— Разговор, беседа. К несчастью, не получилось поговорить с глазу на глаз, но в скором времени, я надеюсь, нам удастся увидаться.

— Кто...э...что-что...что это?

— Меня зовут Олег, хотя все называют меня Аристократ. Думаю, ты слышал обо мне: унты часто меня вспоминают. Я хотел тебе кое-что рассказать, молодой унт Борис.

Он не знал, как на это реагировать. Борис хотел убежать от унтов, а это новое знакомство наверняка заставит его ещё сильнее увязнуть в этом мире. Снаружи ночь, и подстерегающие его одержимые. Он не знал, сможет ли воспользоваться оружием, которое было под компрессом, — это был немаловажный сдерживающий фактор. Да и в безэмоциональное состояние после таких потрясений не войти. Юноша решил выслушать щенка, всё равно ему деваться некуда.

— Молодой унт слушает.

— Отлично. Я понимаю, как тебе сейчас сложно. После такого зрелища унту из мира людей, мягко говоря, несладко. Мне пришлось пережить то же самое. Поначалу я ненавидел их, весь этот крохотный мирок с особыми правилами...правилами, которые сделали меня сиротой. Мы похожи Борис.

— Не думаю, я — это я, ты — это ты.

— А я думаю, что всё-таки похожи. Я тоже сирота и также пришёл в мир унтов, когда забрёл в одно из заведений. В моём случае, это была парикмахерская. Я был мал для подмастерья, поэтому меня отправили дозревать. Когда мне было шестнадцать, стал подмастерьем в комиссионке. Плюс-минус похожие истории. Ну, тут уже как ты пожелаешь — не похожи, так не похожи.

— Хотелось бы уже ближе к делу. А не это втирание в доверие для дурачков.

— О, как. Хорошо, без дураков и ближе к делу. Помнишь свою первую встречу с одержимыми?

— Да.

— А когда была вторая, и сколько прошло времени?

— На нас напали в салоне Консуэлы примерно через две недели.

— Не кажется ли тебе странным, что на тебя напали после нанесения татуировки, а потом про тебя забыли? И то второе нападение было именно на салон Консуэлы, а не на тебя.

— Если есть какая-либо информация, а она сто процентов есть, так дай мне её.

— Виктор подкупил одержимых, которые на вас напали.

Серьёзное лицо Бориса никак не изменилось, но внутри случился взрыв. Все его подозрения не вели к такому исходу. У него и в мыслях не было, что Виктор мог совершить такое, всё что угодно, но не это. Борис знает, что одержимых нельзя подкупить, нельзя управлять, хотя об этом ему сказал Виктор.

— Если не веришь, можешь сам у него спросить. Он, как ты мог уже заметить, правильный унт — точно не соврёт.

— А кто тогда устроил нападение на салон Консуэлы?

— Моим информаторам пока не удалось это выяснить. Но могу быть уверенным в том, что нападение кто-то спланировал.

«Конечно, так он от вопроса в лоб и расколется, но стоит отдать ему должное, говорит он убедительно: даже не запнулся ни разу», — подумал Борис.

— Мир унтов — не простое место. Здесь нужно обладать как можно большим

количеством информации. Молодым унтам без неё будет тяжело.

На полу, за щенком появилась чёрная лента из той же материи, из которой был сделан пёсик. Она проявлялась постепенно и напоминала скотч, который клеивают от пола. Лента заканчивалась на шее щенка. Она тянула его в проём под дверцей туалетной кабинки.

— Надеюсь, найду для тебя ещё что-нибудь полезное и передам при личной встрече. До свидания. Береги себя.

Щенок протиснулся под проёмом, будто тело пёсика было сделано из резины, и скрылся в неизвестном направлении.

— Как ты там? — Борис услышал голос Джона откуда-то сверху. — Сам с собой болтаешь?

Юноша поднял глаза. Джон навис справа от него над перегородкой между кабинками, как в тот раз над стойкой в табачной лавке. На нём была белая майка без рисунка.

— Завязывай с этим, — присоединилась Консуэла, — а-то все могут посчитать, что ты ку-ку.

Борис перевёл взгляд налево. Консуэла также нависла над перегородкой.

— Что с вами не так?! По-вашему ничего не произошло? Вы убили Цирюльника, а сейчас так миленько общаетесь.

— Мы понимаем, как это выглядит, Борис, — сказал Джон, вздохнул и опустил глаза.

— Мы понимаем, но мы не должны идти против правил. Иначе нас ждёт хаос, от которого избавились наши предки.

— Но вы же говорили, что Цирюльник хороший, что он всем помогал, золотые руки и так далее. И вы стояли в ряду с теми, кто его убил, — Борис чувствовал, как к его горлу подступает горечь, дыхание учащается, а глаза намокают. Знакомое ощущение, но к нему примешалось онемение в пальцах, будто он пьян.

— Тише Борис, контролируй себя, — забеспокоился Джон. — Контроль, либо остаток недолгой жизни одержимого.

— Хотите меня успокоить, скажите, что это были ваши иллюзии, что всё это неправда.

— Это были не иллюзии, — Джон поднял трубку, затянулся и выдул тонкую мощную струю в лицо Бориса, — А вот это они.

Борис не успел увернуться от стремительного потока дыма, как только он развеялся; лицо Джона изменилось: кожа покраснела, черты лица стали по злодейски угловатыми, глаза пожелтели и начали источать дым, а из головы торчали два спиралевидных рога как у барана. Юноша отвёл глаза и уставился в пол.

— Какие вы хорошие и правильные. Не врётё, соблюдаете правила. Как же это всё прекрасно.

Борис тяжело и громко выдохнул.

— Консуэла, а что вы забыли в мужском туалете?

— Борис, мальчик мой. Ты тут ноешь, как девчонка — я просто перепутала.

Он не смог оценить эту колкость, сейчас в его душе был такой сумбур, что юношу могла задеть любая фраза в его адрес.

— Шутки шутите. Ну да, смех ведь продлевает жизнь — это правило.

— Я это к тому, чтобы ты перестал ныть и посмотрел на вещи здраво. Может ты что-то упустил или не понял, но Цирюльник бросил умирать своего подмастерья — унта, блудного сына, — которого должен был поставить на путь истинный. Тебе было бы приятно, если бы Виктор оставил тебя умирать?

Борис молчал и сжимал губы, но через пару секунд ответил:

— Очевидно, что нет. Но он натравил на меня одержимых, не похоже, что он обо мне так печётся.

— Хм, интересно, — сказал Джон. — Честно, первый раз такое слышу. Обычно, если мы видим то сразу...ну, понимаешь, они как звери, которые попробовали человеческую кровь — они уже не остановятся. Да и как ты договоришься со зверем? Виктор обычно поступает как все, он всё делает правильно. Но если ты уверен в своих словах, тебе лучше спросить у него лично.

— Да, тоже не понимаю, как-то это нереально, — сказала Консуэла, — С чего это ты взял?

— Услышал от унта.

— И кто это?

— Какая разница! Всё закрыли тему, я просто спрошу у Виктора.

— Закрыли тему, так закрыли тему, — заулыбался Джон и приподнял пальцы, которыми держался за перегородку. — Что ещё думаешь делать? Вот поговоришь с Виктором, что дальше?

— Видно будет. Не думаю, что останусь с вами.

Повисла гнетущая тишина. Борис посмотрел на Джона, который смотрел в сторону с серьёзным лицом. Затем юноша посмотрел на Консуэлу, у неё дрожали веки, но она старалась сохранить безразличие на лице.

— А ты видел список правил? — наконец сказал Джон.

— Нет. Виктор сказал, что я посмотрю на них, когда будем уходить.

— Если хочет, пусть идёт. Ты не видишь, не слышишь, Джон? Ему это всё не нравится. Ты можешь представить, как он будет также карать нарушителей правил, а? Вот я не могу себе такое представить. Борис, детка, тебя тут что-то держит?

— Уже нет.

Борис посмотрел на свои рукава, которые скрывали под собой компрессы.

— Тут ещё татуировки, — он поднял руки, — думаю их можно свести.

— Их нельзя свести, — зазвенел под ухом зефирный голосок змейки, — нельзя свести обычным, человеческим методом. Это сможет сделать только Виктор.

— Ладно, не страшно. Ничего меня не держит.

— погоди, Борис. Поговори сначала с Виктором. Я тебя прошу. Дело куда серьёзнее, чем ты думаешь. Тем более, ты точно не знаешь, натравливал он на тебя одержимых или нет. Поговори с ним, спроси его об этом. Он не обманет, — сказал Джон.

Борис чувствовал ненависть, горечь сдавливала ему грудь. Он хотел удрать, выбить дверь туалетной кабинки и бежать пока не окажется дома. Забыть обо всём и жить дальше обычной человеческой жизнью. Устроиться в тату салон к человеку и наносить татуировки без страха быть убитым из-за нарушения правил или самому стать карателем таких нарушителей.

Борис молчал и думал не долго, но достаточно продолжительно:

«Я же не импульсивный подросток, а взрослый человек. Нужно поговорить и подумать. Взвесить все за и против. Джон же говорит, что всё не так просто. А уйти я всегда успею».

Джон и Консуэла терпеливо ждали его решения.

— Ладно, я с ним поговорю. Где он?

Консуэла спустилась и вышла из туалета.

— Сначала тебе лучше взглянуть на правила, — ответил Джон.

Джон и Борис стояли перед белой доской, которая висела на обратной стороне от места знакомства бармена и юноши. Она была большой, выше человеческого роста, с выведенными на ней золотыми буквами, которые слабо светились и складывались в эти строки:

1) Не вредить людям.

2) Блудных сыновей и дочерей нужно вернуть на путь истинный. (Блудный сын или дочь — ребёнок унта или хинта, который остался сиротой, и его воспитывали люди).

3) Мы должны не просто подбирать осколки души, но лечить её, собирая в единое целое.

4) Территорию можно забрать только в честном поединке. В честном поединке допускается смерть проигравшего.

5) Можно убить того, кто хочет убить тебя.

6) Хинты и Унты не должны вступать в любовные отношения с людьми

7) Хинт должен быть Хинтом, а Унт — Унтом. Все мутанты должны быть уничтожены.

— Джон, а что значит наставить на путь истинный? Разве Цирюльник не наставил?

— Старший унт или хинт должен сделать из блудного сына полноценного члена нашего общества. Внедрить его в общество со всеми вытекающими. Пока ученик в статусе подмастерья, это только начало пути. Обычно конец пути — это предоставление статуса владельца территории.

— И Цирюльник с этим не справился.

— Верно, он не уберёт своего подмастерья. Борька, — Джон повернул к себе юношу и взял его за плечи, — пойми эти правила не так-то трудно соблюдать. Не так уж и сложно не причинять вред людям, не вступать в любовные отношения с людьми, ставить на путь истинный блудных детей и так далее. Если старший унт берёт на себя такую ответственность как воспитание блудного, конечно, он в любом случае обязан её взять. Но этот груз ответственности он должен осознавать.

— Хорошо, это понятно, — Борис мягко стряхнул руки Джона. — Убивать то зачем?

— Точного ответа я тебе не дам. Это придумал не я. У тебя котелок варит, и, думаю, мою аналогию со зверем, который попробовал человеческую кровь ты сможешь с этим сопоставить.

— А у Того, кто видит напрямую не спросишь?

— Связь работает только на приём. Нам достаточно того, что он есть и говорит с нами. Направляет нас.

Борис сделал фотографию этих правил и огляделся по сторонам. Ни Виктора, ни Никиты нигде не было.

— А где Виктор? Мне же нужно было с ним поговорить?

— Пойдём.

Они пошли обратно в сторону туалетов, но не дошли до них несколько метров. Джон встал перед красной стеной и толкнул её одной ладонью, по поверхности побежали ровные линии трещин. Заскрипели трущиеся друг об друга камни. Они отворились как одна большая дверь, за которой располагалась маленькая комната. На стенах красные обои с золотыми розами, на полу узорчатый ковёр, резной стол, потухший камин и пара чёрных, кожаных диванов. Между ними, перед кофейным столиком стоял Виктор и смотрел на своего подмастерья.

— Проходи, Борис, этот разговор для вас двоих, — сказал Джон.

— Прощу, проходи, присаживайся. Если ты не против, можешь закрыть за собой дверь?

Дверь Борис оставил открытой. Он осторожно сел на диван и положил кулаки на колени, вид у него был напряжённый, но осанка ровная.

— Борис, почему ты сбежал? Я же сегодня объяснял, что нарушителей правил ждёт смерть. Или ты уже забыл?

— Нет, я помню. Просто я всего не знал. Ещё я не знал, что вы на меня натравили одержимых.

— Не натравил, а уговорил напугать.

Борис обомлел от услышанного. Он, не ожидая такого быстрого признания, поднял недоумевающее лицо и посмотрел на Виктора.

— Всё не так однозначно. Тебе Джон показал правила?

— Показал. Так, стоп. Вы же говорили, что они неподкупны, и уговорить их нельзя. Вы — такой правильный — взяли и соврали.

— Ложь во благо. Иногда для выполнения условий одного более важного правила приходится нарушать другие. Ложь не карается смертью, в отличие от нарушения правила номер два.

— Хм, интересный вы человек, Виктор. Сюрпризы подобные этому ещё будут?

— Думаю, да, — он сел на диван напротив Бориса.

— Я хочу уйти. Не хочу быть унтом, хинтом или кем-либо ещё из вашей братии. Прямо сейчас хочу, уже полчаса мне хочется убежать и не возвращаться.

— Это твоё право. Но ты понимаешь, что будет со мной?

— То же самое, что и с Цирюльником.

Виктор ничего не ответил, а только поставил на стол пистолетную пулю, которая была настолько чёрной, что казалась дырой в пространстве.

— Тогда застрели меня, и можешь уходить.

— Дайте пистолет, — Борис протянул просящую ладонь.

— У тебя он есть, используй.

Юноша ощущал себя куском льда. Он вошёл в безэмоциональное состояние, но пистолет материализовался только со второй попытки, вылетел из щели между запястьем и компрессом. Борис вставил патрон в обойму, а её в пистолет. Движения были уверенными, можно сказать заправскими: просмотр боевиков и замена батареек в пульте не прошли даром. Всё происходило на автопилоте, казалось, что внутреннее я дёргает его за ниточки. Виктор закрыл глаза и запрокинул голову как Цирюльник. Борис обеими руками поднял пистолет и прислонил дуло ко лбу мастера. Белки глаз юноши были чернее сажи, а радужки краснее крови. Желание превзошло чувства. Указательный палец стоял параллельно стволу и не двигался.

«Я убью его и сбегу от унтов», — подумал он.

Борис нажал курок и раздался выстрел.

Звук выстрела был не громче хлопка. Пистолет в руках юноши задрожал, а затем, выскользнув из ладони, обратился в дым и вернулся на своё место. Борис упал на спинку дивана, руками, которые не переставали трястись, он сжал краешек обивки у своих коленей. Дрожью заражались и другие участки тела. Боль ударила в голову, будто раскалённый прут вогнали в череп. Напряжение отпустило его, когда Борис почувствовал движение у входа. Он ослабил хватку и осмотрел дверной проём. Ему показалось, или там промелькнула тень.

***

Спустя неделю Борис стоял в новом для него месте — кондитерском магазине. Яркий утренний свет залил золотом половину помещения, витрины со свежей выпечкой и пирожными, а также шурящегося Никиту. Но даже такое солнечное украшение не вызовет желание сфотографироваться в таком месте. Всё в этом магазинчике от пола до потолка вызывало желание взять то, что надо, и уйти по своим делам, хотя у широких окон по сторонам от входной двери стояло два белых, деревянных столика: один на двоих, другой на четверых. Стоит признаться, пустовали они очень часто.

Никита стоял, опершись на стойку. На нём была белая рубашка, синие брюки и фартук цвета молочного шоколада с карманами, а на макушке расположилась такого же цвета шапочка, которая напоминала пилотку. Его взгляд был потухшим. Он смотрел в пол и ожидал ответа Бориса.

— Что я буду делать? Интересный вопрос, я даже и не знаю, что тебе ответить, — сказал Борис. — Иногда бывает так в жизни, что надо делать, а потом думать. Что-то внутри меня скреблось, тащило меня к этому. Такой импульс. Понимаешь?

— Да. Ферштейн.

— У меня было время подумать, немало времени. Одна мысль поселилась у меня в голове. Она связана с рассказом Джона об истории хинтов и унтов. Мне кажется, для любого народа великая глупость верить, что раз когда-то давно были коренные изменения, их жизнь тоже поменялась. Я не думаю, что изобретение правил остановило кровопролитие. По сути, произошло слепое возвеличивание одних — я имею в виду людей — и принижение других — хинтов или унтов, которые могут оступиться и их казнят.

Никита поднял на Бориса своё грустное лицо и ответил:

— Я понимаю, куда ты клонишь и мне очень жалко тебя, — на лице Никиты появилась лёгкая улыбка, и он продолжил, — ты же, по сути, ни в чём не виноват. Ты просто жил и забрёл куда не следовало.

Борис подошёл ближе к стойке и протянул ему кулак. Он не отреагировал сразу, но всё-таки стукнул в ответ.

— Никогда в жизни не было так круто. Я забрёл куда надо, это вы уже давно идёте не туда. Я чувствую, что должен это поменять. Зудит. Понимаешь?

Никита протяжно выдохнул и запрокинул голову, а когда опустил, к нему вернулась его довольная моська.

— Я бы не советовал, ну... даже скажу так, слишком большая сила противостоит тебе. Объединённая сеть хинтов и унтов, среди которой ты не найдёшь сторонников. Имей это в виду. Знаешь, нравишься ты мне. Тоже чувствую, что зудит. Хороший ты, однозначно хороший. Я думаю, тебе понятно, что хинт или унт думает так: «Пока я не нарушаю правила, в моей жизни всё хорошо, и ей ничего не угрожает».

— В принципе понятно. Слушай, один момент есть. Я, конечно, понимаю, что это особого смысла не имеет. Мог бы ты рассказать про жизнь Виктора?

— Не имеет? Не скажи. Был у него момент в жизни — поворотный, так сказать. Странно вышло на мой взгляд. Его отец был хозяином того самого тату салона, а мама работала воспитательницей в детском доме. Вот парочка, да? Видимо, противоположности

притянулись. Я, кстати, был в её группе, но познакомились мы с Виктором не там. Так вот, однажды к ней в группу попал паренёк, одноклассник Виктора, а ему уже тогда стукнуло семнадцать. Так вот, этот паренёк оказался унтом, но мама Виктора не повела его, так сказать, «по пути истинному», — он нарисовал пальцем кружок в воздухе. — Она даже упрашивала директора, чтобы его отправили обратно в деревню, из которой его привезли или какую-нибудь другую. Что-то она в нём почувствовала, видимо, что тёмные дела натворит в будущем. Ферштейн?

— Угу.

— И, как-то раз, Виктор гулял со своими родителями по парку. На пути им встретились двое, родителей накрыло куполом, а Виктора отшвырнуло за его пределы, — Никита прервался, чтобы судорожно и еле слышно вздохнуть. — Когда купол открылся, перед Борисом стоял только один из той парочки, родители и тот второй как испарились. Незнакомец тогда ему сказал: «Они нарушили правило номер два. Это неправильно, так унты не поступают».

— И тут начинается история мстителя.

— Нет. Виктор говорил, что он о мести даже не думал. Вот это за гранью моего понимания. После этого момента он начал жить правильно, слишком правильно. И в мести особого смысла не было: того унта убили через год, — Никита ухмыльнулся. — Прикинь, он сам нарушил правило.

— Да. Чья бы корова мычала. И как ты думаешь, правильно это всё?

— Правильно-неправильно, а делать надо. Я-то человек маленький и, скажу честно, трусливый. Что мне ещё остаётся? Не пойду же я против системы? Знаешь, что самое интересное? Тот, кто видит сейчас за нами наблюдает, а мы тут заговоры плетём.

— Ну-у, я не помню такого правила — не свергать систему или что-то в этом роде.

— Твоя правда, но, пожалуйста, будь осторожнее. О твоих планах ТОТ уже знает. Думаю, ты меня понял.

— Не беспокойся больше, чем нужно. Свои права я знаю и ваши тоже, — на лице Бориса появилась лучезарная улыбка.

***

— Решил вернуть билет? — сказал Виктор.

За его спиной вода растекалась по полке над камином и струилась на пол из осколков бывшей не так давно изящной вазы, разрисованной под гжель.

— Я действительно мог вас убить. Всё моё естество хотело бежать, но я понял одну вещь — очевидную вещь — я фанат жизни, верный её поклонник. Я безумно её люблю и готов ради неё на всё.

— В твоих словах есть смысл, Борис. Я прошу прощения, что вынуждаю сменить тему, мы к ней обязательно вернёмся. Что с твоим уходом? Я просто хочу знать наверняка.

— Я остаюсь, но... — юноша материализовал нож бабочку и протянул её Виктору как эстафетную палочку, — Больше никакого смертельного оружия. Он останется закрытым, навсегда.

— Хорошие новости, что ты не оставил меня на растерзание собратьев. А что ты будешь делать, если перед тобой окажется нарушитель правил? Если не исполнить наказание, вина переходит на тебя.

Борис не видел такого правила — а ещё, что нужно кого-то убивать, — но решил пока пропустить это мимо ушей.

— Давайте вернёмся к той теме, — голос Бориса дрожал от возбуждения, — Если я люблю жизнь. Да, я много чего в жизни боялся, это всё ради того, чтобы её сохранить. Я осознаю себя унтом, но других убивать не хочу и постараюсь избежать смерти сам.

— Понятно, — произнёс Виктор на выдохе и почесал затылок, — Ты не против моей помощи? Переубедить я тебя не смогу, поэтому дай хотя бы помочь.

Юноша сменил напряжённую позу на расслабленную и положил локоть на спинку дивана, но другая рука при этом подрагивала. «Я по прежнему, не верю тебе Виктор. Ты опять что-то задумал. Но сейчас лучше согласиться и посмотреть, что будет», — он думал, а вместе с тем длилось молчание.

— Ну, почему нет? Только без ваших фокусов. Договорились? Я их насквозь вижу, — соврал Борис.

— Конечно.

— Так стоп. Давайте по-другому. Я не буду манипулировать тобой, Борис. Повторите, пожалуйста.

— Хорошо, но, запомни, недоверие — страшный враг любых взаимоотношений. Я не буду манипулировать тобой, Борис. Если на этом всё, позволь мне уточнить один момент. Тот одержимый, которого ты застрелил из моего пистолета. Что с ним?

Этот вопрос выбил землю из-под ног юноши. Он почувствовал озноб и мурашки по всему телу. Такое случалось с ним только, когда он совершал великую глупость, ждал наказания или получал двойку. Его прошлые действия не вязались с теми принципами, о которых он заявил сейчас. Борис не мог понять себя, но для него было очевидно, что происходящее в данный момент имеет больший вес и нужно придерживаться определённого, правильного курса. Так он пойдёт по верному пути, но надеяться ему можно только на удачу.

— Затрудняюсь ответить. Тогда мной двигал только инстинкт выживания. И насколько я помню, тогда убеждения о любви к жизни не были сформированы у меня в голове.

— А если твой инстинкт сработает на меня, Джона, Никиту, Консуэлу, Ирину?

Каждый вопрос, словно удар по лицу арматурой. Борис отвёл глаза, молчал и сосредоточенно думал пару минут.

— Мои убеждения сформированы. Я не буду вас убивать, но и вам не дам меня убить. В этом я точно уверен. Своего мнения я не поменяю.

— Хороший выбор. Повторюсь ещё раз, я не буду тобой манипулировать и помогу тебе быть как можно дальше от смерти.

Юноша лишь покивал головой в ответ. У него на душе стало спокойнее от этих слов, но он не собирался расслабляться: теперь угроза шла и от Виктора. В любой момент, когда Борис оступится, в его сторону полетит огонь, возможно даже в спину. От всех, кто хорошо к нему относился, можно ждать перемены отношения на диаметрально противоположное.

Мастер, расстегивая рубашку, проговорил:

— Раз ты всё решил, можно...

У Бориса напряглись шея и бёдра, по лицу пробежали мурашки, а глаза широко открылись от удивления.

Виктор расстегнул рубашку до середины и отодвинул левую половину ткани в сторону. На гладкой, атлетической, бледной груди был вытатуирован чёрный круглый знак. По вертикали от верхней его части до нижней тянулся узор в форме глаза. Хрусталик не был окрашен, а зрачок представлял собой большую точку. От «век» в обе стороны, огибая дугу, отходили по четыре чёрных кружка, следующий был больше предыдущего. А слева и справа

от зрачка расположилось два не закрашенных круга, которые завершали эволюцию размеров.

— ...дать тебе знак, который есть у всех хинтов и унтов. Он очень важен, я уже говорил про него. Помнишь?

— Да, помню. Это татуировка? Хотя я даже не знаю, как его иначе нанести.

— Нет. Это не тату. Их наносит бармен, ты с ним уже познакомился. Процедура безболезненная и если ты согласен я могу попросить его уделить нам время.

Борис немного подумал и согласился. Он ещё раз посмотрел на проход, мимо которого прошло три девушки в вечерних платьях. Они не обратили внимания на дыру в стене и просто прошли мимо. Юноша знал, что, увидев даже краем глаза проём в стене, хоть один человек возьмёт и заглянет внутрь. Он однозначно бы так сделал.

— Тогда пошли. Я думаю, сейчас он свободен или не сильно занят.

Бармен делал заготовки: нарезал фрукты и выкладывал лёд, когда Борис и Виктор подошли к нему.

— Сэм, всё также беспорядок на голове. Окажи, пожалуйста, услугу, этому парню нужно нанести знак.

— Нет, это у меня такой порядок, — бармен посмотрел на Бориса и добавил. — Конечно, молодой человек, я к вашим услугам, — манера говорить у него была очень весёлая и услужливая. — Ещё раз добро пожаловать в наш бар «Дар унижения». Меня все зовут Сэм, настоящее имя Ян. Сейчас я сменяюсь, пожалуйста, одну минуточку.

Бармен развернулся и начал поправлять бутылки за своей спиной. Борис спросил у Виктора:

— А что происходит? Он уже забыл?

— Он же сказал, что ему нужно смениться.

— А как его сменщик...

Мимо бармена прошла девушка и принялась нарезать фрукты. Сэм быстрым шагом пошёл направо, жестом указал следовать за ним, а затем перемахнул стойку за один прыжок. Пройдя пол зала, они зашли в кухню, в ней работало всего два повара, но помещение было просторным и выглядело, как стандартная ресторанная кухня с варочными плитами в центре и столами по периметру. Затем они попали в маленькую комнату, дверь которой бармен открыл ключом. Помещение, видимо, задумывалось как склад, но в нём царило запустение. В центре стояло кресло, такие обычно можно встретить в кабинете стоматолога. Рядом с ним был столик на колёсиках, покрытый белым вафельным полотенцем, а на нём стояла маленькая бутылочка, на двести миллилитров.

— Так, прошу, присаживайтесь. Виктор уже сказал, что будет не больно, может немного пощипать. Как видите, смирительных ремней у этого кресла нет. Рубашку можете просто расстегнуть или снять полностью.

Борис присел на кресло без рубашки с мыслью, что его сейчас будут клеймить, но старался думать обо всём происходящем, как о части авантюры, в которую ввязался. Лишним этот знак точно не будет, учитывая татуировки на руках. Тем более, у круга с глазом только одна функция: Виктор говорил, что это сигнал для оповещения о смене территории, но Борис подозревал, что он нужен ещё для вызова той чёрной сферы.

— Главное расслабьтесь и не двигайтесь, хотя бы без резких движений.

Сэм ловко открыл пробку с громким звуком и размешал осадок на дне. Бутылочка была сделана из тёмного стекла, поэтому Борис разглядел только то, что жидкость там определённо была. Бармен склонился над левой частью груди юноши, но встал он с

противоположной стороны. Борису казалось, что локоть Яна вот-вот стукнет его по носу, от чего тот вжался в кресло. Не понятно, почему он занял такое положение, помещение было хорошо освещено, и свет падал со всех сторон. Бармен держал горлышко бутылочки в считанных сантиметрах от грудины и пододвинул лицо поближе. Он наклонял бутылочку очень долго и очень медленно, пока на горлышке не зависла крошечная чёрная капелька. Но Сэм не стал стряхивать её, а дождался, пока она упадёт.

Капелька, попав на кожу, растеклась по порам, образуя узор из трещинок. Самое интересное началось, когда она, казалось бы, должна была израсходовать свою массу. Капелька растеклась по груди, вырисовывая полосу, — прямую линию, которая была параллельно соску. Затем из её концов разошлись ещё две полоски и вместе они образовали треугольник, вершина которого была направлена вниз. Скорость, с которой знак вырисовывался, всё нарастала. Из вершины треугольника поползли две линии, которые образовали овал, соединившись с его основанием. Затем в середине образовался круг, а в нём чёрная точка. Такой же узор в форме глаза, как на знаке Виктора. Борис внимательно наблюдал за движениями линий, сам он был расслаблен, а его живот мерно вздымался при дыхании. Ян тоже следил в оба глаза за действием, склонившись над грудью юноши уже с другой стороны. Движение прекратилось на две минуты, но бармен ничего по этому поводу не сказал и продолжил смотреть на знак. После этого у его основания, будто всплывая из-под кожи, появилось два треугольника, которые острыми концами смотрели вверх и были пусты внутри. Затем параллельно их граням проступило по три чёрных маленьких треугольника.

Похоже на этом всё закончилось, потому что Ян выпрямился и отошёл от Бориса.

— Довольно редкий случай. Треугольники встречаются примерно у пяти процентов хинтов и унтов. Обычно появляется знак в виде круга или ромба. Ну, хорошо. Чтобы появился купол, вам нужно сделать такое движение, — Ян упёр соединённые подушечки указательного и большого пальцев, разъединил их, разведя в стороны, и, опустив вниз, снова соединил, — Вот так. В случае оповещения он загорится...

— Прошу прощения, что перебиваю. Виктор уже объяснил.

— Тогда мы закончили. Знак готов к применению сразу. Никаких ограничений нет. Я имею в виду, можно: чесать, мыть и так далее.

— И это всё? Только две функции?

— Да. Только две функции. Прочие комбинации на усмотрение пользователя.

Борис снял рубашку с кресла и поспешил привести себя в тот порядок, который у него был до процедуры.

— Хорошо. Раз вы закончили, можем вернуться в зал, — сказал Виктор. — Спасибо за уделённое время.

— Всегда, пожалуйста.

— Погодите, а платить за это не нужно? Дать бармену пару симмирингов.

— Этот знак очень важен для хинтов и унтов. Это символ нашей связи, поэтому брать плату за нанесение неэтично и нецелесообразно, — объяснил Виктор.

— Спасибо, Ян.

— Не стоит благодарности. Борис, позвольте вас задержать ещё на пару минут, не было ли у вас родственницы по имени Настя? Она такая рыжая, нет, ярко-рыжая, волосы волнистые как спиральки, — Ян замолчал, задумался и показал на себе. — Вот с этой стороны у неё была прядь чёрных волос, причём прямых.

Борис закатил глаза, немного подумал, и ответил:

— У меня рыжих родственниц нет. А женщин с одной прямой прядью я вообще не встречал.

— Я думаю, вам неприятно, когда напоминают про пятно, но увидев вас, я вспомнил про неё, — Ян обратился к Виктору. — Я несколько раз видел вас вместе тут в баре.

— Честно говоря, я тоже такой дамы не припоминаю.

— Может, глаза выше её губ не поднимались? — ухмыльнулся Борис.

Виктор не обратил на это внимания.

— Когда это было? — спросил он.

— Примерно двадцать лет назад.

Борис широко раскрыл глаз и уставился ими на бармена.

— Как это двадцать? Вам и двадцати пяти не дашь.

— Я бессмертное существо, Борис. Бармен заступает на службу в этом баре навсегда, но есть одно условие, — я не могу отсюда выйти. Бар стоит, пока стоит цивилизованный мир. Бармен живёт только при этом условии.

— И сколько вам лет на самом деле?

— Я перестал считать сразу после вступления в должность. Теперь мой ветер — холодный воздух из вентиляции, моё солнце — свет прожекторов, а мои друзья — посетители и персонал бара.

— Печально.

— Не печальтесь. Я сделал этот выбор сознательно, меня никто не обманывал. В нашей жизни кто-то должен стать той шестерёнкой, без которой механизм не будет работать.

Они вышли в зал. Борис и Виктор проводили бармена до стойки и вернулись за столик, где их ждал Никита с недовольным видом, хоть и наигранным.

— Где вы шастаете? Я тут сижу в одного давлюсь.

Юноша поморщился от такого пренебрежительного отношения к происходящему. Не может же Никита быть таким равнодушным после убийства Цирюльника? Борис вспомнил, что его-то не было рядом в тот момент. Видимо, он скрылся, когда услышал тяжёлые шаги.

Борис серьёзно смотрел на Никиту, не отводя глаз, пока сел за стол.

— Что такое, Боря? Я сказал, что-то не то? Если так, то извини. Только перестань на меня так смотреть — дыру прожжешь.

Юноша покосился на мастера и сказал:

— Что у нас дальше по плану, Виктор?

— Все дела сделаны, можно наконец-то отдохнуть. Давайте пить.

Борис благодарил судьбу, что он не предложил, что-нибудь съесть. Кусок в горло не полезет, но вот нервы успокоить не помешало бы.

Виктор несколько секунд смотрел на бармена, а затем перевел взгляд на Бориса и сказал:

— Думаю, тебе понравится. Это особая вещь.

— Неужели кувшин? Не рано ли? — спросил Никита.

— Вечер сегодня слишком насыщенный, лишним не будет.

Пока они перекидывались немногочисленными фразами, к столу подошла официантка, которая в прошлый раз принесла глубокие тарелки. Она поставила на стол гладкий бежевый глиняный кувшин и три пивные кружки. Она уточнила, не желают ли они чего-нибудь ещё, и, услышав отказ, завела прядь длинных рыжих волос за ухо и вернулась к барной стойке.

Борис наклонился вперёд и почувствовал запах тёмного пива. Никита потянулся к кувшину, но Виктор остановил его жестом и сказал:

— Пусть Борис сначала нальёт. Это же его первый раз.

Никита развёл руками и пододвинул кружку вперёд со словами:

— Пусть тогда всем нальёт.

Виктор указал подмастерью, чтобы он начинал. Он налил сначала себе, как положено, держал кружку под углом. Жидкость из кувшина полилась жёлтая, как обычное светлое пиво, только сильно разбавленное. Борис налил Никите и Виктору.

— Давай смелее. Расскажешь как тебе, — сказал Никита.

Юноша взял кружку, понюхал и сразу поставил её обратно.

— Это что разбавленное пиво или что? Так меньше эмоций получаешь или их проще контролировать, если не напиваться в сопли?

— Всё гораздо интереснее, — сказал Виктор. — Не робей, ничего страшного не произойдёт.

Борис сделал глоток и почувствовал вкус обычного цитрусового лимонада.

— Ну, и? Как на вкус? — спросил Никита.

— Лимонад со вкусом лимона, апельсина, что-то в этом роде.

Виктор и Никита переглянулись и сказали одновременно:

— Это значит, что ты ещё не настоящий унт.

Они схватили свои кружки и громко чокнулись. Жидкость начала темнеть, когда их губы коснулись её, казалось, что это кровь вытекает из ртов и расплзается чёрным комком. Они осушили свои кружки одним махом и сильно изменились внешне. Виктор стал необычно весел, на его лице появились эмоции — не те фальшивки, которые он имитировал, — а настоящие, живые. Его голова покачивалась в ритм музыке, он улыбался и периодически выдыхал воздух из ноздрей.

— Этот кувшин выбирает можно тебе пить или нет, я бы даже сказал, он решает нужно тебе это или нет, — сказал Никита, но его голос и выражение лица не были такими захмелевшими, — Мы его называем «Кувшин доверия», потому что он единственный кому можно довериться на все сто. Артефакт, всем артефактам артефакт. Он ещё решает, что ты будешь пить и насколько сильно ты должен захмелеть. Вот видишь Виктора...

Туловище татуировщика уже к тому моменту начало качаться вместе с головой. Никита разлил по кружкам жёлтый напиток и продолжил:

— Как думаешь, ему хватит?

— Я думаю, он ведёт себя необычно. Ладно, поехали. Выпьем за упокой?

— Кого?

— Цирюльника.

— А когда он... когда его?

— Вон там, — Борис кивнул головой вправо, — примерно час назад. Все присутствующие и Виктор тоже.

— За упокой, — Никита поднял кружку вверх. Его лицо помрачнело.

Борис и Виктор тоже подняли кружки, только молча. Юноша уже хотел выпить, когда Никита указал на татуировщика. Он допивал половину кружки, а жидкость в ней так и не окрасилась.

— Вот видишь. Идеальный контроль, — Никита взял кружку Виктора и понюхал. — Он выпил обычный мультифруктовый сок.

Мастер отобрал кружку, допил до дна и ударом об стол поставил её на место. Покачивая подбородком, он посмотрел в одну сторону, а затем в другую.

— А почему мне нельзя? Я ж совершеннолетний.

— Так дело не в этом. Кувшин понимает, какая эмоциональная разрядка тебе нужна и даёт тебе её. Вот у Виктора полный абзац, поэтому кувшин дал ему без вреда погрузиться в эмоции. А тебе это не нужно. Ферштейн?

Виктор начал стучать пальцами по столу в такт музыке и иногда заглядывать в свою кружку.

— Да, ферштейн.

— Слушай, у нас же знакомство, — Никита пододвинулся ближе и стал говорить на полтона ниже. — Мне не хочется, чтобы ты принял меня за весёлого собутыльника. Я расскажу про себя то, что ты должен знать.

Борис кивнул. Ему не нравилось, что на него дышат перегаром, но решил потерпеть.

— С Виктором мы давно знакомы, я горжусь таким другом: у него есть всё лучшее, чего нет у меня. Своего учителя я потерял, когда ночью на нас напали одержимые лет пятнадцать назад, не помню точно. Я не боец, что тогда, что сейчас. Мне повезло, что рядом со мной есть Виктор, без него я на улицу ночью не выйду.

Борис рассказал свою историю знакомства с Виктором, ничего не утаивая, и под конец добавил:

— Мне не помешало бы выпить. И дайкири мой унесли.

Никита кивнул и отодвинулся от него.

Борис мог заказать ещё коктейль или даже несколько, чтобы упиться и забыться хотя бы до следующего утра. Всё равно Виктор пьян и не станет его порицать, но юноше не хотелось. Ему нужна была свежая голова, чтобы обдумать, что делать дальше. Казалось, что именно в этот день его жизнь разделилась на до и после. Даже выпускной в школе, если сильно напрячь мозг и найти сакральный смысл этого праздника, не был началом пути во взрослую жизнь. Теперь Борис оказался действительно в тупиковом положении, а поиск выхода из неприятностей — правильное и достойное занятие. Ни это ли значит быть взрослым?

Остаток вечера юноша так и просидел, уставившись в свою кружку. Никита не трогал его, молча потягивал свой напиток и следил за Виктором, который пустился в пляс на отведённом для этого возвышении сцены. Борис был наедине со своими горькими мыслями и сладким лимонадом.

“Величайшая уловка дьявола состоит в том, чтобы убедить вас, что его не существует”

Шарль Бодлер «Парижский сплин»

Глава 7. Часть 1

Свой день Никита встречал в маленькой квартирке, примерно двадцать квадратов, такие называют студиями — это когда до кухонного стола или плиты можно достать ногой, лёжа на кровати. После пробуждения Никита долго лежал на постельном белье не первой свежести, листая ленту с новостями в телефоне и проверяя сообщения в многочисленных социальных сетях. Слева от кровати стоял компьютерный стол, если быть точным, это был обычный стол, на котором стоял персональный компьютер. Его окружили стаканы, кружки, двухлитровые бутылки колы, полулитровые с коньяком на доньшке и две пустые водочные чекушки. На поверхности стола за пределами клавиатуры комками скопилась пыль. Изюминкой беспорядка были всевозможные обёртки, бумажки, плёнки, тюбики и салфетки. Никита складировал стопкой рядом со столом коробки от пицц, которые вот-вот сравняются с ним по высоте. В раковине отмачивались третий день две кастрюли и одна сковородка. Поверхность кухонного стола была щедро сдобрена хлебными крошками, сахаром, оранжевыми каплями засохшего жира и раскрытыми пакетами и банками, которые не были поставлены на своё место.

Никита, огорчённо вздыхая, перекатился и уселся на край кровати. По его лицу было ясно, что прошедших часов сна ему недостаточно. Он сладко зевнул, потирая глаза, натянул старые, тряпичные тапочки коричневого цвета и, шаркая по пыльному линолеуму, направился в ванную. Ноги безразлично ступали по островкам грязи, которая налипла на разлитую колу. Никита почистил зубы. Брился он обычно, только если щетина выростала слишком буйно, в этот раз обошёлся без бритвы. После выхода из ванной переделался в рабочую одежду: белая рубашка с коротким рукавом и синие брюки. Синий и белый были цветами его кондитерской. В качестве обуви он выбрал чёрные ботинки, которые прикрывали щиколотку и в отличие от других пар туфель выглядели наиболее опрятно. Обувался он, стоя с использованием длинной ложечки для обуви. Чёрные ботинки Никита выбрал ещё потому, что на улице застоялась ранняя весна и на улице царил слякоть. Накинув чёрное пальто в пол, он вышел из квартиры.

Кондитерский магазин находился неподалёку от квартиры, в десяти минутах пешком. Вышел Никита из дома в девять утра, когда на улицах спадала основная масса людей, спешащих на работу. Магазины начинали работать с десяти, поэтому у нашего незадачливого кондитера было мало времени, чтобы подготовиться к открытию. Так проходил каждый день, поэтому Никиту недостаток времени не смущал. С утра поток клиентов не был таким большим, и он ожидал основного наплыва как раз к обеду. Но за двадцать минут до полудня к нему зашёл юноша — завсегдатай этого заведения. На нём были графитовые брюки и белая рубашка. На причёске ёжик растекалось красное пятно в окружении светлых волос. Лицо его было бледным и бесстрастным.

— О! Доброе утро, Борис, каким ветром занесло? Опять за халвой?

— Опять за халвой, — голос юноши звучал безразлично. Он просто доносил информацию и эмоционально её не подкреплял.

— Я не устану это говорить, но ты прямо копия Виктор. Он из тебя вылепил такого же чудика с лицом кирпичом. Только без обид. Ферштейн?

— Я сам от этого не в восторге.

— И что вы едите такого, что у вас только мышцы растут? Я-то помню, каким ты

дрыщём был. Со мной не поделитесь секретами? — поинтересовался Никита и похлопал себя по выпирающему животу, — А-то мне тоже бы не помешало.

— Мы тренируемся много: отжимания...

— Не-не-не, это не про нас. Ешь ты что такого?

— Ем, как и все. Как обычно, ничего особо не поменялось.

— Я тоже как все, но пока мышцами не оброс. Может унта нашёл, который как пластический хирург? Раз-раз, — Никита раскатисто махнул рукой слева на право, — и ты такой вот... водолаз.

— Да, именно водолаз. Сам бы хотел к такому обратиться, а не вкалывать. Но жизнь унта такова — правила и работа. Даже если это работа над собой.

— Татушки новые есть?

Борис подвернул правый рукав до локтя. С дула Беретты кокетливо свисали серебристые наручники. Неподаляку на внешней стороне предплечья задрал своё дуло электрошоковый пистолет.

— Он добавил рогатку и красиво раскидал вокруг неё камушки здесь, не знаю, как эту часть обозвать, — ребро предплечья, наверное. И тут прямо зеркально от Беретты две обоймы. Виктор уговорил сделать; говорит, что лишними не будут. Стоит признаться, красиво получилось, чем-то напоминает бабочку.

— Рогатку сам бил?

— Конечно. Тоже нашёл сапожника без сапог, — проговорил Борис безучастно. На его лице ещё год назад могла расцвести улыбка, но нет, лишь пустота.

— Да никто не сомневался, что ты профессионал. Просто взгляни на меня. По мне сразу видно, что я хозяин кондитерской. А таких разукрашенных как ты каждый второй, — сказал Никита и закивал с глупым выражением лица, будто ожидал подтверждения.

— Ладно, пора возвращаться. Халва как обычно.

Никита развёл руками, поджал губы и направился к витрине у стены. За стеклом с еле заметными пятнышками белого налёта, на верхней полке располагались украшенные клубникой кусочки торта с белым кремом и стекающему по нему шоколадному ганашу, песочные корзинки с утопающими в них черникой и малиной, чизкейки с шоколадом и чизкейки «Нью-Йорк» — самые ходовые и чаще идут в комплекте с кофе на вынос. На полке ниже царство эклеров, их помадки были разных цветов: от обычного шоколада до «зелёной лужайки» с ягодами. Соседство с ними делили макарены разнообразных цветов, они лежали красиво рядами в одной коробочке. Ниже расположились кусочки тортов на любой вкус: со светло-фиолетовым кремом и чёрной смородиной, из шоколадных коржей с прослойками заварного крема и стружками белого и чёрного шоколада, с кусочками желе в масляном креме между бисквитами. Далее шли пирожные «Картошка» и пончики с глазурью белого цвета с разноцветными шариками посыпки, занимающей практически всю поверхность. Пончики отличались только глазурью, рядом с белыми лежали розовые без обсыпки, после бирюзовые с ореховой присыпкой, с молочным шоколадом и белыми полосками, бежевые со стружкой миндаля. На самой нижней полке лежали пахлава, щербет, чак-чак и халва шоколадная, арахисовая, с зёрнышками мака. Никита достал приличный кусок подсолнечной, которая была ближе к стенке витрины, и упаковал в бумажный пакетик.

— Прощу, свежая, ну, или почти. Точно не помню.

— Продавец из вас так себе.

Борис чувствовал внутри себя пустоту, во всех смыслах этого слова, она стала

обыденностью и не отступала ни на секунду. Если вспомнить его тренировки с материализацией предметов из татуировок на куске сала, то у него были перерывы между коротким ощущением полости внутри. Сейчас если он и шутил, то делал это не от всей души и не смеялся. Его мозг просто понимал, что это может быть смешно и выдавал шутку. Чувства и эмоции Борис перестал испытывать поздней осенью. Это, конечно же, не произошло в одночасье, процесс был затяжной и завершился лишь в начале декабря. Для бабушки он пытался выдавливать из себя эмоции или изображать их по примеру Виктора, но очевидно, что она заподозрила неладное.

— Когда общаешься со своим, так сказать, человеком, говоришь то, что думаешь. Поэтому могу принять такую честность за плюс.

— А с людьми ты такой же честный? Они же для нас больше чем просто свои, — Борис никакого ехидства в эти слова не закладывал, но показать он это мог только поднятым вверх большим пальцем.

— Эх, хорошо, что мы придумали этот знак. А-то после этих слов, да ещё и твоим холодным голосом, я даже немного напрягся.

— Ну, не увиливай. Мне же нужно учиться.

— Ты же знаешь, что унта или хинта деньги не особо волнуют. Мы не будем жертвовать здоровьем людей ради выручки, поэтому такие пиццевики как я усердно следят за свежестью продукции.

— И на этом всё? Может надо ещё зачем-нибудь последить?

— Ой, не надо. Вот не хватало мне ещё от тебя нравоучений, — в голосе Никиты читалось недовольство, а ещё несерьёзность. — Тоже мне Виктор два ноль. Я делаю как нужно, а как не нужно не делаю. Не нравится, можешь вызвать меня на поединок и если победишь, в чём я сильно сомневаюсь, тогда будешь наводить тут свои порядки.

— Ну да, в моей победе над тобой я тоже сомневаюсь, — сказал Борис и окинул взглядом магазинчик. — Хотя местечко знатное, можно в будущем попытать удачу.

— Ты это дело брось. Решил ещё и вторым Аристократом стать? Что ж ты меня не копируешь? Я ведь не плохой унт. И палец не забывай поднимать.

Борис промолчал.

— Ладно. Что там с Ириной, всё по-прежнему?

— Слишком. Как увидит меня, проходит мимо совсем близко, но при этом молчит, даже не здоровается. Причем заходит постоянно с разных сторон, — сказал Борис и нарисовал квадрат вокруг свёртка с халвой, — то спереди пройдёт, то сзади, то по бокам. Может это ритуал, какой?

— Ни у хинтов, ни у унтов нет таких ритуалов. Мы это обсуждали много раз и про это я уже говорил тебе то же самое. Причина должна быть в другом.

— Последний раз, когда я мог с ней пообщаться был летом при первой встрече. Тогда одержимые ворвались в салон Консуэлы, — Борис увидел, как посветлели глаза Никиты на последнем слове, — Один из них поранил её ногу. Виктор в тот раз затянул бой, понятно для чего — просто часть тренировки. Может она из-за этого точит зуб на меня или на Виктора, хотя нет, скорее на меня.

— Да, обижать женщину — это самое глупое дело. Она же не успокоится пока ты не пожалеешь об этом, причём пожалеешь сполна. Я бы даже сказал, пока не завоюешь.

Неподвластное страху сознание юноши пыталось найти объяснение поведению Ирины. Даже был вариант, что он ей симпатичен, и она так хочет привлечь его внимание. Но Борис,

хоть и лишённый чувства стеснения, не решился спросить Ирину напрямую: она ведь может соврать. Лучше придерживаться тактики невмешательства и тотального безразличия. Рано или поздно она сама выдаст себя.

— Я воспитан женщиной, которую глубоко уважаю. Если я и обижу женщину, то не нарочно. Ладно, мне пора возвращаться. Хорошей торговли.

Борис забрал пакетик с халвой и поднял левую руку вверх, направляясь к выходу.

— И тебе побольше чистых добряков под иглой.

— Хотя нет, погоди, — разворачиваясь на пятках, сказал Борис и достал из кармана телефон, — Вот смотри, у тату-салона тысячи положительных отзывов до моего прихода туда. А вот мой последний, единственный отрицательный. Говорит, что ему было больно.

— Пустой разговор. Виктор опытнее тебя, он умело собирает осколки человеческих душ и соскребаёт с них безин. Не переживай, когда-нибудь научишься. Всё давай, хотел свалить, так проваливай.

Борис мог чётко ответить на вопрос — почему он остался в мире унтов. Во-первых, он заявил, что является фанатом жизни, а после этих слов ему нельзя перетягивать одеяло только на себя. Если он должен жить, значит, это относится ко всем остальным. Конечно же, Борис не может спасти абсолютно всех, но ему по силам найти способ прекратить бойню в своём новом окружении, которое, несомненно, заблуждается. Во-вторых, Виктор держит своё слово и не предпринял ни одной попытки манипулировать своим подмастерьем. Юноша однозначно заметил бы желание обмануть его, учитывая то, что он по-прежнему был на стороже и не думал расслабляться. Состояние постоянной подозрительности, сосредоточенной прозорливости стало его частью, он и шага не мог ступить, пока не проанализирует действия мастера. В-третьих, Виктор объяснил, как можно избежать участия в наказаниях тех, кто преступил правила. Но стоит заметить, он ни разу не упомянул Никиту, который, как казалось Борису, тоже не желает в них участвовать. Хотя подтверждения своей догадке он найти не смог, потому что казнь Цирюльника была последней на его памяти.

Пока Борис был в магазинчике Никиты, Виктор и Консуэла вели, как обычно, жаркий диалог.

— Почему нельзя?! — гневалась Консуэла. — Все нас поддержат. Он нарушает правила — это очевидно!

— Твоё расследование не дало плодов. Нам нужны доказательства.

— Вот не надо. За год я смогла наскрести немало.

— Но это нам не пригодится.

— Что ты такой душный, Виктор? Про детективы никогда не слышал? Маленькая ниточка всегда ведёт к большой разгадке.

— Разгадка нам уже известна, да она всем известна. Но Тот, кто видит его не карает, значит он невиновен, и всё это просто наши домыслы. Нужны железобетонные доказательства его вины, иначе поддержать я тебя не смогу.

— Что ты за мужик-то такой, если риск не уважаешь?

Виктор откинулся на спинку дивана и уставился в потолок. Он молчал, а Консуэла хотела разомкнуть напомаженные розовые пухлые губки, чтобы вернуть его в разговор.

— Да-да, ты права. Но я унт, и моего уважения хватает только на правила.

— Эх, какой поэт! Сейчас растаю. Раз тебя не устраивает, что мне удалось раскопать. Что я должна такого найти, чтобы и тебя устроило и... хотя если тебя устроит, то остальных и подавно устроит.

— Видео, фото, свидетелей. Не нужно ходить по его следам, нужно идти перед ним.

— Витя, не думай, что ты самый умный. Я следила за ним, посылала малышкой. Он осторожный как кошка, его так просто за руку не поймаешь.

— У меня есть идея на этот счёт. Я сегодня послал к нему гонцов. Он однозначно заинтересуется моим предложением.

Консуэла поджала губы, на её лице читалось одобрение.

— О, Витя, беру свои слова обратно. Вызываешь его на честный поединок? Нет унта — нет проблемы?

— Не мой метод. Если верить нашим предположениям, Аристократ берёт измором, а потом в поединке отбирает территорию. Надо тоже взять его измором.

— Зная тебя, ты не будешь действовать в лоб. Приберёт для него что-то изощрённое? — Консуэла засияла улыбкой истинной радости.

— Можно и так сказать. Нам нужно, чтобы он выложил всё плохое, что в нём накопилось. А его осторожная натура просто так это не сделает, поэтому рядом должен быть сосуд, который он наполнит своей скверной.

— Виктор, я беру свои слова обратно, о том, что я взяла слова обратно. Рисковать другими мерзко.

— Он ничем не рискует. Ты же сама говорила, что Аристократ им заинтересовался, вот я и передам ему объект его интереса. Для Бориса это время не пройдёт зря. Для него это шанс распробовать жизнь унта.

— Распробовать жизнь раба на службе у Аристократа. Он и так от нас не в восторге. Хочешь его ещё сильнее напугать?

— Быть унтом — это следовать правилам. Там он поймёт насколько это важно.

— Да, ты прав, об этом я не подумала.

Зазвенел колокольчик и в салон вошёл Борис, в руке с расстегнутым рукавом он держал пакетик с халвой. Юноша привлек внимание собеседников. Консуэла подскочила к нему с тёплой улыбкой и поспешила его обнять.

— Приветик, Боря! Рада видеть.

Он приобнял её не крепко рукой с пакетиком, так для галочки. Она, как и всегда, была неестественно горяча, и от неё пахло лестными ягодами.

— Тоже рад. По лицу не видно, но я рад.

Борис старался не врать, когда проговаривал вслух, что у него на душе. Но это не были те чувства, к которым он привык. Скорее включалась имитация — сознание замещало их образы. Оно просто привыкло реагировать определённым образом на ситуации, поэтому давало соответствующие команды атрофирующимся центрам чувств в мозгу Бориса.

— Как твои дела? Одежда не натирает? Если хочешь, могу перешить.

— Всё здорово и с одеждой тоже. Я был у Никиты, — после последней фразы лицо Консуэлы резко искривилось, — весело поболтали. Он много чего интересного рассказал об унтах.

— Боря, заходи к нам. Я тоже много чего знаю о хинтах и унтах. Заходи без повода.

— Да, конечно. Нужно зайти. Сами понимаете, дела — у меня обучение в самом разгаре.

Ему хотелось зайти в гости, особенно когда его зовут, но там ведь будет Ирина, а лишний контакт с ней противоречил его тактике. В конце концов, он же не сказал, когда именно собирается их посетить, а следовательно не соврал.

— Ищи время и приходи. Ладно?

Он кивнул.

— Хорошо, я вынуждена вас оставить, мальчики, — Консуэла послала воздушный поцелуй между Борисом и Виктором, а затем удалилась.

Борис положил на кофейный столик перед татуировщиком пакетик с халвой и сказал:

— Вот прошу, как обычно, ваша еженедельная халва.

— Спасибо, Борис. Присаживайся, нам нужно обсудить с тобой одно дело. Тебе известно, кто такой Аристократ, но ты его ни разу не видел, насколько мне известно.

Юноша подумал, глядя на потолок, а затем ответил:

— Ни разу не видел. Честно говоря, интересно, как он выглядит.

— Тебе нужно будет познать мир унтов гораздо глубже, не ограничиваясь только моим салоном. Я решил, что передам тебя на временное попечение Аристократу.

Борис перевёл взгляд в сторону. Он молчал, сфокусировавшись на одной точке, а Виктор терпеливо ждал ответа.

— Лишним не будет. Он теперь будет за меня отвечать?

— Ответственность по-прежнему лежит на мне. Поэтому, прошу, будь осторожнее.

— По-другому не бывает. Можно не говорить это каждый раз, я помню.

— Хорошо. Я только что направил к нему гонцов. Когда придёт ответ, тогда и начнёшь, а может, и нет — он имеет право отказать.

— Вы без меня справитесь, тут и сомневаться не приходится. Далеко находятся его владения?

Виктор развернул пакет и заглянул в него лицом, совершенно незаинтересованным в сладостях, пару раз встряхнул, и только потом ответил:

— От твоего дома дальше, чем до моего салона, примерно раза в два, и ещё в противоположную сторону. Там самая ближайшая точка.

Борису, который сменил множество работ, известно не понаслышке, каково это перестраивать налаженный распорядок дня: вставать по утрам в непривычное время, идти в другую сторону, переучиваться и выслушивать новые нравоучения. Ещё важно, чтобы первое время очередное начальство чаще улыбалось новичку. В его памяти хорошо отпечатались все эти улыбки, которые появлялись как по нажатию кнопки и так же быстро исчезали. Пропадали они, к слову, постепенно, чем дольше работаешь, тем больше слышишь вместо одобрения упрёки и строгость. Он помнил всё, что чувствовал в те годы и не хотел, чтобы это повторилось, но ему было интересно, как он отреагирует на подобное отношение, будучи бесчувственным.

— У меня всё ещё плохо получается доставать безин из людей. Как думаете, практика у Аристократа поможет мне в этом деле?

— Тебе поможет любая практика. Что было твоей основной ошибкой? — сказал Виктор встал перед Борисом, заложив руки за спину.

— Я пропускал их чувства через себя. Если это было что-то смешное, мне хотелось смеяться, а если это было что-то грустное — то плакать.

— И на прошлом сеансе ты заржал во весь голос, когда набивал глаза на затылке того парня.

— А вам спасибо, что стукнули.

— Если бы я не стукнул, ты бы стал одержимым. Тем более, это помогло успокоить того парня.

— Вот я и говорю спасибо.

Со стороны могло показаться, что эти двое находятся под действием седативных препаратов. Учитывая содержание разговора, нельзя было общаться так спокойно и равнодушно.

— Ты должен пропускать через себя накопившиеся в человеке чувства и эмоции, но они должны огибать твои ещё не остывшие рецепторы. Попробуй не проявлять эмпатию в такие моменты. Люди для нас важны, но нужно относиться к ним равнодушно, пока собираешь безин, потому что так ты делаешь им лучше.

— Да я как-то и не проникаюсь людьми больше чем нужно. Зачем лезть кому-то без мыла в... — сказал Борис, а затем поднял и опустил оттопыренный вверх указательный палец.

— Ты не можешь не сопереживать людям из-за инстинктов и воспитания. Это происходит на автомате, потому что люди существа социальные, а унты жили с людьми. Собаки тоже жили вместе с людьми и поэтому подвержены их влиянию.

Виктор открыл рот, изображая зевок. Рефлекс Бориса не заставил себя долго ждать, и он зевнул в ответ.

— Видишь, то же самое сделала бы собака. Мы связаны с людьми, но мы не сажаем их на поводок, не дрессируем и не чешем за ушком. Мы просто соскребаем излишки, сливаем их как сливки и выпускаем наших любимцев на волю.

— Ну да, ловко придумано. Люди живут, как хотят, даже не подозревая, что с них «выдаивают» излишки чувств. И самое классное, что их жизнь никак не надо устраивать, они сами разберутся, что им от этой жизни нужно.

— Хорошо, — сказал Виктор и взял пакетик с халвой, — скоро должна прийти молодая девушка, хочет тату на спине. Подготовь место.

Он, держа пакетик перед собой в обеих руках, направился в свою комнату.

— Я тоже, в принципе, не причиняю забот, и пользы от меня не меньше, — сказал сладкий голос змейки, которая выползла на плечо Бориса.

Юноша погладил её средним пальцем по головке со словами:

— Да вы сама скромность, и эмоции с вас сжеживать не нужно.

Борис хлопнул себя по коленям, поднялся и направился в кабинет.

***

— Он меня за дурака держит или сам тупой? — сказал сухим тоном коротко стриженный мужчина, отшвыривая чёрного как кусок угля воробья с такой силой, что бедняга даже не смог двинуться, а размазался кляксой по стенке, обратился дымом и улетел в неизвестном направлении.

Мужчина был одет в белую рубашку поло, бежевые штаны и тёмно-коричневые туфли, на левом запястье позолоченные дорогие часы, а на воротнике висели солнцезащитные очки авиаторы. Внешне атлетического телосложения, высокий, широкоплечий, тёмно-коричневый цвет волос, глаза карие, небольшой прямой нос и слегка выпирающая по бокам челюсть. Он прогуливался по складу своего небольшого супермаркета, который располагался в отдельном здании во дворе многоквартирных домов. Воздух там сухой, но прохладный, пахло пластиком, овощами и специями. Спокойное лицо мужчины сохраняло хладнокровное оцепенение, но телодвижения были резкими и всё наращивали темп.

— Олег Александрович, можно вас? — обратилась к нему с другого конца склада женщина слегка за сорок, одетая в красный жилет униформы.

Олег остановился и повернулся к ней. Женщина пару секунд стояла на месте, но, в конце концов, двинулась к нему.

— Нам персонала не хватает. Бегаем от полок к кассе как угорелые, — сказала она, поправляя русые кудряшки на затылке.

— Ажиотаж скоро спадёт, впереди лето, отпуска. Народ разъедется и отдохнёт.

— Так пока он разъедется, мы в пыль сотрёмся.

— Вы же понимаете, что нанять унта не так-то просто, а блудные мне пока не попадались. Есть у вас на примете блудные?

— Нет, — сказала приглушённым голосом женщина, которая осознала, насколько безнадёжна её просьба. — Может, что-то можно придумать?

Олег повернулся всем телом налево и подумал о том, что сбор безина не сократится от недостатка персонала, но уставать работники будут сильнее — а там где тонко, там и рвётся. Он понимал, что этим унтам некуда деваться, потому что работать они хотят только в этом магазине. В любом случае, нужно исключить любые попытки объединения и вызова его на честный поединок. Олег думал, как обычно, примерно три минуты, и в первую очередь о своей выгоде, а его подчинённая терпеливо дожидалась ответа. Перебирая варианты, хозяин магазина решил зародить надежду, пусть и краткосрочную, в сердцах подчинённых и выиграть время.

— Задача непростая, дай мне время подумать. Я обязательно её решу.

Женщина огорчённо опустила глаза, кивнула и удалилась в торговый зал.

Олег старался не употреблять, как он их сам называл, слова неуверенности и слабости: «затрудняюсь ответить», «не знаю», «может быть», «возможно», «наверное» и т. д. Он прекрасно понимал, что работники его недолюбливают — за что его любить, если у одних он отобрал территорию, а унтам без территории не доплачивает, — но запугивать их тоже глупое решение. Олег понимал, что в его руках мир, который нужно холить и лелеять, хотя подчинённым не обязательно знать всё, тем более тёмные стороны своего хозяина. Они-то как раз занимали большую часть его размышлений. Олег ломал голову, как заполучить новые территории, забирать больше и отдавать сотрудникам меньше, расширять свои заведения без ущерба для себя, совершенно не думая о других. Порой эти размышления приводили его к безумным идеям, которые граничили со всеми известными законами и уж точно не могли придти в заурядную голову.

Он продолжил прогуливаться по складу, обдумывая просьбу Виктора. Слишком очевидно, что к нему подсылают шпиона, даже если Борис пока этого не осознаёт. Тогда в баре Олег хотел зародить зерно сомнения в душе молодого унта, и начать разлагать дело Виктора через блудного, от которого татуировщик не может избавиться. Но сейчас в планы нужно вносить коррективы, поскольку вторая беседа должна была состояться после посвящения во все тонкости магии унтов. Предполагалось, что Борис к тому моменту будет знать и уметь всё, что знает и умеет Виктор. Лучше не отказываться от просьбы, учитывая то, что татуировщик знает о содержании их разговора в туалете бара. Для понимания какой именно стратегии придерживаться — а их Олег выстроил на каждый из возможных вариантов уже немало, — ему нужно узнать непосредственно от Бориса, что именно тот умеет.

***

Глава 7. Часть 2

Борис после подготовки сеанса для клиентки попросил Виктора отпустить его пораньше, он хотел обдумать причину своих неудач на свежем воздухе. Мастер был не против, поскольку записей всё равно не осталось, и ученик в любом случае просидел бы остаток дня без дела. Перед уходом юноша проверил, лежит ли кожаный бублик в его заднем кармане. Он никогда не надевал его заранее, потому что во время действия браслета, носитель испытывал скверное ощущение. Бублик не просто скрывал татуировки, он натягивал поверх кожи ещё один слой похожей ткани, которая дышала не так хорошо, как Борису хотелось. Но юноша понимал, что это всё для спокойствия бабушки, а ради неё он готов и не такое вытерпеть.

Погода на улице стояла дождливая, небо заволокла лёгкая пелена туч, слабо обдувал прохладный ветерок. Год назад Борис мог замерзнуть лишь от подобного вида из окна, и без верхней одежды никуда бы не вышел, но сейчас благодаря наращённым, выносливым мышцам прогуливался в своей повседневной рубашке. Людей на тротуаре ему встретилось много, но все они были какие-то задумчивые и невесёлые. Юноша как никогда в жизни хотел залезть им в головы и узнать причину их потухших эмоций. Не все окружающие ведь унты и не все такие же, как он или Виктор. Зачем они сдерживают себя? Ведь улыбка порой нужна тому, кто улыбается, а не окружающим.

Он остановился посреди тротуара. Люди, которые шли за ним, недовольно вздыхали, но обходили его. Бориса остановила мысль о том, что глаза окружающих сейчас почернеют, а зрачки нальются красным. Он будет окружён каменными лицами, купол накроет небо, и в него полетит огонь. Юноша не боялся этого, его уже ничто не сможет напугать, но понимание, что вокруг него минное поле не выходило из головы. В такие минуты он вспоминал правила:

Людям не вредить.

Блудным — истинный путь.

Не просто сбор, но и помощь.

Забираешь место в честном поединке.

Никаких отношений между унтами и людьми.

Хинт — это Хинт, а Унт — это Унт.

После перечисления Борис копался в воспоминаниях для вынесения вердикта, что он не нарушил ни одно из них. Только после этого ритуала, его сознание успокаивалось, и он не думал о наказании до следующего раза.

Он пошёл дальше. Будучи молодым человеком, Борис естественно заглядывался на проходящих мимо красивых девушек, но его взгляд определённо не был прикован к их симпатичным лицам. Глаза скользили аккуратно и деликатно, но иногда юноша замечал, как девушки прикрывают своё декольте, порой с явно неприличной глубиной. Раньше ему это доставляло удовольствие, вызывало чувства, а теперь занятие подобного рода стало развлечением совершенно противоположного толка. Можно сравнить такое созерцание прекрасного с просмотром картин. Дилетант в живописи понимает, что она красива и написана отлично, — так бы он точно не смог — но это полотно, в конце концов, оставляет

его равнодушным.

Наконец-то он нашёл фаворитку сегодняшнего дня — она была в чёрных туфлях спортивного стиля и обтягивающих джинсах, — а выше его глаза пока не поднялись. Соблазнительные, широкие округлости бёдер незнакомки приковали к себе всё внимание юноши. Пока Борис нагло пялился на неё, он заметил, что, стоя спереди, всё равно видит её мягкое место. Девушка уже была достаточно близко, чтобы поймать его похотливый взгляд, но юноша, повинувшись инстинктам, резко перевёл глаза на её лицо — это оказалась Ирина. Она шла прямо на него, легко улыбалась и лучилась жизнерадостным настроением. У него не было сомнений, что Ирина рада его видеть и поэтому ускорила шаг, но всё же не ослаблял свою настороженность.

— Приветик, Борис! — она помахала белёсой ладонью и ещё шире улыбнулась. — По делам идёшь? Виктор опять послал куда-то?

— А, нет. Я отпросился и просто гуляю.

— Понятно. А я попросила на сегодня отгул, договорились с подружками посидеть в кафе.

— Ты тоже без выходных работаешь?

— Вроде того. Консуэла позволяет брать отгулы иногда. Она и так хорошо справляется, даже когда одна.

— Да, она такая.

Ирина ничего не ответила, а только скрестила в замок ладони за спиной и, игриво покачиваясь, приблизилась к нему. Казалось, что ещё полшага вперёд закончатся поцелуем. Борис смотрел в её тёмно-карие глаза; его безразличие могло напугать какую-нибудь обычную девушку и оставить осадок от такой встречи, но Ирина — другое дело. Выше пояса на ней был белый джемпер и короткая тёмно-коричневая кожаная курточка. Целый год она отращивала свои угольно-чёрные волосы, и теперь у неё было симпатичное каре, которое доставало только до середины шеи.

Вдруг лицо Ирины резко стало сосредоточенным, и она принялась осматривать шеренгу магазинчиков справа. Её взгляд остановился, она схватила Бориса за руку и потащила в переулок, который был в десяти метрах от них. Он не сопротивлялся, даже бежал с той же скоростью. Она затащила его достаточно далеко вглубь переулка и, будто швыряя молот, припечатала к кирпичной стенке. Юноша напряг все мышцы, поэтому ударился только спиной, он не растерялся и материализовал в левой руке пистолет-электрошокер. Ирина не дала его применить и даже поднять руку, она прижалась к Борису всем телом, уперев ладони в холодную и влажную стену. Он смотрел перед собой, чувствовал её частое дыхание, прикосновение маленькой груди, которая гладила его в районе диафрагмы. Ирина прятала своё лицо от Бориса и всё сильнее жалась к нему. Он продолжал держать в руке шокер, ожидая развития событий.

Ирина отпрянула и посмотрела на него так скверно, будто сейчас плюнет ему в лицо, сорвалась и убежала обратно в сторону тротуара. Борис проводил её взглядом, в этот раз он смотрел ей за плечо. Он ни о чём не думал. Как только Ирина скрылась за поворотом, он вернул шокер на место и отошёл от стены.

— Их, похоже, всех учат быть странными, — сказал Борис самому себе.

Но на его слова ответил зефирный голосок:

— Ух, я была в предвкушении любовной сцены. Борис, могли бы проявить участие, она однозначно разозлилась из-за того, что вы стояли столбом.

— Что-то ты стала остра на язык.

Змейка сползла ему на грудь и показала свой красный раздвоенный язык и, вернув его на место, сказала:

— Видите, он у меня и так острый.

— Да, я не сомневался, но сейчас меня больше интересует, что сейчас произошло и что у неё на душе. Она однозначно что-то задумала.

— Вам не кажется, что у вас развивается паранойя?

— Не кажется. С ними я стал самым настоящим параноиком.

Борис зашёл в свою квартиру и сразу почувствовал запах испарины и шампуня с экстрактом трав, которые доносились из ванной. Телевизор не гремел на всю квартиру, поэтому он, предварительно разувшись, — туфли он снял руками, — решил заглянуть к бабушке. Она спала, но лицо её было очень беспокойным, будто застыло искривлённое болью.

— Как так-то, а? То нифига, то дофига, — прошептал Борис и ушёл в свою комнату.

Одежду мокрую от пота он снял и повесил на вешалку. В его комнате за год ничего не изменилось: всё тот же ремонт, всё те же шкафы, занимающие существенную долю от площади помещения, и всё те же картины на стенах — новых Борис не писал, потому что творчества хватало на работе. Он мягко присел на краешек кровати, а затем прилёг на неё с той же мягкостью. На нём кроме чёрных трусов с тёмно-синими узорами турецких перцев ничего не было. Юноша расслабился, но его рельефная мускулатура всё равно чертила на его теле точёный орнамент. Он снял браслет с руки, положил его на грудь и повернул голову правее в сторону двери; если бабушка откроет её, он даже не вздрогнет от испуга, а со скоростью броска кобры наденет кожаный бублик на запястье.

Как только на бледную кожу вернулись татуировки, юноша поднял руки и оглядел их. На левой помимо балисонга расположилась светошумовая граната в кругу дымовых шашек. Электрошокер-дубинка ближе к локтю с внутренней стороны предплечья в окружении противопехотных игл, разбросанных хаотично. Пространство до локтя занимало оружие, а дальше начинался «зоопарк». На левом плече, подчёркивая его округлость, была татуировка мышей, со сцепленными хвостами в центре круга. Одиннадцать зверьков, будто пребывали в бесплодных попытках расцепиться и разбрестись во все стороны, образуя своеобразный вихрь. Виктор называл это «крысиный король» и объяснял, что их нужно использовать в качестве шпионов — всё, что видит и слышит животное-татуировка, видит и слышит её обладатель, — для передачи сообщений и когда нужно, что-то перегрызть, например, провода, чтобы обесточить здание. Мастер давал рекомендации, но при этом предупреждал: «...но только из крайней нужды, и только если никто не пострадает». На чёрной ветке, под крысиным королём сидела ворона с красными глазами и багровым клювом. Птиц Виктор рекомендовал использовать, чтобы следить за ситуацией с высоты.

На правой руке округлость плеча подчёркивала татуировка карты метро города Пампа, сделанная из чёрных муравьёв *Paraponera clavata* или «муравей-пуля». Рисунок состоял из одного кольца, а также трёх веток расползающихся от центра. Муравьёв Виктор советовал использовать для проникновения в труднодоступные места и шпионажа, а так же с целью применения физической силы. Стаей эти насекомые могли поднять груз в два раза больше веса среднего человека и запросто повалить одного медведя, но их хрупкие тельца не выдержат даже удара тапком. Остальное пространство на плече занимали маленькие чёрные голуби, разлетающиеся в разные стороны. Они нужны были для отвлечения внимания

противника и создания потока из птиц.

Татуировки, кроме змейки, были только на руках, Борис просил повременить с нанесением на остальные участки тела. Поскольку большую часть работы выполняемой чувствами взял на себя мозг, ему не хотелось лишний раз его напрягать, пусть привыкнет пока к этим тату.

Юноша хотел обдумать, отчего ему не удаётся собрать безин, но сегодняшняя выходка Ирины не выходила у него из головы. Для унтов как общества чужды подобные ритуалы, но персонально для неё ситуация может быть совершенно иная. Конечно же, сегодняшний Борис не мог и представить Ирину в качестве объекта любовного интереса, ведь любовь вместе с остальными чувствами больше не имели над ним власти. А если возьмут, тогда он потеряет себя навсегда. Он думал о том, что в отличие от людей, — причём обоих полов — девушки-унты более терпеливые. Они могут контролировать свои чувства и эмоции, поэтому Ирина уже год чего-то добивается от него, но вывести её на чистую воду не получается.

Скрип донёлся из прихожей, Борис без единого мышечного спазма и дрожи надел браслет и поспешил к шкафу с одеждой. Он натянул батник с длинным рукавом и шорты, но решил снять браслет. Открыл дверь и оглядел прихожую, из бабушкиной комнаты доносился её слабо слышимый храп, который напоминал гудение старого холодильника. Он включил свет и опустил глаза на пол, который был усеян пауками из синих иголок. Юноша быстрым движением очертил правой рукой в воздухе полукруг, так сеятель разбрасывает ячмень, а левой крепко сжал «кожаный бублик». Ножки паучков подкосились, а их брюшка пригвоздило к полу — это муравьи устроились на игольчатых спинках.

— Стой-стой, — проговорил холодный голос Ирины, размноженный на всю эту свору паучков. Звучал он по-металлически жёстко, словно выходил из старых, сломанных динамиков, — Не надо. Они ничего плохого тебе не сделают. Да, понимаю, о чём ты думаешь, надо было послать одного. Ладно...

«Она знает, где я живу», — промелькнула мысль в голове Бориса.

— Мне нужно с тобой встретиться и поговорить наедине. Место можешь сам выбрать. Только прошу, дело очень важное для меня. Нам нужно обсудить это вдвоём, тет-а-тет. Понимаешь?

— Понимаешь. Площадь напротив цирка. Встретимся там в семь. Думаю, за два часа успеем до туда добраться.

— Ты не мог бы отпустить их?

Борис сел на корточки и положил правую ладонь внешней стороной на пол, приглашая своих помощников, а они в свою очередь, мощно оттолкнувшись, спрыгнули со спин паучков. Муравьи единым строем маршировали по предплечью на своё место. Паучки хаотичным построением, позабыв о своей бесшумности и незаметности, застучали по паркету в сторону туалета. Молодой унт последовал за ними, ожидая, что они соберутся на бачке и будут по очереди прыгать в унитаз, поджав игольчатые лапки. Но всё оказалось гораздо прозаичнее: паучки взобрались по старому, голубому кафелю и исчезли в вентиляции, которая представляла собой дыру в стене с небольшим количеством пыли.

На этот раз вопросов стало ещё больше, чем ответов. Борис из-за своей юношеской чувствительности к вниманию прекрасных девушек и после восемнадцати лет дефицита этого внимания, в первую очередь подумал, что это точно оно: Ирина хочет начать встречаться. Но его подозрительность мигом отогнала эти мысли. Он с первой встречи, на протяжении года, так и не показал себя с той стороны, за которую его можно полюбить.

Тогда во время битвы в салоне Консуэлы юноша был совершенно бесполезен для Ирины. Консуэла спасла её и она же оказала ей первую помощь, пока Борис преследовал свои интересы либо просто безучастно стоял как мебель.

Он знал, что мир хинтов и унтов приветствует эгоизм, и ему на миг показалось, что это и могло стать причиной влюблённости, но сразу отогнал эту мысль. Юноша так и стоял погружённый в раздумья, уставившись в унитаз. Он щёлкнул пальцами и поднёс ладонь ближе ко рту так, будто на ней кто-то сидел. Из манжеты выплыло три чёрные тени — это были мыши, которые уселись на задние лапы, готовые выслушать и принять приказ. Борис изложил им всё, что сейчас произошло, и после энергичных кивков мышат он мягко кинул их в унитаз ближе к сливу. Юноша хотел, чтобы Виктор знал куда тот собирается, но не вмешивался, так как ситуация однозначно неконфликтная и его жизни ничего не угрожает. Борис понимал, что ценности для хинтов и унтов он особой не представляет, потому что у него нет ни территории, ни внушительного запаса безина.

Когда последняя мышь упала в слив с характерным бульканьем, он услышал за спиной голос бабушки:

— Бо-ря, что шумишь?

— Да так, дела туалетные делаю.

Борис скользнул в карман шорт, достал браслет и хотел надеть его, спрятав руки за спиной, но тот выскользнул и угодил прямо в слив.

— Что ты такой серьёзный? Случилось что? — бабушкин голос тонул в её горле. Она часто прокашливалась, обозначая этим конец фразы.

— Бабушка, что у тебя со здоровьем. В последнее время кашляешь много и...вид у тебя нездоровый.

— Возраст, внучёк, возраст. Дай бог, не помру, хоть на правнуков посмотрю.

После этой бабушкиной дежурной фразы Борис прошлогодней версии испытывал чувство стыда и беспомощности. Подобные переживания так довлели над ним, что он заметно ёжился всем телом и хотел убежать от всего этого, а именно от ответственности и правды. Обычно после дежурной фразы бабушки он старался увести разговор в другое русло.

— Так дело не пойдёт, я вызову врача, пусть посмотрит.

— Ой, не надо. Посмотрит, ничего не увидит и уедет, — бабушка оживилась и продолжила возмущаться: — Шарлатаны они все и хапуги, если денег не дашь, они ничего и не сделают, — проговорила она, не переставая кашлять.

Борис, не сходя с места, стоял в туалете и смотрел на бабушку через приоткрытую дверь.

— Твоё здоровье на то и твоё здоровье, ничего я делать не буду, — соврал он и оборвал себя на этой фразе.

Когда-то давно Виктор объяснил ему, что распознать хинта или унта можно тремя способами: спросить напрямую, увидеть те самые глаза или стать свидетелем применения магии. Никаких других способов отличить их от обычных людей, кроме наглядных и очевидных, нет. Бабушка ведёт себя как обычная человеческая женщина, а если Борис будет вслух говорить такие ужасные вещи о её здоровье, даже если лжёт, ему не уйти от наказания за нарушение первого правила (не вредить людям).

Бабушка обхватила пальцами его левый рукав и сказала:

— Ты уже закончил? Пусти меня в туалет, — а затем она специально подняла рукав и обнажила татуировки Бориса.

Борис естественно не собирался выходить из туалета, пока не заберёт браслет, он нежно

отдёрнул руку и натянул рукав обратно.

Бабушка обалдело смотрела на внука, она переводила взгляд с руки, уже закрытой рукавом, на его неподвижное лицо и пустые глаза. Борис выставил раскрытую ладонь перед бабушкой, тем самым, намекая, чтобы она отошла, а затем закрыл дверь на щёколду. Он не увидел браслета ни в унитазе, ни где-либо ещё, и принялся рыскать в сливе, стоя на коленях. Его ладонь возилась в холодной воде и даже протиснулась в узкую трубу. Но всё тщетно, видимо, кожаный бублик слился с неблагородной жидкостью.

— Борис, выходи немедленно! — говорила бабушка, повышая голос, — Что ты с собой сделал? — тут послышались кашель, а после него всхлипывания.

Тревога давно перестала быть его спутником, Борис точно знал, что нужно делать. Поразительно, как за последнее время прочистилось сознание. Идеи начали приходить быстрее. Раньше он соображал гораздо медленнее, хотя без ущерба для эффективности. Теперь же юноша углублялся в вопрос за доли секунды. Он открыл бачок унитаза и скинул туда по одному всё оружие, живности приказал спрятаться в вентиляции.

— Бабушка, не пугай меня и не нервничай, — сказал Борис, выходя из туалета и снимая батник, — Видишь, всё нормально, — он даже показал, хоть это было необязательно, отсутствие следов уколов на локтевых сгибах.

Бабушка осмотрела его внимательно, а затем властно и с нажимом принялась вертеть внука по кругу. Она сделала шаг назад, смерила его серьёзным взглядом и после продолжительной паузы направилась в туалет. Борис надел батник и пошёл звонить в скорую. Когда он набирал номер, подушечки его пальцев зудели от онемения. Внук закончил описывать состояние бабушки, положил трубку, и у него закружилась голова. Дежурная сообщила, что машина приедет через полчаса. Он пошёл в туалет и, проходя мимо входной двери, открыл её. С каждым шагом боль усиливалась. Нахлынула слабость, которая переходила в непреодолимую сонливость.

Борис дёрнул за ручку, дверь была закрыта, но свет виднелся в щелях. Внизу потекли полосы тёмных струек.

— Бабушка, ты там? Отзовись, — его голос начал слабеть, — Мне нужно...

В глазах помутилось, колени подкосились, и он упал навзничь ногами к двери туалета.

Глава 7. Часть 3

***

— Эх, какой же невыносимый этот Виктор. Душный мужчина, — сказала Консуэла после того, как зашла в своё ателье.

Ирина тем временем приводила дела в порядок и уже хотела отправиться на встречу. На ней были только спортивные чёрные туфли, обтягивающие джинсы и белый джемпер.

— Что опять он натворил? — Ирина облокотилась на стойку и приготовилась выслушать всё негодование хозяйки ателье.

Консуэла присела на диванчик для посетителей и продолжила:

— Я хотела до него достучаться, объяснить, что пора уже действовать, а он всё талдычит про доказательства, которых нам прям очень сильно не хватает.

— Может в этом есть смысл, всегда хорошо перестраховаться.

— Вот Боря хороший, но он бунтарь, хоть и скрывает это, даже от самого себя. Представляешь?! Эх, не к тому он попал, со мной он бы раскрылся, а с правильным Виктором он рано или поздно свернёт с этого истинного пути. Помяни моё слово. Тут надо клин клином вышибать, а не тушить огонь бензином.

— Ваш огонь заберёт весь воздух и его пожар не разгорится. Я уловила вашу мысль?

Консуэла довольно кивнула.

— В том-то и дело, что в такой ситуации не нужно быть правильным. Если Аристократ нарушает правила, почему нам нельзя? Все об этом болтают, всё про его тёмные дела знают, а ему этого недостаточно.

— Что вы предлагаете?

— Во-первых, если ты собралась идти в этом, я бы посоветовала подняться наверх и надеть кожаную курточку кофейного цвета, ту, на которой заклёпки.

— Да, в этом что-то есть. Я подумывала, не надеть ли мне пальто. На улице прохладно?

— Во-вторых, надо сильно и больно дать Аристократу по рукам. Заставить раскаяться и вернуть территорию владельцам.

— Но наказаниями ведаёт ТОТ, если он не даёт нам знаков, тогда и любые наказания бессмысленны. Может опросить его окружение? Им наверняка есть, что сказать.

— Нет. Это привлечёт его внимание.

— А если ненавязчиво загнать их в словесную ловушку? Так они всё выдадут и даже ничего не заметят.

Консуэла кинула на стол пять предметов, которые с металлическим лязгом ударились о стекло. Это были расплавленные серебристые диски, из которых местами торчали иглы или их подобие. Консуэла обвела каждый из них по кругу. Её грудь вздымалась всё активнее, пока она смотрела на металлические пластинки и, с надрывом вдохнув, продолжила:

— Он очень осторожный. Не знаю как, но ближе десяти метров к нему не подойти. Даже если объект крошечный, эта скотина его вычисляет. Видит на все триста шестьдесят, без слепых зон. Если он об этом позаботился, то о подчинённых давно

— И что он мог с ними сделать? На ум приходят только татуировки Жирафа. Но к нему на сеанс унта вилами не загонишь.

— Аристократ не только осторожен, но и умён, да и ресурсов у него немало. Я думаю, он подпольно разрабатывает новые методы влияния, — Консуэла опять указала на

металлические диски, — Моих малышей ведь не берёт огонь, а большая часть из них расплавилась и растеклась по асфальту.

— Может это иллюзия, как у Джона? Малыши, наверняка, сейчас где-то заперты.

— Ирина, девочка моя, осознай прямо сейчас масштаб угрозы. Я чувствовала их боль и смерть; они прорвались, я чуть не потеряла контроль.

— Да, простите, всё поняла, — Ирина виновато опустила глаза. — Что мы будем делать?

— Мы отправим к нему Бориса. Мальчику будет нелегко, поэтому поддерживай его, не жалея сил.

Глаза Ирины широко открылись, горло сжалось так, что она схватилась за него, колени задрожали и чуть не подогнулись.

— П-правда?

Консуэла ехидно улыбнулась и сказала:

— Деточка, а что это ты так напряглась?

— Я не... что вы... н-нет, — челюсть Ирины дрожала, а лицо залило краской.

— А ну, перестань! — сказала Консуэла строго.

Ирина вмиг успокоилась и встала, расправив плечи.

— Вольно, — со смешком в голосе сказала Консуэла и продолжила обычным тоном. — Ладно, не буду лезть в твои дела, — хитро улыбнулась и игриво сказала, — если будет нужен совет, обращайся.

Ирина увела взгляд в сторону, безуспешно стараясь найти часы.

— Я уже... мне пора. Подруги ждут. Можно я пойду?

Консуэла, не прекращая улыбаться, изящно показала ладонью на дверь.

***

Нос Бориса заполнил едкий запах нашатыря, он распахнул глаза и с хрипом втянул воздух как утопающий, которого только что откачали. Перед ним, склонив одно колено, стоял медбрат в синей форме скорой. Юный унт сидел на голом полу в бабушкиной комнате, прислонив спину к креслу. Молодого человека так напугала каменная маска на лице юноши, что он чуть не уронил ватку. Борис обвёл глазами комнату, просто из желания осмотреться, он не чувствовал тревоги и смятения от произошедшего с бабушкой. В комнате была женщина в таком же костюме и в ботинках без бахил. Она склонилась над раскрытым чемоданчиком, который стоял на белой, деревянной табуретке; трещали блистеры с таблетками и шуршали ампулы в коробочках. Бабушка лежала на кровати и медленно опускала и поднимала веки.

— Эй, парень, перенервничал, наверное?

Борис повернул своё безэмоциональное лицо обратно на медбрата, который жизнерадостно улыбался.

— С бабушкой всё хорошо, но ей надо обследоваться. Поможешь ей?

Борис начал трясти головой, вырисовывая что-то на подобии кивков.

— Вот и славно, ей сейчас сделают укол и пусть отдыхает. Всё будет хорошо.

Юноша приоткрыл левый рукав — татуировки были на месте. Похоже, что большое количество рисунков можно вызвать только из посторонних объектов, а в случае с материализацией из собственной кожи расходуется слишком много жизненных сил. Борис элементарно истощил свою нервную систему поддержанием татуировок во плоти.

Молодой унт, не сдерживаемый чувством долга, сочувствия и заботы, поднялся и

посмотрел на маленькие часики, которые стояли в среднем отделении шкафа. Он понимал, что опаздывать на встречу неправильно, но скорая прибыла не через полчаса, как обещала дежурная, а через час. Получается, что до назначенной встречи осталось менее получаса. Борис обошёл медбрата, и направился в свою комнату одеваться. Последний, прибывая в недоумении от циничности, проводил его взглядом и развёл руками. Борис надел вещи, которые уже успели высохнуть, выбежал в прихожую и встретился глазами с медиками. Они ждали его, стоя рядом с дверью в туалет.

— Обеспечьте ей покой, никаких стрессов и физической нагрузки, — сказала женщина. — Когда ей станет лучше, посетите с ней поликлинику.

После наставлений молодой человек и женщина вышли и без спешки принялись спускаться по ступенькам. Борис запомнил слова, но они не имели для него особого значения в данный момент. Он обулся и выскочил на лестничную площадку. Спускаясь, пробежал мимо медиков на третьем этаже и сказал им громко и сухо: «Спасибо».

Юноша, как и следовало ожидать, опоздал. На площади был тихий, скучный народ: пара женщин с колясками, две компании школьников, трое пожилых мужчин на лавочках — один из них пришёл со своей старушкой. Борис стал в центр площади и принялся осматривать всё вокруг, даже под ноги заглянул. В конце концов, отчаялся и выпустил ворону, подкинув её как голубя. Птица парила высоко над площадью, очерчивая ровный круг. Борис через вороньи глаза увидел фигуру, она стояла в тени прохода, который вёл в подвал под зданием цирка.

Он вернул ворону на место и двинулся к фигуре. Ирина могла уже уйти, так и не дождавшись его, и, возможно, там случайный человек. Наверняка он стоит на стрёме, пока подельники обносят подвал. На всякий случай, юноша засунул правую руку в карман, материализовав предварительно электрошоковый пистолет. В это время уже зажглись фонари, и фигура, увидев его, вышла из прохода в подвал и спокойным шагом направилась во тьму незатронутую уличным освещением. Борис, не сбавляя шага, следовал за ней. Когда его глаза привыкли к темноте, он увидел, что фигура стоит в десяти шагах от него.

— Ирина, это ты? — крикнул Борис.

Фигура дёрнулась всем телом, и тьма заволочла и без того слабо различимый горизонт за её спиной, звуки смолкли и только лишь свет бил сверху из вершины купола.

— Не беспокойся, Борис, это нужно, чтобы люди не слышали нашего разговора. Точнее, чтобы его никто не услышал.

— Ага. Что за разговор?

— Я знаю про тебя то, что известно только Тому, кто видит, Виктору и тебе, — Ирина говорила и, осторожно ступая, шла к нему. Голос её был спертым, будто ей с трудом давались слова.

— Ирина, скажи мне, пожалуйста, прямо. Чего ты хочешь?

— Не знаю. Я впервые в такой ситуации, — голос её был грустен.

— Хорошо. Что это «кое-что», что ты знаешь про меня?

— Ты хотел убить своего наставника.

— Правило номер пять: «Убить можно того, кто хочет убить тебя».

— Ты нарушил его, теперь тебя ждёт смерть.

Борис не знал, что ответить Ирине. Он осознавал себя уже мёртвым, не имеющим права интересоваться делами живых. Юноша принял это, как само собой разумеющееся: барьер из чувств разрушен, не было ни страха, ни инстинкта самосохранения, ни тревоги, ни

фанатичного стремления к жизни. Теперь было очевидно, почему унты идут на смерть, они мертвы внутри, эта пустота не держит их среди живых. Бориса могли, так же как и Цирюльника, окружить унты, и он не стал бы сопротивляться казни. Но другие унты испытывают эмоции — не все, но многие, — поэтому не было смысла судить всех по себе.

— Почему ты жалась ко мне в переулке?

Ирина остановилась в шаге от Бориса. Он ясно видел её милое личико, на котором отражалась вся ноша душевного груза.

— Тебе не объяснили, как Тот, кто видит связывается с нами?

Борис уже догадался, почему Виктор или любой другой унт не просветили его. Ирина начала объяснять:

— ТОТ видит не только внешний мир унта или хинта, он способен заглянуть и во внутренний мир, — это Борис знал, но продолжал внимательно слушать. — Он прекрасно знает, что ты чувствовал и о чём думал, когда нарушал правила. Перед свершением наказания он связывается с хинтами и унтами неподалёку от нарушителя. Связь эта телепатическая — он вещает прямо в мозг.

— В принципе, я так и думал. Так, жалась ты зачем? Продолжала бы ходить вокруг меня, пока голос, — Борис поднял указательный палец вверх, — пока голос не прикажет меня испепелить.

— Я должна была проверить, привлечь внимание Того, кто видит. Но он ничего не сказал, — Ирина отвела взгляд в сторону и поджала губы, которые слабо тряслись.

Борис принял это за фанатичное желание следовать правилам и приблизить его кончину, ради упоения от совершённого правосудия. Хотя чувства и мысли Ирины были совершенно иными. Она переживала о его судьбе. Ей нужно было знать наверняка, угрожает ему опасность или нет.

— Тогда чего тянуть? Покончим с этим, и твоя совесть будет чиста, — Борис положил сложенные вместе подушечки указательного и большого пальцев на основание треугольника под рубашкой.

Лицо Ирины вмиг побледнело, а глаза широко открылись. Она выбросила правую руку вперёд со словами:

— Не смей, он нас увидит! — рухнула на бок и схватилась за голову, практически прижав её к коленям.

Она корчилась от боли, сжимающей кольцом её голову, и страдальчески мычала. Борис склонился над ней. Он держал шоковый пистолет в кармане так, чтобы его можно было легко вытащить. Если она обратится в одержимую, купол, наверняка, начнёт растворяться, в таком случае, он просто оглушит её и сбежит. Правила не предписывают убивать их; как оказалось, это единственная принятая на вооружение унтами мера по борьбе с одержимыми. Дрожь спала. Ирина убрала руки и быстро подняла голову. Её большие карие глаза, блестящие от слёз, встретились с его лишёнными всякого блеска миндалевидными глазами унта. Губы Ирины медленно раскрылись и еле заметно пульсировали.

— Боря, я...ТОТ не должен...я не хочу, чтобы он знал. Купол открыла я...если открывает один, нас даже он не сможет увидеть.

Борис чувствовал запах и тепло её дыхания, но, невзирая на сладость аромата и ситуации в целом, он не ощущал влечения к ней, первобытного желания, которое притягивает мужчину к женщине.

— Консуэла тоже нарушила правило. Она вырвала меня из рук приёмных родителей,

они были людьми. Она нарушила правило номер один. Я не знаю, почему она ещё жива, но голоса Того, кто видит рядом с ней я ни разу не слышала.

— Не вредить людям. Что именно она сделала? Подробнее, как именно Консуэла тебя вырвала?

Луч надежды всё-таки забрезжил, поэтому Борис старался задавать правильные вопросы, которые, по его мнению, вытянут его из могилы.

— Мы жили в крупном особняке. Моя комната была на втором этаже. Консуэла протянула нить до моего окна и проникла в комнату. Она объяснила, кто я такая. Ну, а я поверила и пошла с ней. Мне тогда было двенадцать или что-то около того.

— Да, я понимаю, и не осуждаю, если ты об этом. Один момент. Ты точно уверена, что Консуэла навредила этим людям? Честно говоря, я так не думаю.

— А почему нет? Она украла их ребёнка, приёмного, но всё же. Вред есть, не думай, что его нет. Тут дело в другом, почувствовали ли они на себе этот вред. Мои опекуны были вредными и злыми людьми, и вся их прислуга была такой же, даже собаки злобно лаяли и кидались на всех подряд.

— Ещё им было наплевать, куда ты пропала.

— Или они просто подумали, что я сбежала из дома. Подростки ведь так делают.

Они по-прежнему сидели на коленях, слишком близко друг к другу. Ирина тяжёло дышала и с маской страха на лице смотрела на Бориса, который не отводил от неё глаз.

— И если сейчас твои опекуны вспомнят о твоей пропаже и начнут переживать — Консуэлу ждёт казнь.

— Этого я и боюсь. Ситуация похожа на твою, но всё-таки у тебя всё немного иначе. Когда блудный нарушает правило, его наказание могут отсрочить пока он не встанет на путь истинный. Ты активно движешься к финалу, поэтому я не могу больше молчать. Я была свидетелем такого наказания. И неважно, сколько лет пройдёт: год, три, пять.

— И остановить моё продвижение к истинному пути я тоже не могу, иначе Виктор нарушит правило.

Борис всегда думал, что правила придумывают, чтобы облегчить жизнь, но, прожив с ними всего час, уже попал в запутанную кабалу, которая пнула его под зад только через год.

— Я понимаю тебя, — Ирина положила руку на его плечо, — Я прожила полжизни как на пороховой бочке. Я хочу, чтобы ты и Консуэла были живы. Она постоянно говорит, какой ты хороший. Я верю ей, не могу не верить.

Юноша пододвинулся ближе и некрепко обнял её. Этот жест показался ему наиболее подходящим для данной ситуации. Ещё он надеялся её успокоить, а объятия гасят любое напряжение. Ирине не стало легче, она без особого нажима раздвинула его руки и поднялась.

— Ты что удумал?! — возмущалась она, пока Борис поднимался на ноги. — Я тебе помочь пытаюсь, а ты ко мне руки потянул!

— Ты помогаешь мне, а я тебе. Я хотел нервы твои успокоить. Ты же не хочешь стать одержимой?

— Не хочу, но и чтобы ты ко мне вот так вот лез, тоже не хочу.

— Что мы будем делать? В прошлом были те, кто смог отменить наказание? Можно ли искупить свои грехи, и так далее?

— Нет.

— Можно узнать действительно ли я нарушил правило?

— О чём ты думал, когда наводил пистолет на лицо своего учителя?

— Год прошёл, я уже не помню. Точно помню, что мне хотелось убежать от унтов, и Виктор сам предложил убить его. Всё равно его убьют, поэтому нет смысла тянуть.

— И тебе не кажется это странным, что Виктор попросил своего блудного нарушить правило? Наш правильный Виктор.

— Жертва слышит голос Того, кто видит перед казнью?

— Насколько мне известно, слышит.

— Тогда не кажется. Виктор услышал голос и попросил меня убить его. Все остальные унты были слишком далеко от Виктора, поэтому не услышали приказа. Я не услышал, потому что не был состоявшимся — полноценным унтом.

Когда разговор пошёл в другое русло, более конструктивное, лицо и голос Ирины начали становиться мягче.

— Если так. Ты не стал убивать его, тем самым обрёл себя на смерть.

— Получается так, — сказал Борис и почесал затылок, — Может, закончим на сегодня? У меня голова уже кипит.

— Не могу не согласиться. На последок только скажу, что Консуэла попросила помогать тебе, поэтому не стесняйся, в рамках разумного, конечно, — сказала Ирина и улыбнулась.

Она очертила подушечкой указательного пальца круг на груди и купол начал рассеиваться.

— Борис, если захочешь поговорить, пришли мне одного из своих животных, но не мышей или крыс, пожалуйста.

— В салоне или ателье встречаться не будем?

— Лучше на нейтральной территории, как эта. Можно встречаться в одном месте, это неопасно.

Когда купол полностью рассеялся, их окружило десять чёрных фигур, разных по размеру. Ирина и Борис стали спина к спине. Фигуры были маленькими, будто кто-то раскидал мешки. Ирина и Борис увидели глазами унтов, что это были десять собак: два бульмастифа, алабай, кавказская овчарка, два добермана, гончая, джек-рассел-терьер, питбуль и акита-ину. Каждая из них была похожа на сосуд, наполненный чёрным газом. Борис вспомнил того туалетного щенка, который выглядел в точности как эти псы. От шеи каждого из них тоже тянулись чёрные ленты, которые вели в тень одного из деревьев на площади.

Оттуда вышел высокий человек в фиолетовом пальто, в руке у него была трость, а из пальцев, одетых в чёрные перчатки, струились эти самые десять лент. Ирина отодвинула Бориса себе за спину, натянула и зажгла нить. Юноша положил в свой левый карман пару дымовых шашек, а в правом по прежнему держал палец на курке электрошокового пистолета.

— Добрый вечер, Борис, Ирина. Ждал, пока вы договорите, — голос Аристократа был такой же безжизненный как у Виктора.

— Что ты задумал, Аристократ? — сказала Ирина с неприкрытой неприязнью в голосе.

— Я бы хотел поговорить с Борисом, а это, — Аристократ выставил ладони перед собой, — для того, чтобы вы не разошлись после вашей беседы. Борис, ты там? Покажись.

Молодой унт стал рядом с Ириной, держа обе руки в карманах.

— Так-с, я пришёл лично сообщить, что с завтрашнего дня ты мой временный

сотрудник.

Борис чувствовал, как нить Ирины расплывается всё сильнее; его левая рука нагревалась так, что ещё чуть-чуть, и он её отдернет.

— Хорошо, я предупрежу Виктора. Во сколько и куда?

— В мой продуктовый к девяти. Спросишь у Виктора, где он.

— На этом всё?

Аристократ сжал кулаки и немного поднял руки. Собаки пошли к нему по одной. Первая пара бульмастифов прыгнула на его кулаки и, сжавшись в струйки дыма, вошли в фаланги больших пальцев. После того, как дым рассеялся на перчатках появились две собачьи морды, вышитые анфас серебряными нитками. То же самое сделали и остальные восемь собак.

— На этом не всё. Вы ведь обсуждали нарушенное Борисом правило, верно?

Огонь на нитках вмиг погас и руки Ирины опали плетью.

— Верно, — сказал Борис и сделал шаг вперёд, — У вас, видимо, есть информация для меня?

— Верно. Скажи мне, Какое оружие было у одержимых, которые дважды нападали на вас?

— Хлысты, булава, метательные ножи, когти и шипы.

— А ты видел у других унтов, кроме Виктора, такое оружие?

Ирина ахнула и прикрыла рот рукой, а затем убрала её и сказала:

— Борис, я тебе не сказала этого, потому что это не относилось к нашему делу. У Виктора были ученики, блудные, но о них ничего не известно. Мне Консуэла об этом говорила, честно говоря, это всё что я знаю.

— И их переработали в одержимых?

— Конкуренция, Борис. Ничего личного, — сказал Аристократ и развёл руками. — Выживает сильнейший, а он один из сильнейших.

— Так, стоп, — Борис поднял руки перед собой, — Зачем это ему? Тем более, если его блудный станет одержимым, то он нарушит правило.

— Он всех ставил на истинный путь. В конце обучения, они знали столько же, сколько и он, но спустя некоторое время они пропадали, — сказала Ирина.

Борис положил ладонь на макушку и усиленно начал её массировать. Голова раскалывалась.

— Какой смысл ему иметь соперников, особенно собственноручно выращенных? — последнее слово Аристократ произнес по слогам и простучал тростью на каждый.

— Хорошо, допустим. А как объяснить их превращение в одержимых? Это ведь непросто.

— Верно, непросто. Но ты сам прекрасно знаешь, что вывести унта из равновесия достаточно легко, — Аристократ демонстративно наклонился и посмотрел на Ирину через левое плечо Бориса, — нужно просто знать, куда давить.

Борис посмотрел на Ирину, её глаза унта сохраняли непоколебимость, а лицо твёрдое безразличие.

«Он умеет видеть сквозь купол или это часть манипуляции? Если это так, то я на неё не поддамся», — подумал Борис.

— Что это? — Борис показал пальцем на Аристократа, а потом на Ирину. — У вас какой-то шифр, тайный язык? Ладно, я вас понял. Давайте расходится.

— Тебе не интересно, как можно сделать из унта или хинта одержимого?

— Я предпочёл бы приём по защите от такого метода. Хорошо, до завтра. Спокойной вам ночи.

Юноша развернулся, подошёл к Ирине и сказал:

— Ты куда сейчас?

— И тебе, Борис, всего доброго, — ответил Аристократ и прошёл мимо них.

Ирина молчала и смотрела ему вслед, пока он не скрылся в темноте.

— Он не может видеть сквозь купол. Помни Борис, он страшный манипулятор и ему известно о тебе больше, чем ты про себя знаешь.

— Хорошо. Ты домой или в ателье?

— Я сама доеду, не беспокойся.

Ирина пошла по освещённой площади к перекрёстку, а Борис стоял на месте и провожал её взглядом, пока она не села в жёлтое такси. Внутри головы не прекращала пульсировать боль. Это чувство, то небольшое, что он ещё мог испытывать, но с удовольствием заменил бы его на что-то другое, можно даже менее приятное, например, стыд.

— Я понимаю, вам тяжело, — прозвенел зефирный голосок, — давайте вы отдохнёте, а я за вас подумаю.

— Давай в метро, а подумать можно и завтра.

Он вернулся домой и первым делом проверил бабушку, она лежала под одеялом в своей белой рубашке, которая служила ей верхом пижамы. Их квартира плохо отапливалась, поэтому поверх белоснежного одеяла лежало шерстяное покрывало грязно-коричневого цвета. Лицо её было мирным, и только красные глаза Бориса выбивались из этой спокойной картины.

— Я же должен был остаться здесь, — шептал он сам себе, — Раньше я б так и сделал. Мой бесчувственный разум предпочёл не опоздать на встречу. Зачем я вообще сделал эту татуировку? Я же не хотел... понимал, что она бесполезна.

Борис почувствовал, как боль перетекла в лобную часть головы, но на этом всё — по всему телу пустота: ни мурашек, ни сжатого горла, ни пульсирующих висков.

— Скорее всего, вы правы, — сказала змейка, пока располагалась на его плече.

Юноша прикрыл дверь в комнату бабушки и пошёл к себе.

— Думаешь? А как же ты? — он так и говорил шёпотом.

— А что я? — щекотала змейка его ухо, — С меня все неприятности и начались.

— Ладно, прости меня, что сделал тебя такой виноватой. Эскиз тату был скорее агрессивным. Видимо, Виктор не такой хороший мастер, — сказал он и поднял уголок губ, чтобы змейка видела.

— Так-то лучше, Борис. Сокрушаться по прошлому, которое уже не сможешь изменить, бесполезно. Вы же не могли этого предотвратить. Если бы вы не зашли к Виктору, то зашли к кому-нибудь другому.

Он переодевался в домашнюю одежду, пока слушал кобру, и, натягивая серые тряпичные шорты, ответил:

— Знаешь, а это действительно странно, что за восемнадцать лет я ни разу не попал к унту. А сейчас я прямо нарасхват.

— Нет, вы попадали. Самая первая ваша стрижка была сделана унтом. Если покопаться, можно ещё найти.

— Стой, не надо. Сама говорила, что не стоит сокрушаться по прошлому. Всё, было и

было.

Борис выключил свет и лёг на кровать в шортах и синей футболке и укрылся ворсистым покрывалом.

— А зубы почистить?

Он обычно чистил зубы себе, а затем той же щёткой клыки змейки. Ей очень нравилась эта процедура, поэтому она напомнила ему больше из собственной прихоти.

— Надо сделать сегодня что-то плохое. Пусть это будет моим наказанием.

Глава 8. Часть 1

Будильник сработал вовремя, но Борис не знал, куда ему идти. Вспомнил он об этом только, когда одевался, чтобы пойти по привычке на работу в тату-салон. Вчера он сильно устал и забыл поинтересоваться у Виктора, где этот продуктовый. Звонить и беспокоить мастера так рано, конечно же, не лучшая идея, но этот телефонный разговор всё-таки принёс свои плоды, и юноша поспешил в продуктовый магазин Аристократа. День был не такой пасмурный, как вчера, иногда голубое небо пробивалось через крохотные отверстия в тучах. Большинство людей носили лёгкие курточки, остальные ходили в майках, блузках и рубашках. Глядя на них из окна своей квартиры, не поймёшь, во что же сегодня одеться. Борис был в той же одежде, что и вчера. Сегодня она пахла ландышами.

Перед Борисом открылись створки автоматических дверей, над которыми красовалась белая вывеска с надписью «Чудо» красными буквами. Он зашёл в одинокое, квадратное здание, окружённое многоэтажными домами. Стены снаружи были облицованы красной и зеленой плитками, внутри царила та же палитра. Магазин уже был открыт и успел принять несколько посетителей, которые бродили по нему с продуктами в корзинках. Борис по наставлению первого попавшегося сотрудника пошёл на склад, где его ждал Аристократ. Он стоял напротив двери, расставив ноги на ширине плеч, и опирался на трость, которую держал перед собой двумя руками. Лицо как обычно ничего не выражало, а голова была высокомерно запрокинута назад.

— Молодец, не опоздал. Готов?

— Смотря к чему.

— Работать. конечно же. Тебя Виктор за этим послал: набираться опыта у братьев унтов, приобщаться к коллективу, работать в команде и так далее, и так далее. Но сперва поговорим. Расскажи про свой опыт работы.

Борису показалось странным, что Аристократ не предложил пройти в место, где можно присесть или просто пройтись. Они так и стояли друг напротив друга на отполированном, молочно-зелёном полу.

— Целый год работал подмастерьем в салоне Виктора...

— Не-не-не, постарайся не тратить моё время. Я это и так знаю.

— Кладовщиком работал не долго, четыре дня.

— Интересно.

— До этого года два или полтора работал расклейщиком объявлений, официантом и курьером. Работу постоянно менял, не скажу, сколько точно проработал на каждой из них.

— А про четыре дня кладовщиком хотелось бы поподробнее.

Если бы это было настоящее собеседование, юноша обязательно умолчал про тот случай. Это самая серьёзная компрометация потенциального работника перед будущим начальством. Ты либо ушёл сам, не выдержав «комфортных» условий работы, либо тебя вышвырнули за профнепригодность. Третьего не дано. Сейчас Борис не боялся, это место и так гарантировано, тем более страха он теперь вообще не испытывал.

— Склад только открылся, я начал работать, ко мне приставили наставницу — хорошая женщина. Я быстро вникнул во всё, что она мне говорила, не без ошибок, конечно. Замечаний особых не было, начальник говорил, что я делаю работу не так быстро, как нужно. Но я ведь новичок, конечно, я буду осторожен во всём, — Борис, понимая всю неофициальность

диалога, всё равно подбирал слова, подходящие для настоящего собеседования.

— А ты не замечал за своим начальником...знаешь, такое поклонение успеху? Может он читал книжки по саморазвитию, постоянно о них говорил? Такой человек-мотивация, человек — успешный успех.

— Да именно так, продуктивность, успех, всё это про него. Мне казалось, что кроме успеха его ничего не интересует.

— Типичный фанатик. Не парься. Таких деспотов среди нашего брата полно. В его представлении работник должен встать на рельсы и тащить за собой весь состав с первого дня, но в жизни так не бывает. Люди ведь не машины.

У Бориса в голове сразу блеснула мысль о том, что Аристократ к нему подлизывается: корчит из себя рубаху парня. Судя по его опыту, это было впервые, обычно начальники предпочитали не сближаться и показывали, что они на ступень выше в пищевой цепи. Для Аристократа этот шаг был слишком очевидным, поэтому юноша насторожился ещё сильнее.

— Вот в этом-то и дело. Я готов усердно трудиться, но мне не дают. Ему не терпится, чтобы я стал профессионалом с первого дня.

— У нас такого нет. Я разработал для каждой точки программу обучения и управления, — Аристократ махнул головой вправо на висевшую в углу камеру с козырьком, — Тебя обучение, конечно же, не особо должно интересовать; ты тут ненадолго. А про камеры не забывай. Считай, что за тобой следит не только ТОТ, но и я.

— Здорово, — Борис фиксировал каждый выпад — сначала втирался в доверие, теперь угрожает.

— Ты сюда едешь на метро? Компенсация за транспорт нужна?

— Нет. Оставьте себе. Я тут недалеко живу.

— Пока да. Но тебе нужно будет побывать во всех моих заведениях. На метро едешь? Я пополнию тебе карту на несколько поездок.

— Да, пусть будет метро.

— Странное место. Вагоны, считай, оплот правильного поведения: стены завешены плакатами, голос вещает указания, а экраны показывают фильмы, как себя вести. Но там не всё продуманно, — Аристократ сдвинулся с места и пошёл направо, приглашая Бориса жестом последовать за ним, — Ты слышал, как голос в вагоне говорит, что нужно уступать место пожилым людям и женщинам с детьми.

Борис хотел его поправить, но промолчал: не хотелось показаться душной личностью при первой беседе с глазу на глаз. Юноша молчал и смотрел на Аристократа, который продолжал говорить:

— Получается, что правило предписывает, не уступать места мужчинам с детьми. Диктор так и говорит, что раз ты вышел гулять с папой, то будь добр постоять, — Они дошли до конца склада, развернулись и пошли обратно, — А в других вагонах запись уже куда более продуманная; там диктор говорит, что нужно уступать место пассажирам с детьми. И всё это в границах одного города.

— Думаю, всё зависит от воспитания. Кого хорошо воспитали, тот и так знает, как ему поступить.

— Но они не просто так вещают. Так они показывают, как нужно себя вести. Раз ты зашёл в вагон — будь добр. Не хочешь делать так, как мы говорим, тогда выметайся и не возвращайся.

— Не думаю, что меня выгонят из вагона, если я не буду уступать место.

— Это зависит от воспитания. Если там будет Виктор, он тебя за шкуру поднимет и не опустит, пока на твое место не присядет какая-нибудь бабка.

— Что там с работой? — Борис понимал, что это уже выливается в спор, а с этим унтом ему соперничать не хотелось.

Аристократ остановился, повернулся к нему и опять выставил перед собой трость так, что юноше пришлось сделать шаг назад.

— Ты видел раньше хинтов? Общался с ними?

— Видел, когда впервые пришёл в бар. Только так и не поговорил с ними. Виктор говорил, что устроит с ними встречу позже. Пока этим не стоит забивать...

— Вот и славно. Нужно доставить продукты одному хинту. Иди в зал и найди черноволосого парня с большим носом. Он выдаст тебе рюкзак с заказом, адрес и контакты клиента. Можешь задержаться у этого хинта, если хочешь.

Борис сразу развернулся и последовал в зал.

— Пока я не сказал, что ты можешь идти, от меня не отходи. Хорошо?

— Хорошо. Я могу идти?

— Можешь.

Это «хорошо» в конце предложения, Борис воспринимал как элемент влияния. Так манипулятор заставлял собеседника взять на себя ответственность. Каждое такое «хорошо» задевало его, а в пользователя этого гнилого приёма навсегда въедался ярлык.

— Привет, новичок, — сказал молодой человек с чёрными волосами, — куда идти знаешь?

— Разберусь. Мне бы адрес.

Работник поставил на кассовую ленту курьерский зелёный рюкзак с множеством красных кружков и надписью «Чудо» на нём, вытянул из верхней складки белую бумажку и протянул Борису.

— Видок у тебя конечно вообще не курьерский. Малиот подумает, что ему элитную доставку организовали, и на порог не пустит.

— Церковь значит, — сказал Борис, надевая увесистый рюкзак, чей вес показался юноше таким внушительным. — Особые наставления будут?

— Особо с ним не трепись и не пугайся. Ты же хинтов раньше не видел, — он не понижал тон голоса, невзирая на посетителей, которые проходили мимо совсем близко.

— Спасибо, учту.

Молодой унт так и знал, что его направят в ближайшую церковь инсентов только по одному слову «малиот». Санов этой религии очень мало и о них знали даже те, кто к ней отношения не имел, как например, Борис и его бабушка. Малиот — служитель церкви инсентов, главный человек в ней. Могут быть как мужчины, так и женщины. Малиот проводит службу, следит за порядком и управлением церковью. Высшим саном считается Матриарх — глава духовенства на отдельно взятой территории. Им может стать только женщина, потому что учение этой веры завязано на сдерживании своих чувств и эмоций, а женщинам это делать сложнее всего. На начальной ступени стоят анлоты, которые помогают малиотам. Обычно при церкви на одного малиота приходится от пяти до семи анлотов.

Церковь находилась в двух кварталах от продуктового магазина в противоположную сторону от дома Бориса. Здание было большим и старым, несмотря на то, что его не раз реставрировали, оно выглядело на свои сто с лишним лет. Эта церковь была построена в

готическом стиле, но с одним отличием: стены раскрашены в небесно-голубой и белый. Символ веры — это знак эмоционального равновесия. Юноша стоял у входа в церковь и смотрел на него. Над двустворчатыми дверьми висели две позолоченные линии, которыми обычно изображают улыбку, одна зеркально другой, будто буква «Х» составленная из двух скобок упала на бок

Он позвонил по номеру, указанному на листочке, ему ответил мужской голос, звонкий и чрезмерно весёлый, Борису даже показалось, что этот человек пьян. Собеседник сказал, что нужно зайти в главный вход и на первом повороте направо зайти в деревянную дверь.

Внутри церкви находились две пожилые женщины, которые стояли перед алтарём, который представлял собой двухметровый символ веры, выполненный из позолоченного железа. Молодой мужчина проходил вдоль стен и разглядывал фрески с изображением красочного мира, в котором люди радовались жизни или наоборот грустили и плакали. На стенах можно было найти людей с любой существующей эмоцией или без них, если человека изображали отдельно на портрете. Их лица были нарисованы слишком детально, такое ощущение, что лицевых мышц им добавили больше чем нужно.

Борис прошёл мимо белоснежной колонны направо, там его ждал мужчина лет сорока с квадратным, постным лицом и залезанными набок волосами пшеничного цвета. Одет он был в белую рясу с золотыми узорами на воротнике и рукавах. Когда юноша подошёл к нему ближе, мужчина выставил перед собой, шурша цепочкой, небольшой символ веры, который весел у него на шее, закрыл свои зелёные глаза и кивнул. Незнакомец пригласил Бориса войти широким жестом, а сам стал слева. Когда дверь закрылась, в служителя церкви словно бес вселился: он громко рассмеялся и скорчил злобную физиономию.

— Приветствую тебя! Ты Борис, верно?! Рад тебя видеть, Боря! Спасибо, что принёс мне продукты!

Юный унт снял рюкзак и держал его в опущенных руках. Такой реакции он, конечно же, не ожидал, но, похоже, перед ним был тот самый хинт-малиот.

— Где я могу поставить рюкзак? Точнее куда выложить продукты?

Малиот указал юноше за спину, всплеснув руками. Комната, в которой они находились, была просторной, но в ней стояли только письменный стол, три стула, скамья и шкаф. Вся мебель из резного дерева и, похоже, вышла из-под руки одного мастера. Стены и потолок были побелены, а пол выложен из досок, которые скрипели под ногами. Борис выкладывал содержимое из рюкзака, смотрел на мужчину и говорил:

— Честно говоря, я не думал, что вы так живо выражаете эмоции. Я б даже сказал, больше чем нужно.

— Ох-ох, конечно ты насмотрелся на неподвижные лица унтов, а тут такой праздник, — Малиот вытер проступающие слёзы. — Мне так тебя жалко. Ты торопишься?

— Нет, не тороплюсь. А как я могу к вам обращаться?

Мужчина, глядя на потолок, постукал себя пальцем по подбородку так игриво как ребёнок.

— Можешь называть меня Малиот, дорогой. Так будет даже проще. Я слышал, что ты раньше не общался с хинтами. Как так-то?

Если бы перед Борисом был актёр, то юноша подумал, что тот переигрывает.

— Виктор говорит, что пока рано видаться с хинтами, и я особо не настаивал. Сами знаете, он уважает правила, даже самые незначительные.

— Это да. Но первым делом дела. Ты закончил?

Борис отошёл в сторону, а Малиот подошёл к столу и начал разглядывать принесённые вещи. Только сейчас юноша обратил внимание на то, что он принёс. Стекланные и холодные на ощупь предметы, не были бутылками с напитками, это оказались прозрачные, остроконечные кристаллы, наполненные голубоватой жидкостью с жёлтым бесформенным комком, который жался к верхней стенке, будто пузырёк воздуха. Их лежало на столе шесть штук. Два рыхлых, тёплых свёртка, которые проминались в руках как хлеб, были похожи на мешковину. Через поры этого материала пробивался красный свет. Десять сфер тёмно-багрового цвета, которые неопытный унт принял за яблоки, разложенные в два целлофановых пакета. Малиот развернул один из них и достал шарик, который переливался на свету золотым перламутром.

— Видел такие раньше? — сказал Малиот и протянул шарик Борису, сжимая его большим и указательным пальцами. Другой рукой он замахал и издал какой-то странный мычащий звук.

— Это изделие унтов? Честно говоря, я знаком только с маской, такой с лицом восточной женщины.

— Ха-ха, Виктор и вправду до жути последовательный. Ты прав, это изделие унтов. Тебе уже известно, что сила унтов завязана на тьме и огне?

— Я и сам догадался, но мне это объясняли.

Малиот положил сферу на стол на самый край и продолжил:

— Сила хинтов в противоположных материях: свете и воде. При этом мы можем обмениваться силой друг с другом, как единый народ в знак доверия друг к другу. Не бесплатно, конечно, но всё же.

Борис вспомнил первую их стычку с одержимыми, тогда целый ледяной столб вырос за его спиной, замуровав одержимого с хлыстами.

— Я видел, как Виктор вырастил огромный ледник посреди улицы.

— Для этого нужен вот этот малыш, — Малиот нежно провёл пальцем по прозрачному кристаллу. — Иногда унты перекупают у хинтов и продают другим хинтам — это тоже в порядке вещей, — он судорожно вздохнул и добавил: — Но я сделал бы иначе.

— И как же? — Борису не было интересно, он просто хотел поддержать разговор.

— Я бы сделал смешанную версию наших технологий. Представь себе: свет и тьма, лёд и пламень! — громко разливался Малиот в своей тираде, активно размахивая руками. — Никаких границ и полная свобода!

Тут Малиот толи случайно, толи специально столкнул багровую сферу на пол. Она упала и раскололась как ёлочная игрушка, и всю комнату вмиг заволокла тьма, словно они оказались под куполом. Борис спрятал левую руку за спину и материализовал электрошокер-дубинку. Пространство, в котором они находились, было значительно теснее того размаха, с которым купол покрывал всё вокруг. Юноша мог дотянуться рукой до стен и потолка сферы, а оболочка была того же тёмно-багрового цвета, что и расколовшийся шарик.

Малиот обошёл стол и стал напротив гостя. Лицо мужчины было по-прежнему слишком радостное и доброжелательное, но его глаза изменились. Он протянул юноше цветок лилии, который неполностью распустился. Бутон, листочки и тонкий стебель не были от мира сего, они светились золотым заревом; полосы света как живые плясали, кружились, входили у основания, а выходили у вершков. Борис не ожидал увидеть такой красоты, казалось, что хинт сотворил жизнь из ничего, и она была прекраснее тех существ, что обитают на Земле. Юноша снова посмотрел на лицо Малиота. Белки его глаз светились тем же золотом, что и

лилия. Хрусталик стал белоснежным, а зрачок принял форму жёлтого креста — линии пересекались геометрически ровно под прямым углом и брали своё начало из солнечных белков.

Глава 8. Часть 2

— Не бойся, — сказал Малиот, протягивая ему цветок. — По глазам вижу, что ты воспользовался силой и за спиной у тебя что-то есть.

Борис опустил левую руку, и электрошокер-дубинка превратилась в дым.

— Любопытно, что это не пистолет или нож. Не похоже на Виктора, да и на унтов в целом. Неужели тебе до сих пор не объяснили, как поступают с нарушителями правил?

— В том-то и дело, что объяснили. Я не должен это делать, никто не должен.

Неподвижная лилия была от Бориса на расстоянии вытянутой руки, но казалось, что цветок приближается. Чувство, как в тот раз, когда он впервые практиковался с куском сала. Теперь с одним отличием — он тянулся к цветку. Однако, такое чувство не вызывали другие объекты, которые обладали магией хинтов: сам Малиот или кристаллы на столе.

— О-хо-хо! Ты хоть понял, чем может обернуться этот протест? И казалось бы, нарушители сами виноваты. Это не яма, в которую можно случайно наступить. Правила просто так не нарушишь.

«Ну да, ну да, что ты говоришь, прямо так запросто и не нарушишь», — подумал Борис.

Малиот щёлкнул пальцами, в которых лежал цветок. Лилия вспыхнула, и от неё отлетели золотые и слегка прозрачные ленты света. Они ударялись о стены и потолок сферы, и по её поверхности начали расходиться трещины. Малиот отошёл к столу, заливаясь смехом, и принялся укладывать в выдвинутой ящик принесённые Борисом предметы. Осколки сферы осыпались и растворялись, не долетая до пола.

— Честно говоря, зря я начал этот разговор. Дело, конечно, твоё. Правилами не запрещено, идти против этих самых правил. Я же угадал, ты не собираешься просто отворачиваться от наказаний? — лицо Малиота вмиг посерьёзнело.

— Угадали. Хорошо, что это тоже не запрещено.

— Позволь я задам последний вопрос, и мы сменим тему, — Малиот вернулся к своей игривой манере. — Можешь ответить, как хочешь, — даже да или нет сойдёт. У тебя есть план?

— Нет. Нет того решения, которое устроит всех.

— Они тебя в пепел превратят, когда будет нужно, а ты думаешь, как бы их не задело. Хотя нет-нет, я же обещал, что на этом всё. Ты же слышал о нашей вере?

Борис кивнул, а Малиот только после этого продолжил:

— Вам унтам такая религия припала бы в пору. Вам и делать ничего не надо, а вас будут принимать за глубоко верующих, — сказал Малиот и раскатисто рассмеялся, а потом резко прервал себя и нарисовал на рту символ веры указательным пальцем.

Юноша, понимая, что разговор не будет коротким, уселся на скамью позади него.

— А Виктор бы попросил разрешения присесть.

— Так я не Виктор, — на выдохе сказал Борис, пока вставал, — но всё-таки простите меня. Может, мы присядем?

— Нет. Лучше пройдемся по церкви. Я тебе всё расскажу.

Малиот указал на дверь и когда он взялся за ручку, то посмотрел на Бориса; яркая улыбка исчезла с лица хранителя церкви, уступив место неподвижной маске. Мужчина слишком сильно изменился, молодого унта не оставила равнодушным разница между двумя оттенками этого хинта. Он даже хотел броситься на него, чтобы пощекотать.

Когда дверь открылась, Борис увидел, что в просторной зале стало больше людей. Они стояли в очередях к четырём столам, которые огибали кругом колонны, поддерживающие свод. Лица прихожан были спокойными и умиротворёнными, их глаза смотрели строго в одну точку. Некоторые переговаривались, но делали это кротко, односложно и приглушёнными голосами. Столы были накрыты белыми скатертями с красными вышивками символа веры во всю длину; на каждом стояла серебряная чаша с прозрачной жидкостью, а оставшееся место занимали пухлые кубики шоколада размером со спичечный коробок. Около каждого стола стояло по одному юноше, все они были одеты в одинаковые синие рясы с белыми полосками на рукавах и подолах.

— Сегодня суббота, день, когда наш Бог разрешает получить удовольствие от сладкого, — сказал Малиот в полголоса. — Только нужно насладиться одним ломтиком сполна, не спеша пережевывая и проникаясь каждой гранью вкуса.

Борис заметил, что прихожане в очередях смотрят на человека, который поедает шоколад. Они смиренно ждут, у всех руки опущены и скрещены замком. Такое положение показалось Борису неудобным, потому что предплечья скручивались в своеобразную спираль. Видимо, это был аналог сложенных ладоней.

— Да. Вполне разумно, — Борис подстроился под звук голоса своего собеседника. — Когда ем шоколад, уже на третьей дольке перестаю чувствовать тот самый вкус, удовольствие, что было при первом укусе.

— Вот, — Малиот приобнял Бориса и выставил руку вперёд, — попробуй. Дети мои, — обратился он громко к прихожанам, — позвольте непосвященному приобщиться к нашему таинству.

Прихожане, не успел Малиот закончить, сделали шаг в сторону. Их глаза теперь смотрели на юношу, который сразу же пошёл к столу.

— Смочи перста в чаше.

Борис опустил пальцы в чашу, от которой пахло медицинским спиртом.

— Стряхни лишнее и бери этими перстами шоколад. Клади его целиком в рот и обсасывай, пока он не начнёт плавиться.

Шоколад был горьким, сладость почти не чувствовалась, только горечь, которая расцветала ближе к горлу.

— Теперь пережёвывай, медленно и старайся держать кусочки на языке.

Он исполнял указания Малиота и мельком поглядывал на прихожан, ему показалось, что у них как-то посветлели глаза. Неужели унт среди этих верующих действительно в почёте? Борис жевал так медленно, что челюсть начало сводить. Когда его рот был полон шоколадной массы, он посмотрел на Малиота, ожидая приказа проглотить.

— Погоняй во рту немного, посмакуй и проглатывай. Всё как можно медленнее.

— Спасибо, — сказал Борис верующим, пропустившим его без очереди, и кивнул, изображая поклон.

Он подошел к Малиоту, а прихожане вернулись к своему ритуалу. Юноша наклонился к уху мужчины и самым тихим шепотом, на который был способен, сказал:

— А вы сами в это верите?

Малиот отпрянул от него, но в лице не изменился.

— Конечно верю. И моя вера столь же крепка, как и желание не навредить людям. Давай продолжим в том дальнем углу, чтобы не мешать им.

Пока они шли в укромное место рядом с алтарём, Малиот указывал на расписанные

стены, чуть ли не глядя их. Пейзажи были изображением того рая, в который попадают adeptы религии, если соблюдают заповеди. На портретах запечатлены святые, как пример подвига ради веры, а он описан в табличке рядом с каждой картиной.

Малиот объяснил, что заповедей, которые чтут инсенты, как и правил для хинтов и унтов, семь штук:

Не вреди другим.

Неси учение людям, но не умоляй, не угрожай, не ври.

Помогай всем, кто утратил над собой контроль и рушит свою душу.

Чти личные владения. Любой обмен выполняй честно.

Не убей. Не кради. Не прелюбодействуй.

Чти предков и думай о детях.

Помни, кто ты есть и не давай забывать остальным.

— Они даже чем-то похожи, только наказания разные, — сказал Малиот.

— Вот они не знают наверняка, что их ждёт за нарушение правил, — оттуда ещё никто не вернулся. Но они продолжают чтить свои заповеди. Почему бы не сделать то же самое для хинтов и унтов? Если мы так любим людей, почему не использовать их же методы?

— Не все они соблюдают заповеди, ты сам это прекрасно понимаешь. Кто в наше время не без греха? Хотя представь, чтобы случилось, если у них было то же самое, что и у нас. Абсолютный порядок, все бы по струнке ходили. Но убивать запрещено пятой заповедью, поэтому живут они вот так.

— Порядок не должен коваться страхом.

— Сильно сказано, но смысла в этих словах нет, пока нет альтернативы. Модель работает уже тысячи лет. Такое не сломаешь.

— Зачем ломать, когда можно просто изменить, переплавить?

— Вот и займись, а я погляжу. Ты спросил о моей вере. Без веры я бы не получал силы. Хинт собирает безин у людей, которые подавляют свои порывы. Так и зародилась эта вера Инсен, хинты придумали её. Меня всё устраивает, и менять я ничего не хочу.

У Бориса не было другого выбора, кроме как изменить существующий порядок. Он зажат своими принципами и нарушенным правилом. Ему хотелось рассказать об этом Малиоту, чтобы в его глазах укрепить свою решимость всё поменять. Юноша хотел, чтобы среди палачей, которые придут за ним, хотя бы не было его знакомых.

— Я займусь. А вы тогда смотрите. Смотрите, как рушится ваш тысячелетний механизм, и даже не смейте отворачиваться, — ответил Борис, голос его был холоден и твёрд. — Постарайтесь прочувствовать падение всем букетом своих эмоций и чувств.

Каменная маска на лице Малиота треснула, и он улыбнулся, оскалив зубы. Мужчина резким движением руки прикрыл рот и завертелся на месте, оглядываясь по сторонам.

— Спасибо вам, — сказал Борис, — простите, что наша встреча так нелепо закончилась. До свиданья.

Он уходил неспешно, внутри было пусто: ни чувства стыда или тяжести от совершённой глупости. Молодой унт понимал, что серьёзно оступился, и теперь не получится сослаться на то, что им двигал ураган чувств и эмоций. Борис высказал слова, которые были у него на душе. Он стал загнанным в угол зверем, ему просто не оставили выбора.

Когда Борис спускался по ступенькам храма, он заметил краем глаза движение сбоку за

перилами и подошёл ближе. В углу между ступеньками и зданием сидел мужчина, брюнет лет тридцати, закутанный в пыльное, грязное белое покрывало с жёлтыми подтёками. На его худосочном теле висела относительно чистая одежда, которая была такой, по крайней мере, с утра. Сам он тоже отличался схожей опрятностью.

Когда мужчина увидел Бориса, то сильнее вжался в угол и натянул выше покрывало. Юноша присел на корточки и начал вглядываться в лицо бродяги, его потянуло к незнакомцу так же, как и к цветку в руках Малиота. Ему хотелось заглянуть в глаза и увидеть то, что миг объяснило это притяжение. Бродяга бросил на него взгляд дрожащих зрачков. Белки были золотыми, радужка белая как чистый лист бумаги, на котором лежал крест.

— Это одержимый... хинт-одержимый, — сказал Малиот, стоя у открытой двери, — Мы помогаем ему, как можем, но его прямо тянет к этому углу.

— Он чего-то боится?

— Конечно. А ещё он стесняется, любит, терпит и так далее. Над ним взяли верх чувства, которые сдерживают людей. Такие одержимые не вредны, поэтому их не убивают, — губы Малиота задрожали, и он прикрыл их рукавом.

— Как его зовут?

— Кличка «Крестец», но называли его Митей. Он был анлотом. Ещё немного и стал бы малиотом, мог встать во главе церкви... этой церкви. Анлотов ты видел сегодня, мальчики, которые стояли рядом со столами.

— И как это случилось? Как он стал одержимым?

— На этот вопрос тебе точно никто не ответит. В чужие чувства с головой не залезть. Никто ведь не знает, что у другого на уме. Я думаю, он слишком долго сдерживал себя и поддавался чувствам.

— Сгорел на работе, получается. Да, интересно получается.

— Но не все хинты такие, есть же хозяйева кафе, например. Кто идёт по пути веры рискует больше всех.

— Но и получает больше, — сказал Борис, посмотрел последний раз в дрожащие глаза бродяги и поднялся, — Простите, если что не так, Малиот. До свидания.

— Погоди, Борис, — сказал он и протянул юноше синий футляр, который держал в рукаве, — передашь Аристократу. Только держи в руках и сильно не сжимай.

— Хорошо. Могу идти?

— Конечно. До встречи. Заходи, когда надумаешь. Здесь тебе всегда будут рады.

Борис по пути до магазина думал о парадоксе хинтов и унтов. Одни собирают чувства и эмоции, которые завязаны на сдерживании себя, но при этом, чтобы им не поддаться они раскручивают бурю внутри и спускают с поводка свои лицевые мышцы, громкие голоса и раскатистые жесты. Другие собирают всё это буйство чувств и эмоций, но при этом сами их не испытывают и всячески подавляют, либо держат их под контролем, но от людей таких унтов не отличить.

Ещё его мысли занимал неудачный разговор с Малиотом. Он понимал, что грубо с ним обошёлся, но не мог найти причину такого отношения, возможно, на уровне инстинктов унты не любят хинтов. Одни отличаются от других, и помимо внутренней конкуренции, соперничают ещё между собой. Борис находил причину, которая скрывалась в его натуре. Для него было очевидным, что они не правы. Особенно сильно заблуждается Малиот, который хочет залезть в порядок простых вещей, но до сложных ему дела нет. Мало того, он ещё сомневается в способностях Бориса и смеётся над ним.

Казалось бы, ничего сложного сделать так, чтобы соплеменники не убивали друг друга. Раньше эта идея не вызвала у него сомнений, но сейчас, когда чувства оставили его, ему казалось, что он сам с решимостью отдастся в лапы смерти или отправит к костлявой кого-нибудь. Юноша перестал чувствовать потребность в жизни, то же самое, наверняка, ощущают остальные. Можно сказать, что смерть уже наступила. Если ты мёртв, то почему все остальные должны жить? Он понимал свою участь и осознавал положение своих соплеменников унтов: быть прислужниками людей, собирать их безин, и по этой причине, оставаться полыми внутри. Судя по всему, не все такие полые, как Борис, Виктор или Аристократ. Консуэла, Ирина, Никита не окончательно опустели, но их внутренний мир не менее хрупок. Им нельзя жить так, как велит сердце, а можно только сдерживать и контролировать себя. Они мертвы только отчасти.

Как же вложить жизнь в тех, для кого она губительна?

— О, Борис, привет, — сказал знакомый женский голос.

Юноша, погружённый в собственные раздумья, смотрел под ноги. Ему на глаза попались тёмно-коричневые сапожки на невысоком каблуке, бесцветные колготки, выглядывающие из-под бежевого плаща, чёрная обтягивающая юбка и белая блузка. Для такого делового стиля она, наверняка, шла на обед, хотя обычно предпочитала есть за рабочим столом и после продолжала работать. Борис поднял глаза выше и произнёс:

— Добрый день, Элла, — у него ещё с прошлой работы выработалась привычка переходить на официальный стиль общения с коллегами, которые были старше его по возрасту.

— Как ты? Работаешь? — сказала Элла и поправила свои длинные, крашенные волосы — блондинку выдавали её чёрные корни. Борис не сразу признал её от этой смены имиджа.

— Да, улаживал рабочие моменты.

— Кем работаешь?

— Я татуировщик, — сказал он и отодвинул правый рукав, обнажив рогатку, — вот сам себе набил.

Элла улыбнулась, и на её лице можно было прочитать удивление и тёплый восторг.

— Неожиданно. Ты всегда был такой тихий и закрытый мальчик, а тут такое. Удивил. Как тебя угораздило? Я думала, ты сделаешь тату и на этом всё.

— Не скажу, что ваш совет обратиться к Виктору изменил мою жизнь. Точно не помню, как так произошло, что я стал татуировщиком.

— А как унтом стал, помнишь?

***

В тот последний, четвёртый день на его предыдущей работе Борис сидел за столом и размышлял: «Зачем я тут сижу? Уже третий час дня, мне хочется спать, а пойти поспать я не могу. Вместо работы я думаю о белке, которая бежит в колесе внутри моей головы».

Этой белке приходится действительно несладко. Всё, что она видит своими потухшими глазами — грязно-розовое пятно ступенек бегового круга, сменяющих друг друга, как кадры киноплёнки. Вся шёрстка в затылках от бесконечно льющегося пота. Лапки забинтованы узкими полосками белой ленты с багровыми пятнами. Хвост отняли — для бега он не нужен и в колесо может зажевать.

— Фух, как жарко! — пожаловалась Элла, которая сидела за соседним столом. — Духота, дождь будет.

Он ничего ей не ответил и вернулся к работе. У каждого свой метод, как отодрать себя

от работы, а он свой уже использовал. Но одна мысль всё же проскользнула: «Мы сидим в огромном контейнере с окошками, холодно как в погребе, а ей жарко. Хотя может всему виной чёрные волосы».

Они сидели за одним столом без барьера перед двумя дешёвыми компьютерами, в будке рядом с огромным вырезом железных ворот — это главный вход в здание, построенное из бетона и железных листов. На рядах стеллажей, которые уходили вдаль на десятки метров и вверх на трёхэтажную высоту, лежали деревянные коробки. Между рядами ходили рабочие и ездили тихоходные погрузчики со свежей партией, которую Борис и Элла вносили в базу.

Скромные владения осматривал нескромный хозяин. Он раздавал указания, которые работники выполняли по-своему, поднимал отдыхающих и, так как нагадил ещё не всем в душу, направился в будку. Лысый мужчина в белой рубашке, чёрных джинсах и блестящих строгих туфлях выделялся в толпе грязных и запylённых работяг. Его отличительной чертой была борода вокруг рта, такую называли бородой Генриха IV, властью которого начальник, по его мнению, обладал. Улыбающаяся голова заглянула в тесный офис, но волны морщин были куда более заметными, чем отбеленные зубы.

— Элла, выйди, пожалуйста, — сказал он.

Соседка вышла, виляя бёдрами, которые обтягивало чёрное платье чуть ниже колен. Элла прошла мимо начальника, глядя своими светло-голубыми глазами перед собой. Она еле заметно улыбнулась, чувствуя на себе довольный взгляд начальника. Когда Элла вышла, он проводил её взглядом, опустив глаза вниз.

Шеф сел на кресло Эллы и отъехал к крайней стенке.

— Борис, мы уже обсуждали твою скорость, — лицо его было серьёзным и недоброжелательным. — Мы обсуждали, какой объём тебя ждёт, а ты не справляешься даже с этим.

Борис за очень короткий срок подстроил под себя систему электронного учёта поступающего товара, пока здесь работал. Причина в том, что для обучения работе с программой выделили неприлично мало сил и времени. В тот момент он чувствовал горечь оттого, что его инновации на глазах сжигают и топчутся на пепле. Начальник продолжал экзекуцию:

— Улучшений в работе нет. Нужно делать больше, а исправлений нет.

«Улучшений не было с самого начала: обучения нет, нужно выпрашивать официальное оформление и оплату связи», — разгорался в мыслях Борис, а на деле сказал: «Я всё понимаю».

— В общем, Борис, наша компания благодарит тебя за проделанный труд, но с завтрашнего дня наши пути расходятся.

Лицо шефа из серьёзного обратилось в радостное быстрее, чем зажигается лампочка накаливания.

«И что он лыбится? Типа гасит боль от потраченных впустую четырёх дней жизни? Лучше бы обучение поменял, всё под себя переделывать приходится», — юноша закипал в своих мыслях, а радостная белка в его голове втаптывала сломанное колесо в землю.

— Зарплату пересчитаем и вышлем на неделе.

Лицо Бориса было пустым, а в груди затухал слабый огонёк надежды, что это просто проверка на вшивость и его на самом деле не выгоняют с работы. Иногда сходить с короткого пути неприятнее, потому что ещё не узнал обо всех недостатках, ямах и острых камнях под ногами.

Улыбка начальника была самой лживой на его памяти, если сравнить с улыбкой Виктора. Её он хотя бы понимал.

***

Элла ожидала ответа Бориса, а он смотрел на её украшения: золотые серьги с подковами, поднятыми кверху, и такая же подвеска на тонкой цепочке. Она носила их каждый день на работе, когда они были коллегами.

— Ты унт? — спросил Борис, приглушая голос.

Вместо ответа Элла улыбнулась и протянула ему розу, которая в одно мгновение оказалась у неё в руке. Тонкий стебель, пара остроконечных листиков и закрытый бутон были чёрными, будто вырезанные из цельного куска угля. Юноша потянул к цветку руку, но стоило ему коснуться нежного лепестка, как роза осыпалась на тротуар, словно перетертый в пыль грифель карандаша. На него смотрели чёрные глаза унта на застывшем лице.

— Я люблю цветы. С детства мечтала работать в цветочном магазине. Даже моя сила связана с ними. Но мне не повезло...

Нижняя губа Эллы задрожала, а её светло-голубые глаза увлажнились.

— Ты так и работаешь там?

— Да, — сказала Элла, всхлипывая. Она глубоко вдохнула, взяла себя в руки и продолжила: — У меня нет своего заведения. Я подумывала набрать кредитов и открыть скромный цветочный магазинчик, но, сам понимаешь, правило номер два держит меня от такой идеи подальше.

— Элла, прости меня за вопрос. А ты не из-за правила номер два потеряла заведение?

— Борис, не спрашивай женщину о её горе. Если будет нужно, она сама тебе всё расскажет.

— Да, простите. А почему вы работаете с такими отвратительными типами? И ещё, унтам можно работать на людей?

— Унтам не запрещено работать на кого-то. Только есть одно но: нельзя долго собирать безин с одного человека. Если собирать его больше года — причинишь ему вред. Приходится часто менять работу.

— Ты ведь тоже тогда проходила обучение вместе со мной?

— Да, мы и на работу поступили примерно в одно время, но я оказалась более успешной, чем ты, — сказала она, довольная собой, и положила ладони на пояс.

— Вижу, как твой успех руками не обхватить.

Элла взорвалась смехом, положила ему руку на плечо и оперлась на него. Смеялась она недолго, а когда закончила, сказала:

— Да, для хороших шуток ум нужен, а не сердце, — Элла резко но театрально посерьёзнела и добавила: — Но ты так больше не шути. Угу?

— Угу.

— Ты к Жирафу сейчас?

— Нет, к Аристократу. Я временно у него работаю. Виктор направил, опыта набраться. Элла, а почему ты направила меня именно к Виктору? Вон у Аристократа тоже есть тату-салон.

— Ага, к этому диктатору? Мой тебе совет: не задерживайся у него. Как только почувствуешь неладное, сразу беги, во всех смыслах этого слова.

— А к Виктору почему? Он, на мой взгляд, не лучше.

— Мне тогда казалось, что твоя бунтарская натура, которую ты так умело скрываешь,

хорошо подойдёт правильному Жирафу. Как говорится: «Противоположности притягиваются». Ладно, заболталась я совсем, нужно бежать. Была рада повидаться, — она побежала дальше, цокая каблуками, и послала Борису воздушный поцелуй.

— И тебе всего-всего, — он поднял руку в жесте неловкого прощания, и когда поймал себя на этом, то резко опустил.

Несмотря на обеденное время, есть не хотелось, наверное, шоколадка от Малиота была тому виной. Теперь знакомые начинают сбрасывать маски. Мир перестаёт быть привычным. Может, и голода на самом деле нет, и его самого на самом деле нет, и всё это чья-то безумная игра? Чувства, которые поддерживают в юном унте жизнь по умолчанию остаются неизменными. Голод, боль, жажда, самоощущение в пространстве работают на благо организма. Ему не хватало лишь страха, как главного источника сохранения жизни. Он не понимал, как Аристократу удаётся удерживать своё положение, если унты подавляют чувство страха? Как можно заставить кого-либо слушаться, если он тебя не боится? Возможно, они осознают, что им не выстоять против него и не сопротивляются его воле. Тут уже дело не в чувстве, а в осознании, которое сильнее пускает корни в душу. Может, Аристократ даёт им мало безина, и поэтому нет особого смысла сдерживать себя.

Борис всячески сдерживал желание обдумать один момент, но назойливая мысль всё-таки прорвалась. Элла тоже заложила камень в эшафот, к которому он идёт уже без малого год. Она не виновата, никто не виноват. Так просто получилось, что он захотел сделать тату, Элла подсказала ему место, а Виктор попросил себя застрелить потому, что Борис решил его покинуть. Получается, что двое не хотели нарушить правило номер два, и один Виктор стал причиной тому, что юноша нарушил правило номер пять. Виноват татуировщик или нет, Борис не знает. Точно ему известно, что он в очередной раз стал жертвой чьих-то интересов и манипуляций, несмотря на свою недоверчивую природу.

Борис простоял за кассой всю неделю, никакой работы кроме этой ему не доверяли, даже разносить продукты курьерской доставкой не просили. За такой короткий промежуток времени начинающий татуировщик понял насколько это тяжело быть кассиром. Люди постоянно недовольны, грубят, конфликтуют, а работник, который по совместительству унт, должен стойко терпеть удары, не поддаваться на провокации и умело разрешать спорные ситуации. На Бориса неприятная сторона этой деятельности не оказывала вреда и какого-либо влияния, поэтому, можно сказать, что работа спорилась.

Его главной заботой была практика по сбору безина. Процесс усложнялся должностью кассира и наличием большого количества народа в зале. Он мог потерять контроль, пропустить через себя собираемые чувства и эмоции. Плачь, смех или злоба сотрудника магазина без причины бросят тень на репутацию этого заведения. Он не жалел Аристократа, но вредить собратям унтам, которые зависят от этого места, ему не хотелось.

Юноша достаточно быстро нашёл выход: он перестал заботиться о людях. Его душа забыла об эмоциях и чувствах, которые испытывал, будучи номинально человеком. Он начал осознавать себя другим существом, чтобы не иметь связи с людьми. Борис представлял себя роботом, механизмом, чем-то вроде доильного аппарата, только конструкция намного сложнее. Самоубеждение было главным оружием в руках молодого унта, которое помогло ему преодолеть ещё одну преграду.

Коллега с чёрными волосами и большим носом всегда был радостным и приветливым. Его звали Кирилл. Наблюдая за ним, Борис сделал вывод, что он наслаждается своей работой. С ним даже самые сварливые клиенты не могли справиться. Как вода обтекает острые камни, так Кирилл обходил все упрёки. Обыденность для унта не обижать людей, но остальные сотрудники, — из того же племени — были другого мнения и не разделяли этих убеждений. Борис не сближался с новыми коллегами из-за своей необщительности и статуса временного работника. Однако сложно было не заметить, что они недовольны. Когда Аристократ появлялся в зале, лица сотрудников магазина «Чудо» сразу менялись, глаза выдавали презрение, когда провожали начальника до выхода.

Однажды Кирилл попросил Бориса помочь донести продукты для одного старика, их набралось как раз на два рюкзака. Они выдвинулись и пошли пешком. Кирилл особо не болтал, все вопросы были односложными и требовали такого же ответа. Путь их шёл прямо в сторону дома Бориса, он не стал спрашивать адрес, как-то это не представляло для него особой важности. Интересно юноше стало, когда они зашли в подъезд пятиэтажки, где располагалась его квартира. Курьеры поднялись на третий этаж, где густо пахло сигаретным дымом.

— Дядя Рудольф, — обратился Кирилл к лысому мужчине, который курил в пролёте, — Доставку заказывали?

Сутулый, ссохшийся, маленький старичок сделал три короткие, жадные затяжки и поспешно размазал сигарету о горлышко стеклянной банки. Он жестом позвал курьеров следовать за собой и на ходу заправлял белую майку в треники. Кирилл и Дядя Рудольф были рады друг друга видеть и широко улыбались, только Борис своей мрачной физиономией вносил контраст в этот праздник. Когда они зашли в квартиру, гостям сразу предложили тапочки, которые были практически во всех квартирах: шлёпанцы с резиновой

подошвой и тканевой верхней частью, усеянной незамысловатыми узорами. Квартира по интерьеру представляла собой бабкин вариант: ремонт и мебель не обновлялась со времён постройки дома. Пахла она тоже испорченным духом прошлого века. Дядя Рудольф жил один, судя по бардаку и столам, хаотично заставленным разными вещами. Он пригласил молодых унтов на кухню, убрал со стола полупустые баночки с солёными огурцами, целлофановые пакетики и деревянную разделочную доску с хлебными крошками. Принесённые упаковки с едой клали, куда придётся, потому что стол весь был чем-то заставлен. Дядя Рудольф выхватил вафли, печенья, сыр из уже немаленькой горки с пакетированной пищей и вышел, сняв со стены разделочную доску. Он вернулся, набрал чайник и поставил его на огонь.

— Боря, Киря, не торопитесь, давайте чаю попьём. Расскажите, что с жизнью происходит, как территорию делят. А этому хорьку, если вякать будет, я доплачу за доставку.

Борис уже год общается с Дядей Рудольфом по наставлению Виктора, именно его они встретили, когда мастер впервые провожал своего блудного. Чувства начали сходить на нет и стеснение, соответственно, тоже. Дядя Рудольф оказался интересным и вдумчивым собеседником, но не сразу распознал в своём соседе унта — к декабрю понял на контрасте. Борис тогда чувствовал, что становится похожим на Виктора изнутри наружу: сначала подавил чувства, а затем эмоции.

Дяде Рудольфу пятьдесят семь, но выглядит он гораздо старше. Среди унтов и хинтов мало кто доживает до такого возраста, поэтому старики обычно в почёте, и их никто не вызывает на поединок.

Он рассказал Борису множество интересных и полезных для быта унта историй. Раньше он держал библиотеку, поделённую на два этажа: один для людей, другой для унтов и хинтов. Сейчас ей управляет его блудный — отец Кирилла. Обычно, когда унт уходит на пенсию, то живёт на запасы симмирингов, которые копит всю жизнь, или ему помогают наследники. Но они не обязаны это делать. Отец Кирилла помогает Дяде Рудольфу, например, вся эта доставка за его счёт, хотя пожилой унт считает, что это и его симмиринги, поэтому он и сказал, что готов доплатить Аристократу. Борис и Кирилл даже для приличия не стали отказываться, это ведь тоже работа, раз за неё платят.

— Вот, чай сами наведёте. Извиняйте, есть только пакетики и сливовое варенье. Сахар только в кубиках.

Дядя Рудольф усадил гостей в кресла у журнального столика, а сам сел на стул, поставив его спинкой вперёд. Кружек было две. Борис ещё не положил пакетик в свою, а кипяток в ней, казалось, уже окрасился от коричневого налёта. На столе стояли разложенные в глубоких тарелках овсяные печенья, вафли и сыр, нарезанный на разные по толщине отрезки.

— Ну, рассказывайте как ваши дела ребята?

— У нас всё хорошо. Расскажите, как вы? — живо проговорил Кирилл.

— Ну, не говори за всех. Может, Борису есть что сказать.

— Да, есть что сказать. Что происходит с тобой Кирилл? Для унта ты слишком весёлый и...довольный.

Не сделав ни единого глотка, Кирилл убрал кружку и вжался в спинку. Он опустил глаза, но продолжал улыбаться.

— Может, не будем об этом, Борька?

— Если не хотите — не будем. Мне просто интересно.

— Давайте лучше поговорим о том, кто поможет старику достать из подвала закрутки? — Дядя Рудольф посмотрел на Бориса и подмигнул незаметно для Кирилла.

— Я помогу, — отозвался Борис, — ждите сразу после работы.

Кирилл открыл рот и тут же закрыл.

— Вот и решили. Как бабушка поживает, Боря? Здоровье в гору идёт?

— Честно говоря, тащится, но улучшения есть. Слабеет она. Врачи никаких болезней не нашли, а ей почему-то хуже, потом лучше. Мы с вами уже это обсуждали, мне нужно точно знать унт она или нет.

— Ну, в этом городе старше меня унта ты не найдёшь, а я не припоминаю, чтобы твоя бабушка была в баре или якшалась с нашим братом, да и в этот дом я переехал после неё.

— Бар тоже не все посещают. Ведь для унтов без территории он не нужен, — сказал Кирилл.

— Сейчас это вопрос жизни и смерти, раньше мне просто было интересно, — будто игнорируя слова напарника, Борис говорил с Дядей Рудольфом. — Нужно как-то узнать унт она или нет. Должна быть какая-нибудь перепись.

— Зачем перепись, если за нами следит Тот, кто видит? В ней для нашего брата особой пользы нет, тем более мы все друг у друга на виду.

— Слушай, а ты не пробовал отвезти её к кому-нибудь из унтов, чтобы они оказали ей услугу? — спросил Кирилл. Он стал немного серьёзным. — Блудного в ней точно уже не распознать, но человека можно, — после короткой паузы он добавил: — Интересуюсь так, для галочки.

— Я водил её к Никите, но он ничего не почувствовал.

Дядя Рудольф вскочил со стула, и, раскинув руки, обратился к потолку:

— О, Великий ТОТ, нам нужна твоя помощь! — говорил он громко и басовито. — Является ли бабушка Бориса нашей соплеменницей? Она унт?

Все молчали, ожидая, что на них снизойдет ответ. Борис ждал его больше всех, потому что до сих пор не слышал голоса Того, кто видит. После пяти минут Дядя Рудольф опустил обратно на стул и сказал:

— Я так никогда раньше не делал. Авось сработает.

Борис ополовинил кружку с крепким чаем — стоит признать, он был ещё горячий. В последнее время его язык стал менее чувствительным, теперь юноша пересаливает, перчит, сахарит, в общем, перебарщивает, чтобы почувствовать заветный вкус. Виктор говорит, что это временно, а Борис думает, что мастер просто привык. Он положил кусочек сыра на овсяное печенье, половину откусил и принялся жевать, на вкус они были как сливочный пластилин с подслащёнными отрубями. Его собеседники тоже начали есть.

Доедая очередную вафлю, Борис спросил:

— А, какой голос у Того, кто видит?

— Как у молодого парня, который слегка картавит, — сказал Кирилл.

— Я бы так не сказал, у него голос скорее басовитый. С хрипотцой — однозначно курит.

— Хм, интересно. А вы его слышали, только когда надо было кого-то убить? — спросил Борис.

— Ну, это ни в какие ворота, — прошептал голос змейки и продолжил уже нормально, когда обратился к собеседникам. — Простите его, не знаю, что на него нашло. Он обычно так не делает.

— Не беспокойтесь, моя дорогая, — сказал Дядя Рудольф и улыбнулся. — Я вижу его насквозь. Он дрянной мальчишка, своенравный и склонный к бунту. Таких не переучишь. Кстати, раз уж мы об этом заговорили, ребята, а что для вас любовь?

Кирилл и Борис переглянулись от неожиданности, а потом повернулись обратно к Дяде Рудольфу.

— Любовь — это... жвачка такая, — сказал Кирилл и развёл руками.

— Любовь — это то, от чего не отмоешься. Она прилипает к тебе навсегда, — Борис отвёл глаза. — Я не знаю, что это. Никому в любви не признавался.

— Бабушку свою ты же любишь? Можно не отвечать и так понятно.

Дядя Рудольф встал и подошёл к серванту с хрустальной посудой и фотографиями. Передвигался он бодро и вприпрыжку. Бывший библиотекарь открыл дверцу и взял с полки книгу, которая представляла собой две одинаковые дощечки, перетянутые кожаным шнурком и покрытые свежим лаком дубового цвета. Несмотря на древнюю технологию изготовления, выглядела она достаточно свежо. Листки внутри были разных оттенков: в самом конце толстая полоска, будто опущенная в чай, а ближе к началу страницы светлели, пока не становились белоснежными. На обложке, если её можно так назвать, красовался вырезанный золотой знак, который Борис видел на груди Виктора. Дядя Рудольф открыл книгу и прочитал короткую фразу внизу страницы:

— «Любовь — это принятие». Я эту фразу написал. На данный момент она последняя в книге. У хинтов и унтов книжки идут наоборот — справа налево. Так мы показываем будущим поколениям, на контрасте с книгами людей, что конца никогда не будет, что будущее есть.

Кирилл поджал губы и его глаза немного увлажнились.

— Вы можете объяснить, что это значит поподробнее? — спросил Борис. — Мне понятно, но мне интересно, верно ли я всё понял.

Дядя Рудольф аккуратно передал ему книгу. Обложка была гладкая и холодная как покрытая лаком мебель, от листов пахло старой бумагой. Борис перелистнул толстую охапку страниц, и написанные ручкой слова сменились на аккуратно выведенные пером предложения. Язык был его родным, но юноша с трудом мог прочесть текст.

— Любовь возникает не только между влюблёнными. Думаю, вы это и так понимаете. Дети любят родителей, родители детей и так далее. Под принятием, если капнуть поглубже, я понимаю не просто обязанность оставить всё как есть. Скорее так... Кирилл, вот если твоя девушка не любит болгарский перец, а ты без него жить не...

— Не угадали, я тоже его презираю, — с задором перебил Кирилл и щёлкнул пальцами, указывая на Дядю Рудольфа.

— Ох, для сына библиотекаря ты слишком невоспитан. Молодая кровь, куда ж без этого. Так вот... ты без этого самого перца жить не можешь, но ты не будешь пичкать ту, которую любишь этими перцами. Ты примешь её желание, не есть их, а она примет твои предпочтения, может, приготовите друг другу что-нибудь.

— Тут скорее принятие и переплетение, — сказал Борис, потирая подбородок.

— Вариаций может быть множество, но слово «принятие» — это их основа. Я просто хотел написать, что-то ёмкое и содержательное.

— А зачем унты вообще это пишут? Нам с Борисом тоже дадут написать?

— Это часть нашей истории, — Дядя Рудольф забрал книгу и поставил её на ребро перед гостями, — Эта книга, как дерево обростает новыми и новыми листьями. Они не

закончатся, даже если книга будет в высоту с этот дом, и я на это надеюсь.

— Так мы можем в неё что-то написать? — спросил Борис.

— Нет, вы не можете. Только библиотекарь может, а пока жив только один библиотекарь. Я могу писать в неё всё, что угодно, но только на одном листе. Когда меня не станет, другой библиотекарь заберёт это право. Библиотекарь должен быть всегда, даже если вы ребята перестанете читать книжки, даже если все перестанут.

— Честно говоря, я не читаю, — сказал Борис.

— Да, в жизни есть вещи и поважнее, — сказал Дядя Рудольф, — но есть те, кто без книги и дня не проживут.

— Я тоже книжек не читаю, я больше по сериалам. Они хоть мозги расслабляют.

Дядя Рудольф достал из кармана треников часы, открыл крышку и посмотрел на циферблат. Стрелки уже много лет как застыли навсегда, а защитное стекло треснуло наискосок. Он схватил книгу и подкинул её в воздух; она приблизилась к потолку, а когда начала опускаться из циферблата часов вырвался поток пламени. Борис и Кирилл смотрели в одну точку наверху. Огонь полностью поглотил книгу, а языки пламени расползлись по потолку. Огненный столб исчез так же быстро, как и появился, не оставив после себя и следа. Книга лежала в руке у Дяди Рудольфа, он закрыл часы и вернул их на место.

— А он любит выпендриваться, — сказала змейка.

— Эта книга вечная, как и сама история. Она честнее, чем история, потому что её нельзя переписать. Если человек откроет её, то просто увидит текст из известной книги.

— Я вот думаю, если твои собратья захотят тебя убить, должен ли ты это принимать? — сказал Борис и приложил сложенные замком руки ко рту.

— Я думаю, в какой-то степени мы все любим друг друга. Но, как бы все не обманывались, мы больше всего любим себя. В случае хинтов и унтов, когда происходит кара, те, кто карают, в первую очередь думают о спасении своей жизни. Получается, приступивший правила должен принять их желание остаться в живых, если те, кто его окружают в момент наказания, ему же небезразличны.

— Вам не кажется, что сова натянута на глобус?

— А, по-моему, логично, — сказал Кирилл. — Наши собратья не хотят нарушать правила, нужно уважать их желание даже в ущерб себе.

Борис держал в голове своё замечание об отсутствии такого правила о необходимости казнить тех, кто их приступил. Он не решался задать этот вопрос напрямую, опасаясь непонимания и подозрительного отношения к своей персоне. Юноша надеялся, что хоть один унт проговорится, обнаружит эту нестыковку.

— Борис, — обратился Дядя Рудольф, — сказанное влияет сильнее, чем написанное. Всё что мы сейчас наговорили, родилось от двух слов. В следующий раз разговор может пойти о другом, и вам будет проще усвоить то, что я скажу, чем прочитать эти два слова.

— И всё потому, что нам стало интересно, по какой это причине «Любовь — это принятие».

— Ладно, — прервал их Кирилл, вставая с кресла, — Не хочется опустошать ваш карман. Нам уже пора возвращаться на работу.

Борис тоже поднялся, и по пути на кухню, где лежали их рюкзаки, сказал:

— До встречи, Дядя Рудольф.

День на работе тянулся дольше, чем хотелось. Всему виной часы, которые висели над его кассой на боксе с сигаретами. Глаза сами поднимались посмотреть на них. Когда Дядя

Рудольф передал Борису книгу, юноша заметил, что от некоторых букв, разбросанных хаотично, исходил слабый свет, словно тысячи пылинок на них загорелись. Если прочитать их по порядку получалась фраза: «Лови третье слово в фразе». Неразумно со стороны Бориса утомить свой мозг даже такой рутинной работой.

По пути обратно в магазин Кирилл рассказал ему, почему карманные часы Дяди Рудольфа сломаны; говорил он с жаром и восхищением, о такой горькой утрате. Когда Дядя Рудольф ещё не встретил отца Кирилла, он работал библиотекарем, и у него была жена, которую звали Екатерина. В то время он был крепче, но такой же лысый. Жизнь шла своим чередом, в семье царила идиллия и его заботила лишь защита своего счастья. Он познакомился с отцом Кирилла в тот момент, когда его жена была на третьем месяце беременности.

Однажды, когда новый подмастерье уже проникся деятельностью книжника и преуспел во владении магией унтов, в семью Дяди Рудольфа пришло горе. Екатерина заболела на последнем месяце беременности. Она слабела с каждым днем. Её кожа побледнела, глаза впали, розовые и полные щёчки опали, обтягивая кости на черепе. Живот казался ещё больше из-за усохшего тела. Дядя Рудольф накачивал её безином под завязку, опустошил все свои запасы симмирингов, даже те, что хранил для пенсии, но всё тщетно. Её тело принимало энергию чувств и эмоций, но это не оказывало никакого влияния на организм. Сведущие в медицине унты тоже не могли понять, что с ней происходит.

По пути в библиотеку отец Кирилла заглянул в больницу, где лежала Екатерина, чтобы уточнить вопросы по управлению учреждением, которое перешло ему во временное пользование. В палате он обнаружил Дядю Рудольфа, который стоял рядом с кроватью своей жены и смотрел на циферблат карманных часов. Подмастерье перевёл взгляд на раздутый живот, который светился под белым покрывалом, будто уличный фонарь засунули в больничную робу.

— А-а... что-что происходит?

Дядя Рудольф медленно повернулся и ответил:

— О, ты вовремя, — он пошёл к своему блудному, — Ты помнишь про правило номер пять?

Подмастерье попятился назад, пока не прижался к входной двери и дрожащим голосом ответил:

— Убить можно того...того, кто хочет убить тебя, — закончив, он тяжело сглотнул слюну.

— Хорошо. Тогда смотри и будь готов.

Дядя Рудольф резко развернулся и направил раскрытые часы на свою жену, а она подняла трясущуюся ладонь с узловатыми пальцами и посмотрела слезящимися глазами своему мужу в глаза унта.

— Меня не спасти, спасай себя, спасай других.

Напряжённое тело Дяди Рудольфа расслабилось, а руки опустились. Он сделал шаг к своей жене, когда её ладонь упала, и в палате раздался мощный взрыв. Дядя Рудольф, схватил отца Кирилла за плечо, и выставил перед собой часы, из которых вырвалось пламя и свет; они образовали вокруг них непроницаемую сферу, которая обжигала кожу и накаляла внутри себя воздух, терзающий горло и лёгкие. Часы сдержали взрывную волну, но она оставила на защитном стекле трещину и навсегда остановила стрелки. От кровати не осталось и следа; табурет, прикроватная тумбочка разлетелись на куски, окна выбило, но

стены не пострадали, лишь сильно обгорели.

Кирилл восхищали два обстоятельства: во-первых, Дядя Рудольф не приступил к правилу номер пять ради прекращения мучений своей любимой; во-вторых, он спас от взрыва его отца и они оба обязаны старику своими жизнями. Борису стало интересно — Дядя Рудольф придумал ту фразу после этого случая или до. Ещё юноша нашёл нечто общее во всех историях унтов, которых в некоторой степени любил как членов своего близкого круга. Правила мешают им делать действительно правильные поступки, по крайней мере, те, что они считают верными.

После окончания рабочего дня Борис, стараясь избежать встречи с Кириллом, незаметно ушёл через чёрный ход. Он побежал к Дяде Рудольфу так быстро, насколько был способен и встретил его у входа в подъезд, рядом с которым располагалась дверь в подвал. Пожилой унт не сказал ни слова, а только развернулся и рукой позвал за собой. Они спустились в подвал и через катакомбы подошли к дальнему углу. Там было пыльно, грязно и холодно. Дядя Рудольф открыл облезлую, деревянную дверь ключом и включил свет, который позволил увидеть полки с рядами трёхлитровых банок, заполненных солёными огурцами и помидорами, компотами, мочёными арбузами и квашеной капустой.

— Как там Аристократ и его банда? — наконец заговорил старик, доставая банку с зелёными помидорами.

— Не знаю, как обычно, я его сегодня не видел. В принципе нормальный, но со своими закидонами, — ответил юноша, укладывая в уме третье слово на первое место в предложении.

— Что он вас даже не мучает? Зарплату не пытается урезать у вас?

Дядя Рудольф поставил перед помощником две банки с огурцами и помидорами, и они пошли наверх.

— Я там новичок, месяца ещё не отработал. Думаю, новым сотрудникам в первый месяц он будет платить столько, сколько обещал, чтоб расслабились и пообвыклись, а со второго урежет. Классика.

— На работе контролировать себя хорошо получается?

— Да, но работа эта очень тяжёлая, хотя безин от этих людей идёт ядрёный, а их воспоминания худшее зрелище. Они гавкаются со всеми подряд, чтобы хоть на ком-то выместить свою злобу.

— Как там Кирилл с его странным поведением?

— Хотел со мной пойти, но я улизнул. Я тогда вам честно сказал, что думаю. Он давно такой?

— Недавно таким стал послушным и жизнерадостным. Он будто марионетка, которой натянули улыбку до ушей.

Они зашли в квартиру, Дядя Рудольф жестом указал гостю идти в зал, в котором они сидели сегодня днём, а сам пошёл ставить чайник. Печенья, вафли и сыр остались лежать нетронутыми на своих местах и немного заветрелись. Борис съел вафлю, от которой пахло орехами, — бывали в его жизни и вкуснее. Дядя Рудольф вернулся через пять минут с двумя кружками, от которых исходил дымок, — без огненной магии тут точно не обошлось.

— Скажу так, в нашей жизни, единственной, много чего нельзя, так почему бы не использовать на полную катушку то, что можно, — сказал он и поставил перед юношей кружку.

— Согласен. По-моему, моя человеческая жизнь от жизни унта не особо отличается. Я

хорошо знаком с тем, что мне нельзя, чем с тем, что мне можно. Понимаете о чём я?

Дядя Рудольф кивнул в ответ и кинул пакетик с зелёным чаем в свою кружку.

— В твоей власти самому определить верный путь. Ни воля Аристократа, Виктора или кого-либо ещё управляет тобой, только ты сам принимаешь решения. Понимаешь?

— Да. А как по-другому?

Борис лишний раз убедился в том, что только Виктор мог залезть в его сознание. Взрослые, включая людей, часто любили проговаривать очевидные факты, выдавая их за великую мудрость. Они даже не понимали, кому это говорят.

— Но ты сам можешь самостоятельно принять решение подчиняться, подчинять или просто наблюдать. Надеюсь, ты не выберешь первые два варианта.

— Да-да, не выберу, никогда.

— А ты можешь поклясться без опаски?

— О, нет. Ну, это слишком, — Борис положил руку на грудь и продолжил, — Вот вам моё честное слово.

— Верю, — Дядя Рудольф покачал головой и продолжил. — Сложно будет управлять тобой, молодой унт.

— На мой взгляд, это всегда было очевидным. Не беспокойтесь за меня. — Борис поднял уголки губ вверх.

Дядя Рудольф еле слышно вздохнул, посмотрел сначала направо, потом налево. Его взгляд остановился на юноше. Бывший библиотекарь развёл руками и сделал полукруг глазами в сторону шкафа, из которого он утром взял древнюю книгу.

— А почему Кирилл работает на Аристократа, а не помогает своему отцу, как подмастерье? Кирилл настолько проникся этой философией про «любовь — это принятие», что решил пойти работать на унта, которого все, мягко говоря, недолюбливают?

Дядя Рудольф не сказал ни слова, а просто подошёл к шкафу, достал с полки старинную книгу унтов-библиотекарей и протянул Борису раскрытой на крайней странице. Он указал на фразу, которая была в самом верху, там было написано: «Не черпай опыт из одного источника». После прочтения юный унт заметил, что буквы опять начали светиться, он сложил их в слово: «Стоп».

— Это моя первая мудрость, которую я записал в книгу. Я тогда был молод, но от неё не откажусь никогда. Тебя Виктор тоже направил набраться опыта, а где ещё это сделать как не у Аристократа.

— Да, он ещё тот, как бы так сказать, пройдоха, но иногда дело говорит. Чувствуешь, что унт много размышляет.

— Все они гладко стелют, когда что-то от тебя нужно. Всегда задавай вопрос: «Кому это выгодно?» Понял?

Опять это «хорошо» в конце фразы. Все так и норовят засунуть свою поперёк в голову Бориса.

— Да, конечно. А с Кириллом что будем делать?

— Кирилл, взрослый мальчик. Если будешь его пилить, он всё равно сделает по-своему. Тем более, если ты не стал великим манипулятором, лучше пока оставим эту тему.

— Печально, конечно. Ну, хорошо. Его воля, его жизнь. Приму и оставлю всё как есть.

— Жизнь всегда всё расставляет на свои места, лучше лишний раз не торопиться и следить за собой.

— Насчёт помощи моей бабушке. Вы ничего интересного не вспомнили? Может всё-

таки есть какой-то способ?

— Способ только один — обратиться к Тому, кто видит.

***

В это время Аристократ сидел в своём офисе на кожаном кресле за широким столом с дубовой столешницей и ножками из толстого стекла. Офисное помещение для одного человека было выполнено в стиле модерн. Стены заставлены белоснежными полками с книгами и папками. Везде царил идеальный порядок и чистота.

Аристократ смотрел перед собой, его глаза и туловище не двигались.

— Банда мучает вас получается поведением жизнерадостным улыбка единственный верный кого-либо принять два опаски унт, — проговорил он записанные в блокноте слова.

Аристократ видел то, что происходило в квартире Дяди Рудольфа. Он заглянул в книгу, пока Борис читал подсвеченные буквы. Сложив их, у него получилась фраза: «Лови шестое слово в фразе». Аристократ переписывал имеющиеся слова, составлял из них предложения, менял части речи и падежи, пока у него не вышла окончательная фраза. Самый, на его взгляд, удобоваримый вариант был: «Получается, банда вас мучает. Жизнерадостная улыбка единственно верное поведение. Двое опасаются принять кого-либо унта».

«Откуда старик узнал, что нас двое? — подумал Аристократ. — И с чего он решил, что мы банда, тем более банда мучителей? В этом послании самым интересным остаётся жизнерадостная улыбка. Возможно, это и есть та слабость, о которой даже Проп не знает. Он говорил, что в его способности есть брешь. Надо будет усилить наблюдение за Борисом. Дед и так повёл его по ложному следу, и необходимой информации у него нет. А может, он решил обмануть меня?»

— Алло. Ты получил список сотрудников моего магазина? Избегай Бориса. У него на голове красное пятно, точно не пропустишь. Не проколишь и вообще ему на глаза не попадайся.

Аристократ завершил вызов и вальяжно бросил телефон на стол. Он не боялся, что на другом конце вместо Пропа окажется кто-то другой, потому что запустил по линии свою ищейку, которая смотрела через щёлочку динамика и обнюхивала собеседника. Аристократ скрестил руки на груди и долго смотрел в окно.

— Убивать я его не стану, неважно до чего он докопается: и так не жилец. Но почему бы не проиграться с ним? Всё равно его перемелют, а так хороший образец для экспериментов, — после продолжительной паузы он продолжил. — Нет, лучше придерживаться основного плана и разыграть эту карту так, чтобы она принесла мне голову Жирафа.

На следующий день погода выдалась пасмурная, поэтому хорошего настроения от клиентов ждать не приходилось. Магазин натурально напоминал поле боя: никогда не знаешь, в каком месте «рванёт». Борису тоже досталось. Когда он расставлял кисломолочные продукты на полки, к нему подошла женщина лет пятидесяти в бежевом костюме и на повышенных тонах начала его унижать, размахивая синей баночкой йогурта. Он стоял напротив неё и ловил каждую острую фразу, а лицо юноши окропляли противные капельки слюны. Иногда ему приходилось ей отвечать, чтобы не разжигать гнев клиентки своим спокойствием, иначе так и до нервного срыва недалеко. Суть её претензии была в том, что она взяла баночку йогурта, которая стояла не на своём месте, и заплатила больше, чем было указано в ценнике.

— Хорошо, покажите, пожалуйста, откуда вы её взяли, и мы всё поправим.

— Хорошо-хорошо, да ничего хорошего. Раньше надо было поправлять!

Он ничего ей не ответил, а просто продолжил смотреть на стеллаж с йогуртами. Женщина сделала шаг в сторону и упёрлась пальцем с коротким ногтем в ряд белых баночек.

— Видимо, кто-то из клиентов поставил туда баночку, а я...

— Конечно-конечно, все у вас виноваты, кроме...кромe тебя. А ты тут для чего?! Раз поставили, должен был убрать!

Борис в такие моменты не понимал, кто из них двоих существо, которое выкачивает энергию из собеседника. Хотя всё было очевидно, он собирает безин, а покупательница высасывает его кровь. Всё честно. Даже ничего делать не нужно, чтобы не нарушить правило номер три про излечение души. Все довольны.

Женщина ещё пару минут поворчала на него, забрала из его рук ценник и пошла на кассу. Там эту недовольную даму встретила кассирша, на вид слегка за сорок с русыми кудряшками и довольной улыбкой, что было очень странно: ещё вчера её лицо было таким же, как у Бориса. Она не любила эту работу и прямо источала неприязнь ко всему, что с ней связано. Борис недавно услышал, как эта женщина на курилке говорила: «Раньше два симмиринга в день платил, потом полтора, а сейчас один и то не до конца заполненный. А ему по десять штук в день приносишь». Что это за преображение на ровном месте? Наверняка началась промывка мозгов, кто-то ходит по магазину и превращает сотрудников в аристократских марионеток. Юный унт понимал, чем грозит для него встреча с неизвестным, но не испытывал перед ним трепет; сердце билось ровно, а сознание оставалось светлым.

В зал вошёл Аристократ через дверь, за которой была раздевалка, и направился на склад. Одет он был в свой обыденный тёмно-фиолетовый плащ. Борис подбежал к нему так стремительно, что тот выставил перед собой трость.

— Олег Александрович, есть минутка? Один вопрос интересует.

Аристократ посмотрел на дверь склада, а затем обратно на Бориса и ответил:

— Да, только быстро.

— Конечно-конечно.

— Ещё быстрее.

— Почему вы урезаете зарплату своим работникам? Плату в симмирингах, я имею в виду.

Аристократ поймал взгляд работника, который ставил на стеллаж для овощей ящик со сливовидными помидорами взамен пустого. На вид мужчина был сбитый, крепкий, с животиком и маленького роста. Аристократ позвал Бориса за собой и пошёл обратно в раздевалку. С порога он окинул помещение взглядом, а затем выпустил доберманов из средних пальцев. Собаки наскоро обнюхали все шкафчики, расположенные вдоль стен, и вернулись обратно. Аристократ сел на зелёную лавочку, которая стояла посреди комнаты, так, что она оказалась у него между ног, и предложил юноше присесть.

— Борис, я надеюсь, что для тебя очевидна простая вещь — каждый хочет побольше себе и поменьше другим. Тебе Виктор не говорил, что мы не весь безин оставляем у себя?

— Не говорил. Тут что тоже есть налоги?

— Да, они самые. Только мы это называем подношения Тому, кто видит. Раз в месяц мы относим их Сэму, а он передаёт их ему. Такова плата за спокойную жизнь без нарушителей, — Аристократ постучал тростью по краешку скамейки, — и естественно сил с каждым разом он тратит больше, поэтому и безин расходуется активнее.

— Но унты приносят вам симмирингов и так немало. Зачем забирать у них то, что есть? Почему бы не отнимать от основной суммы?

— Борис, этих унтов никто тут не держит, — он опять ударил по краешку скамейки и оставил обугленную полоску, от которой поднялся слабый дымок. — Я взял на себя ответственность по их защите и снабжению безином. Так бы они держали свои заведения пока их кто-то не вызовет на поединок или...не сожрут одержимые. Если они этого хотят — вперёд. Мне тоже нужны средства для того, чтобы оберегать такое количество унтов.

— А этим унтам вы это тоже говорили?

— Не сомневайся.

— И почему они тогда недовольны?

— Потому что они живут не в том сказочном мире, который себе придумали. И виноват в этом я, тот, кто их от реального мира оберегает.

Аристократ напоминал Виктора по его манере держаться, коммерсант был такой же бесстрастный и спокойный. Смысл каждой фразы нёс в себе эмоциональный взрыв, но голос ни разу не надломился. Аристократ был спокоен как водная гладь озера в сумерках густого леса.

— Я понял. А что вы будете делать с этим недовольством?

Не успел Борис закончить, как его собеседник сразу же ответил:

— Ничего. Я понимаю, на что иду, но иначе я не могу. Мне нужно быть сильным, чтобы защищать то, что у меня есть.

Аристократ встал и пошёл на выход. Трость он держал подмышкой и особо не торопился.

Борис посидел пару минут в раздумьях о том, не обманывает ли его Аристократ. Он хотел вернуться к работе, когда услышал за спиной женский голос:

— И что ты расселся?

Юноша так и застыл на полусогнутых коленках, но затем шустро развернулся всем телом. Пусто. Голос опять заговорил за спиной, но уже громче и чётче:

— Приветствую тебя, Борис.

Знакомый голос, похожий на тот, что принадлежит змейке только грубее и старше. Ещё обладатель этого голоса не сдерживается в своих эмоциях, говорит как обычный человек.

— Кто это? Где вы?

— Посмотри на свою правую руку.

Он осмотрел внешнюю сторону руки от плеча до кончиков пальцев и осторожно начал поворачивать предплечье. На коже ближе к локтю выросло нечто. На Бориса смотрел обычный человеческий глаз. Цвет карие, морщин и складок вокруг не было, даже ресницы отсутствовали. Кожа просто раздвинулась, как открываются веки, и явила на свет шарик глазного яблока.

Лицо юноши никак не изменилось, он просто смотрел на глаз в ожидании его ответа.

— Я — Тот, кто видит.

— Кого нужно убить?

Глаз сощурился и после короткой паузы ответил:

— Ты за кого меня держишь?! — возмутился ТОТ.

— За того, кто держит наш мир в порядке...в установленном вами порядке. Указываете на нарушителей. Уберегаете нас от войны, что погубит хинтов, унтов и людей.

— Верно, но сейчас не об этом. Тебе нужно кое-что для меня сделать. Прямо сейчас тебе нужно пойти вслед за Аристократом. Он будет встречаться с тем, кто гипнотизирует твоих коллег.

Борис поймал себя на мысли, что он уже поддался влиянию приспешника Аристократа, и ему стёрли память. Но с другой стороны у него бы не возникло такой мысли, он мог просто стать послушной и радостной куклой.

— Почему я должен это делать? В правилах ничего не сказано о том, что мы должны выполнять пожелания Того, кто видит.

— Всё просто. Если ты не сделаешь этого, я прикажу всем убить тебя за нарушение правила номер пять. И покажу им это, — перед глазами Бориса появилась картинка, как он наставляет пистолет на Виктора, вид сверху.

— Я понял. Доходчиво объясняете.

— Молча исполняешь то, что я тебе говорю. Иди на склад, от входа сразу направо, руками-ногами не махай, так тебя точно не засекут камеры. Возьми со стеллажа чеснок, раздави его получше, и распихай по карманам. Рядом будет форточка, как повиснешь на ней, по моему сигналу будь готов резко подтянуться и выбежать.

Борис завис на прямых руках и прождал команды полминуты. Он изучил месторасположение всех камер по периметру, та, что наблюдала за форточкой, была неподвижной, поэтому он не понимал чего ему ждать. Юноша услышал карканье — чёрный ворон сел на козырёк белой камеры и заглянул в объектив.

— Вылезай и бегом вперёд.

Он выбрался через форточку без труда и пробежал трусцой примерно триста метров пока не наткнулся на дорогу.

— Сейчас налево, переходи на шаг. Меньше внимания к себе, сними жилетку и закинь её на крышу того киоска...теперь налево во двор и спрячься в кустах...видишь Аристократ стоит со своим сообщником.

Борис осмотрел двор, огороженный четырьмя многоэтажками. У дороги было много кустов, а внутри немало одиноких деревьев. Весна всё ещё пробуждала природу, поэтому листья не могли хорошо спрятать юношу, который окопался на отшибе. Его цели сидели на лавочке в самом центре двора и делали вид, что не знают друг друга. Незнакомец что-то кричал мальчику, который забрался на горку, а потом по наставлению слез с неё. Юный унт материализовал ворона, чтобы он своим птичьим зрением рассмотрел сообщника

Аристократа. Птица сидела на предплечье и всматривалась в фигуру незнакомца. Юноша сразу узнал его, им оказался молодой, светловолосый корреспондент Герман Лавров. Именно он вёл репортаж о нападении на салон Цирюльника.

— Вот от этого блондинчика тебе нужно держаться подальше. Он постоянно носит белую рубашку, не ошибёшься. На сегодня закончили, возвращайся в магазин. Все действия в обратном порядке. Ворон на месте, как увидит тебя, закроет камеру.

Борис услышал голос Ирины, когда одной рукой повис на крыше киоска, а другой искал вслепую жилетку.

— Гнездо свить решил, Борька?

В этот момент юноша нащупал жилетку и спустился с ней. Рядом с Ириной стояла Консуэла, обе девушки улыбались, выражая неприкрытую насмешку.

— День добрый, дамы, а вы почему не на работе?

— Ты сама бестактность, Борис. Дамы, — возмутилась Ирина и сделала пальцами кавычки, — отошли по делам.

— А вот что ты тут делаешь? Смена в магазине уже закончилась? — спросила Консуэла серьёзным тоном и посмотрела в сторону двора, где юноша вёл слежку.

— Отошёл по делам. Здесь недалеко есть хорошая шаурмяшная.

Благо их в городе как грязи, и поход туда — самое верное прикрытие. На лице Ирины появилась гримаса отвращения.

— Меня коллега попросил, — он продолжил врать, — я обычно еду с собой ношу. Он сейчас сильно занят, а кушать-то хочется.

— Живо в магазин или я им прикажу превратить тебя в пепел! — прокричал ТОТ так громко, что Борис дёрнулся.

— Ладно, мне пора. Ещё увидимся, — сказал он, проходя мимо девушек с поднятой рукой, и направился прямо в сторону магазина.

— Маленький врунишка, — сказала Ирина.

— Не всем дано. Да и нам какое дело?

Борис вернулся в магазин, он открыл дверь в зал, из неё в склад ворвалась непривычная тишина. Покупателей не было, трое сотрудников смотрели на него и улыбались — естественно и широко. Юноша увидел перед собой узкую спину блондина в белой рубашке. Герман Лавров медленно развернулся и добродушно улыбнулся. Борис держал правую руку за спиной на дверной ручке, дверь была приоткрыта, но он почувствовал, что её подпирают с обратной стороны.

— Привет, Борис.

Герман протянул ему руку. Юноша знал, что загнан в угол и, судя по молчанию Того, кто видит, придется сдаться. Он ответил на рукопожатие и глаза хинта-журналиста вспыхнули жёлтым светом. Перед глазами пару секунд стояла мутная завеса, а когда она развеялась, Герман начал размерено говорить:

— Будь весел, добр, улыбайся всем. Аристократ главный, слушайся его. Ему нужно помогать, даже в ущерб себе, потому что он вас защищает.

Широкая улыбка Бориса «кричала» о победе Германа, который не знал, что юноша её имитирует. В отличие от Виктора, воспоминания о чувствах были ещё свежи в памяти молодого унта. Он мог их изображать со стопроцентной точностью, но не знал, как отреагировать на происходящее, поэтому решил просто подыграть. Довольный собой Герман развернулся и пошёл на выход. Борис и остальные сотрудники проводили его взглядом. Как

только журналист покинул магазин и сорвал с двери какой-то лист, следом за ним вошла покупательница — молодая женщина с коляской. Все разошлись по своим местам.

Борис каждый день делал бабушке массаж, он садился повыше, а она между его колен. Разминал и растирал в основном трапеции, плечи и шею. Такая процедура по заверению врача улучшит приток крови к мозгу и исключит возможные обмороки и понизит общую усталость. Кожа была дряблая и поношенная временем, но юноша не обращал на это внимания, он же хороший внук. Бабушка не выходила на улицу, вместо этого часто семеняла по квартире, нарезая круги. На очередном забеге она встретила в прихожей яркую улыбку Бориса. От этого бабушка даже отшатнулась. Внук был веселый и радостный, хотя последние полгода редко улыбался. После массажа он отпросился на пару часов погулять, а бабушка с неохотой, но отпустила его.

Виктор собирался уже снять колокольчик с двери, когда в тату салон зашёл Борис и чуть не зашиб мастера дверью.

— Добрый вечер, надо бы нам потренироваться открывать двери.

— Да-да. Добрый вечер. Какое же прекрасное место этот магазин, мне там так нравится! — Борис прямо искрился счастьем.

— Я рад. Аристократ, случаем, не вытянул из тебя весь безин?

— Нет. Всё нормально.

Борис не сразу заметил Малиота, который сидел на диване.

— Добрый вечерочек, Борька! Ты такой радостный. Решил переметнуться на нашу сторону?

— И вам добрый вечерочек! Нет, конечно. У Аристократа в магазине поднатаскали. Там все такие, улыбаются всем подряд целый день.

— Ха-ха, похоже, Аристократ полюбил деньги больше безина, — Малиот встал и пошёл на выход. — Не буду вам мешать. Боря, ещё раз спасибо, твои вещицы мне очень помогли.

— Ну, не мои. Я всего лишь курьер.

Виктор и Борис обменялись с Малиотом рукопожатиями, и он вышел из салона спиной вперёд, живо махая рукой. Как только дверь открылась, Виктор схватился за язык колокольчика как змея, которая впивается в жертву зубами.

— Что расскажешь? Мне просто особо говорить не о чем. Без тебя сложнее, но мне не привыкать.

Для изображения эмоций Борис тратил слишком много сил, потому что надо было включать память, напрягать лицевые мышцы и голос, чтобы выдать нужную гримасу. Без чувств и эмоций он был чем-то вроде глухонемого, который недавно потерял слух. Общение давалось ему с большим трудом, но юноша рассматривал это как тренировку — рано или поздно всё будет идти как по маслу.

— Малиот тоже ваш друг?

— Нет, он просто заскочил поболтать. Наш мирок очень тесен, важно поддерживать связи. Мы же не враждуем с хинтами, они нам расскажут что-нибудь интересное или мы расскажем им. И ещё, я дружу только с Никитой.

— Как вам Малиот?

— Обычный хинт. Придраться мне не к чему: на поединок никого не вызывал, церковь свою держит в порядке и чтит законы своей веры. Он, кстати, не рассказывал, что вы встречались.

— Я повёл себя не вежливо в тот раз. Надо было извиниться.

— Так догони его прямо сейчас.

— Всё не настолько серьёзно. Извинюсь в следующий раз.

Виктор немного помолчал и повторно спросил:

— Есть что рассказать?

— Мне особо нечего рассказывать.

— Ладно, давай присядем на диван, разговорим тебя.

Татуировщик подсел к Борису, когда снял колокольчик и запер дверь.

— Консуэла перестала терроризировать меня просьбами прищучить, сам знаешь кого.

— Да, это, наверное, хорошо. А кого именно? — Борис по-прежнему улыбался, не так широко, но щёки опять начало сводить.

— Вспомнишь — хорошо; не вспомнишь — неважно. Аристократ исправно платит?

— Исправно, сколько обещал, столько и платит.

— Всем?

— Я особо не общаюсь с коллегами.

Борис соврал. В последнее время он постепенно начал завлекать по очереди коллег в свой круг общения и после сегодняшней встречи с Германом ненавязчиво опросил каждого. Но они не помнили примерно по пятнадцать минут от своего рабочего дня, и причину полного отсутствия посетителей в магазине.

— Как это ты не общаешься? Я тебя отправил к Аристократу, чтобы ты опыта набрался. Общайся как можно больше, ведь на него работают унты даже старше меня.

— Хм, какой же вы доверчивый. Конечно, я со всеми успел поболтать.

— Пошли со мной.

Виктор встал и направился к входной двери. Татуировщик открыл её одной рукой, а другой он схватился за пальцы Бориса. Юноша не сопротивлялся, даже подался вперёд. Стоило Виктору выйти на улицу, как их накрыла тьма. Богомол прокрутил знак на груди татуировщика и заполз обратно в передний карман брюк.

Мастер отпустил его руку, и они стали друг напротив друга в дверном проёме.

— По порядку с самого начала.

Борис рассказал обо всём, что с ним приключилось, особого внимания удостоились Кирилл и Дядя Рудольф. Виктор после окончания рассказа выдержал недолгую паузу.

— Примерно этого я и ожидал. Похоже, Ирина, нет, скорее всего, Консуэла поддалась на гипноз, это объясняет её поведение. А вот ТОТ рушит логику. Скорее всего, это был не он, потому что, когда ТОТ к нам обращается, кроме голоса, что шепчет на ухо, ничего нет.

— Аристократ с нами играет.

— Я бы даже сказал, играет нами. Почему бы не направить Германа напрямую ко мне?

— Я тоже об этом думал. У этой способности есть слабая сторона, но они не знают какая именно. Герман обходил сначала по одному, а потом стал делать это с группами.

— Что и стало его главной ошибкой.

— Но вот что во мне такого особенного?

— Обычный унт, но что-то должно быть. Поэтому советую тебе найти среди коллег такого же.

Виктор сел на пол и жестом пригласил Бориса сделать то же самое.

— Дай мне одну из своих мышей, — сказал мастер и протянул ладонь.

Мышь спустилась к кончикам пальцев, и Борис передал её Виктору. Он приблизился к уху грызуна и начал что-то нашёптывать, а когда закончил, вернул его хозяину. Мышка

побежала вверх, но не на своё место, а к затылку юноши, чтобы его укусить. Он вздрогнул от боли, словно его неприятно ущипнули, вонзив ногти в кожу, а затем потёр зудящее место и на мгновение замер. Губы Виктора не двигались, но татуировщик говорил прямо у него в голове:

— Так можно передавать любую информацию. Достаточно, чтобы зубы мыши просто прокололи кожу. Неприятно, но у всего своя цена.

— Хорошо, но надо подумать, как мне себя не выдать. Там же целая группа подконтрольных. Тут не обойтись без импровизации. Мы же не знаем до конца, что ими движет.

— Примерно понимаем. Во-первых, когда выпустишь мышь, нужно будет прикрыть одну боль другой. Во-вторых, тебе нужно покопаться в себе, чтобы выявить заветную изюминку. Времени у тебя до завтрашнего дня. Фразу придумаешь сам, она должна быть ёмкой и заинтересовывать в момент.

— Я ожидал большего от мозгового штурма. Тем более, от человека, который говорил, что знает меня лучше, чем я сам.

Виктор снова начал сверлить своего ученика холодным взглядом и долго ничего не отвечал.

— Борис, это конечно моё предположение и только, но это может быть твоя бунтарская натура, ёрничество и наглость.

— Может. Хотя наглых продавщиц в нашем магазине хватает, — Борис хотел поднять левый уголок губ, но сильно устал от изображения эмоций за день.

— Я думаю, ты научился уважать их труд.

— Встречи с Газоном хватило, — юноша упёрся ладонью в пол и уже собрался подняться, но сразу остановился и добавил. — Мы закончили?

— Мы закончили, возвращаемся в исходное положение.

— Ещё последний вопрос, — сказал Борис, поднимаясь. — Какой голос у Того, кто видит?

— Грубый, мужской. Такое ощущение, что у него сломана челюсть.

— Действительно, для каждого свой ТОТ. Ладно, по местам.

Купол открылся, и Виктор вывел своего ученика на тротуар прямо к тому месту, где на них напали одержимые. Он прочитал лекцию о серьёзном отношении к жизни, что могло произойти, не отнесись Виктор серьёзно к защите Бориса от одержимых. Затем мастер обошёл с ним здание тату-салона и показал своему подмастерью ту железную дверь, которая привлекла внимание юноши во время спуска с чердака. Улыбка не сходила с лица молодого унта и совершенно не подходила теме разговора.

— Знаешь, вот эта дверь и стена с той стороны выглядели так же, когда мой отец приобрёл это здание. Меня все называют правильным, чересчур правильным. Такой унт как я должен был уже давно демонтировать эту дверь и заложить проход кирпичами. Но мне не хочется, не могу до конца понять почему.

— Что не делается всё к лучшему.

— Знаешь, нет ощущения, что в этой двери есть что-то неправильное. Она была здесь до того, как я стал владельцем салона. Как думаешь, может всё-таки её убрать?

— Знаете, если в душе ничего у вас не скребётся, когда вы смотрите на неё, то лучше не трогать. А уж если хочется выдрать её из проёма прямо сейчас, то всё очевидно.

— Не думаю, что мои желания не пойдут вразрез с действительностью.

— Разве не глупо говорить «нельзя» самому себе, когда дело касается такого пустяка?

— Всё, что угодно может стать пустяком, даже закон мироздания.

— О, что-то нас занесло не в те дебри.

— Да, из-за какого-то пустяка. Остаётся только один вопрос. На что может пойти хинт или унт ради соблюдения правил, для их защиты, чтобы мир не рухнул без них?

— Мы всё ещё о двери говорим?

— Мы говорим о правилах и можно ли их нарушать. Дверь, которая тут совсем не к месту, может быть нарушением правила?

— Нет, это чушь, незначительная вещь. О ней даже не стоит говорить. Кому-то понравится, что она тут есть или то, что её нет. Не нагружайте свои мозги лишним грузом.

Татуировщик разглядывал дверь и молчал, а затем обратился к подмастерью:

— Всем не угодишь. Для меня проще, когда есть чёткое правило, что запрещает или разрешает такие двери.

Борис подошёл ближе и робко поднял руку и положил её на плечо мастера.

— Простое чаще всего неправильно. Виктор, вы же умный и опытный унт, я верю, что вы со всем справитесь, даже с таким пустяком.

Виктор подошёл ближе к двери, не обращая внимания на руку ученика на его плече. Татуировщик провёл вдоль полотна кирпичной стены и остановился на середине двери.

— Да, у нас есть дела и поважнее. Расспрашивай своих коллег как можно чаще, нам нужна любая информация.

Борис ничего не ответил и пошёл на выход. Виктор проводил его до первого перекрёстка, весь путь они молчали. На улицах становилось всё меньше людей и машин. Ближе к дому широкие освещённые тротуары сменялись на асфальтовые узкие дорожки, припорошенные светом одиноких фонарей. Для Бориса было важно, как можно скорее остаться одному, чтобы не улыбаться каждому встречному. О своей безопасности он не думал, унтов или хинтов бояться не стоит, благодаря двум уважаемым покровителям, но вот с людьми юноше не сладить: остаётся только упасть на землю и будь что будет.

Он уже видел верхушку своей многоэтажки, которую окаймляла в небе тусклая завеса от городского освещения. Под свет фонаря попала знакомая фигура человека в чёрной одежде и с широкой улыбкой. Подойдя ближе, Борис узнал в нём Кирилла, одетого в спортивный костюм. Он держал руки в карманах, глаза унта блестели в свете фонаря. Борис тоже скользнул ладонями в карманы и материализовал в левой светошумовую гранату. Юноша встал под фонарём напротив своего коллеги и ждал, что он ему скажет. Слева послышались шаги, которые тонули в шелесте короткой травы. К ним шёл высокий мужчина в пальто и с тростью. Аристократ начал говорить только, когда наступил на круг света:

— Борис, убей Кирилла.

Руки Кирилла дрогнули, но Борис оказался быстрее, он вытащил гранату и прикрыл глаза. Поле зрения его оппонента и Аристократа заволочла белая пелена, а уши наполнил звон. Раздался выстрел Беретты, и Кирилл упал замертво. Аристократ, потирая глаза, подошел к его телу и приложил два пальца к шее. Борис улыбался.

— Впредь я хочу, чтобы ты так же исполнял мои приказания, без колебаний и лишних слов.

Юноша кивнул и скрестил руки за спиной.

— Отнеси тело Рудольфу, пусть старый унт похоронит его со всеми почестями. Скажешь ему, что на него напали одержимые. Ты видел, как на него напали, но не успел

вовремя.

Борис приступил к исполнению приказа незамедлительно, он перекинул тело Кирилла через плечо и на прощание сказал:

— Всё будет в лучшем виде. Старик мне поверит.

Аристократ провожал юного унта взглядом, пока он не скрылся в темноте. Только после этого развернулся и пошёл по дорожке под размеренный стук трости.

Истошный крик дяди Рудольфа напугал соседей, мужчина заливался слезами, сидя на коленях и покачиваясь над телом Кирилла. Пожилой унт обнимал его безжизненную и холодную руку. Рёв и всхлипывания резко прервались. Дядя Рудольф схватился за голову и упал на бок, прижимая колени к груди. Улыбающийся Борис подбежал к нему и поставил его обратно на колени. Юноша не знал, что делать с таким приступом. В прошлый раз, когда он внезапно случился у Ирины, то, так же быстро прекратился. Борис мог только предположить, что из-за возраста и более ярких чувств, превращение в одержимого может начаться прямо сейчас. Первая мысль — погасить чувства как можно скорее. Он принялся гладить голову дяди Рудольфа и почувствовал, что напряженность тела спадает.

— Да-да, хорошо, успокаивайтесь. Нужно себя беречь, — сказал Борис.

— Как это случилось? Сколько их было?

— Трое. Они напали на него толпой. Двое отвлекали, третий ударил в спину.

— Я потерял его и начинаю терять тебя, — сказал дядя Рудольф и его губы задрожали.

— Спокойствие. Не пойму о чём вы? Со мной всё хорошо. Вам главное себя не потерять от горя. Держите себя в руках. Если такой опытный унт станет одержимым, во что нам, молодым, верить? — разразился пылкой тирадой Борис. Он боялся, что истратит все силы, чтобы не потерять самообладание и не выдать себя.

— Да, ты прав. Можешь меня отпустить. Через восемь дней мы предадим его тело огню, ничего на этот день не планирую.

Борис спрашивал у Никиты насчёт погребения усопших унтов, что делают с их телами после смерти, если они не нарушили правило. Он ответил, что для тела унта ничего не меняется. Неважно нарушил ты правило или нет, твоё тело в любом случае сгорит без следа. Сама личность не исчезает, для неё даже делают мемориал с урной, наполненной обычным древесным пеплом. У хинтов этот процесс происходит иначе, они создают вокруг тела водяную трубу, вращающаяся жидкость полностью размывает тело, а то, что получилось, сливают в канализацию. Мемориал для хинта тоже предусмотрен такой же, как и для унта. Сожжение или растворение происходят на восьмой день после обнаружения тела. Удержаться от погребения усопшего на протяжении семи дней, равно как и не поддаться искушению и не нарушить одно из семи правил.

— Да, конечно, я расчищу расписание. А где будет его тело всю неделю?

— Спустим его в подвал.

Добрая улыбка Бориса потускнела. Он мог ещё оправдаться, когда нёс тело к дяде Рудольфу, — хорошо, что на пути ему никто не попался, — но нести его в подвал — это верх безумия. Кто-то мог их увидеть, даже просто выглянув в окно.

— Не беспокойся, Боря, я позабочусь о свете. Все будут думать, что мы решили в потёмках снести в подвал ковёр, — Дядя Рудольф достал карманные часы и направился к выходу, — Бери его и иди за мной.

Когда дядя Рудольф вышел из квартиры, он приложил часы к электрическому щитку. Циферблат заискрился, и свет вмиг потух во всём доме.

— Ходу, только виду не подавай.

Тело Кирилла они расположили навзничь на сложенном пополам красном узорчатом ковре. Повезло, что по пути в подвал им никто не встретился. Большой удачей было отсутствие пострадавших из-за отключения света. В противном случае дядю Рудольфа испекли или положили рядом с Кириллом и предали огню в тот же день.

Борис рухнул на свою кровать прямо в одежде, о своём приходе громко оповестил бабушку, когда зашёл в прихожую. Телевизор гремел, а дверь в её комнату была открыта. Юноша был слишком истощён для лишних движений.

Змейка подползла к уху и кротко прошептала:

— Сегодняшний день...выдался слишком...насыщенным. Кулаков у меня нет, но я за вас их держу. Крепитесь.

Он выдержал паузу, чтобы выразить согласие со словами змейки, а затем перевернулся и сказал:

— Я хочу заснуть поскорее. Расскажи мне ту сказку. Можешь начать с того момента, когда девушка положила ему ладони на глаза.

— Так, девушка во всём белом прикрыла юноше-звездочёту глаза и поцеловала. Следующей ночью он наблюдал за ней через телескоп.

— Она вернулась на небеса или он за ней подглядывал?

— Как только он её поцеловал, девушка исчезла. Звезда вернулась на небо. На следующую ночь он увидел, как нечто ползёт по чёрному, пустому небу прямо к звезде. Это был огромный, страшный змей, его будто вывел белым мелом неумелый школьник. Чудовище медленно кралось к звёздочке, лениво переставляя лапы. Юноша понял, что у него есть время, но немного. Он с первыми лучами солнца начал обходить людей, объяснял им, что последняя звезда в опасности и её нужно спасти. Но все как один говорили, раз он на небе значит — божество. Ему перечить запрещено, если хочет, пусть съедает. Некоторые говорили, что если он помешает богу, они его убьют. Юноша не сдался, он купил на все деньги огромную линзу и ослами отвёз её на вершину местной горы. Там он разжёг самый высокий костёр и поставил перед ним линзу, и направил на небо прямо к змею. Раз звезда спустилась к нему по лучу света, так же он сможет подняться к ней. Из оружия он смог добыть только серп и круглый щит. Он бежал всю ночь, пока первые лучи солнца не развеяли свет его костра. Юноша споткнулся и упал на что-то твёрдое и холодное. Он обернулся и увидел, что деревня стала далёкой точкой. В десяти шагах от него звезда перестала светить и бросилась к нему. Змей подполз уже совсем близко и разинул свою пасть полную острых зубов, чтобы съесть влюблённых одним махом. Юноша поднял свой серп и хотел броситься в бой, но звезда остановила его. Она попросила направить серп и щит прямо в глаза чудовищу. Юноша сделал, как она хотела. Звезда загорелась так ярко, как только смогла. Чудовище ослепло, а юноша вспорол ему брюхо и выпустил другие звёзды, которые разбежались по небу. Звездочёт не захотел возвращаться на землю, а остался жить среди звёзд. Он до сих пор там, нужно только взглянуть на небо. Луна — его щит, а месяц — это серп.

— Хорошая сказка, — пробормотал Борис, — старался дослушать до конца. А те-е-перь, давай спа-а...

Глава 11. Часть 1

Никита как обычно не сводил глаз с Консуэлы, он даже не стеснялся Бориса, с которым сидел за одним столиком. Бар «Дар унижения» медленно наполнялся, атмосфера в нём была унылой и скучной. Консуэла, одетая в своё выходное красное коктейльное платье, ходила между столов, как огонёк во мраке. Немногочисленный народ, что тут заседал, вёл себя смиренно и тихо. Музыка практически не было слышно.

— Никит, может надо уже что-то сделать? — спросил улыбающийся юноша.

— Может и надо, — ответил Никита, будучи повернутым в другую сторону и только, когда развернулся к столу, продолжил. — Разберёмся, самостоятельно разберёмся. Не беспокойся. Лучше обеспокойся нашей выпивкой, — он рассмеялся, когда закончил.

— Уже. Через пару минут будет тут.

— Как обычно, заведение пустое, а ждать по-прежнему долго. Что заказал?

— А тебе не всё ли равно, раз дождаться не можешь?

— Нет, конечно. Не хочу пить пиво или вино. Давай нормально выпьем. Если это пиво, пока не поздно докинь туда пару рюмок водки. Ерша намешаем.

— Он сам решит, что тебе нужно.

— О! Такую попсу в секрете держал.

Официантка принесла им кувшин и две пивные кружки. Борис без особой спешки налил себе и своему другу. Никита упёрся локтями в стол и поднял кружку перед собой.

— Ну, чтобы было, и было как можно больше, — закончил Никита и легко ударил по кружке Бориса.

Никита сделал пару шумных глотков и вытер губы ладонью. Борис продолжал пить и ополовинил кружку, губы он не стал вытирать, а просто поджал.

— Что у тебя? — спросил Никита.

— Тархун, лайм и что-то крепкое, наверное, ром или водка. А ещё кристаллики, — юноша высунул язык, на нём что-то часто и громко потрескивало.

— Если можно было, запретил бы делать лимонад со вкусом тархуна и наказывал тех, кто варит его подпольно.

— Не понимаю, как что-то можно не любить. Мир слишком прекрасен, чтобы тратить время на ненависть.

— Да-да, конечно, как скажешь. А у меня полная кружка негрони, — Никита покрутил кружку на свету и добавил, — либо с кувшином что-то не так, либо с нами.

— Тоже хорошо, что-то новенькое. Надоедает пить одно пиво.

— Пиво из кувшина — это не просто пиво. Это пиво, которое всегда бьёт в самую точку. Хоть под завязку им залейся, всё равно не перепьёшь. Будешь пьяным именно настолько, насколько тебе это нужно.

— Всё не просто так. Твой-то покраснел, — сказал Борис и игриво зашевелил бровями.

— А твой позеленел. И что с того?

— Скажи, что ещё жёлтого для комплекта не хватает.

— Слишком просто для меня. Это первое, что приходит на ум, а я не настолько примитивен.

— Красного в твоей жизни определённо не хватает.

— Завязывай. Я понимаю, куда ты клонишь. Говорю сразу, делать этого не буду.

— У меня ощущение, что я с маленьким разговариваю.

— Ты вообще ничего чувствовать не должен.

Борис приложил кружку к губам и долго не убирал её, глядя прямо в глаза Никиты. Широкую улыбку юноши можно было разглядеть даже за мутными квадратными узорами на стекле. Никита взял свою кружку и тонкой струйкой вылил негрони обратно в кувшин, потряс его и пододвинул ближе к Борису.

— Давай по новой.

Борис хотел сначала налить Никите, но тот выставил перед своей кружкой ладонь и жестом указал, что разливающий должен начать с себя. Пару красных капель не удалось остановить, и они выпали из кувшина на мягкие кондитерские пальцы. Борис налил себе ту же самую зелёную жидкость, что и в первый раз. К прохладному воздуху и запаху барной мебели примешался аромат ягод. Очередь дошла до Никиты, из кувшина полилась красная жидкость. Он увидел, что мимо их столика проходит Консуэла, её лицо было отрешённым, она будто смотрела сквозь всех, кто находился в этот момент в баре. Никита провожал её взглядом, пока она не присела за свободный столик в дальнем углу бара. Он чувствовал, что всё внутри переминается как глина, то самое чувство упущенного в очередной раз шанса. Никита опустил глаза от грусти и посмотрел на свою кружку, полную негрони, такого же красного, что был ранее. Кондитер перевёл взгляд на Бориса, который всё ещё смотрел на него, но в его лице читалось неприкрытое ехидство. Юноша потянулся за своей кружкой, а Никита подорвался и направился к Консуэле.

Плана действий у него не было. Его решимость ничего не поддерживало кроме слова «привет», которое он собирался ей сказать. Никита остановился на полпути, тяжело и судорожно вдохнул, посмотрел на часы. Единственная поддержка обратилась в оправдание для отсрочки разговора с девушкой, к которой испытываешь чувства, — появятся идеи, тогда можно пойти на такой подвиг. Никита развернулся и пошёл в сторону своего столика. Борис заметил это и выражением лица показал ему, что останавливаться не стоит. Никита фыркнул и, улыбаясь, сказал:

— Щенок, сам в такой ситуации не был, а меня подначивает, засранец.

Он стоял у столика Консуэлы, которая смотрела в сторону и делала вид, что не видит незваного гостя. Девушка сделала поток тёмного пива из маленькой бутылочки и отвела глаза дальше в сторону. Никита сглотнул вместе с ней, прокашлялся и сказал:

— Вечер добрый, Консуэла.

Ответа не последовало, тогда он вторгся робкими движениями в её зрительное пространство и повторил своё приветствие уже громче. Посетители полупустого заведения смотрели на потуги нерадивого любовника и толкали в рёбра всех, кто был рядом, чтобы они тоже посмотрели. Никита чувствовал тяжесть их взглядов, но противостояние подобной мелочи для него было таким же вызовом, как и общение с Консуэлой.

В этот момент, пока Никита наводил мосты с Консуэлой, Борис с лёгкой улыбкой на губах и в глазах размышлял о своей сложной судьбе. Внутренняя пустота давала широкий простор для мыслей. На данный момент, он притворяется, что находится под гипнозом и, возможно, убийством Кирилла доказал свою абсолютную лояльность. Ему было безразлично нахождение безжизненного тела такого же молодого человека, как и он сам, уже второй день в подвале его дома. Ещё он до сих пор не знает, есть ли среди коллег такой же непокорный. На нём висит нарушение правил, и этим юношу шантажирует ТОТ. Виктор подстроил его первое нарушение и точно готовит, что-то новенькое. Борис оказался в ситуации, в которой

он мог доверять только небольшой кучке унтов, но делать это ему не хотелось.

Неизвестно, как случайная цепочка событий повлияет на умы Никиты, Ирины или даже бабушки. С другой стороны, вариант, при котором они все его обманывают, тоже не стоит отметать. Ситуация со здоровьем бабушки полностью ушла на самотёк, Борису оставалось только ждать внезапного ухудшения, которое утащит её в могилу. Юный унт убеждал себя, что это из-за недостатка безина в её жизни или отсутствия самого процесса его добычи. Он не хотел принимать версию, при которой врач просто обладал низкой квалификацией и не мог провести адекватную диагностику. Человеческая натура в этом плане преобладала, ему хотелось простого решения, что сжигает все мосты и снимает с него ответственность. Поставленный им диагноз был неумолимым роком, который не оставляет выбора: можно попытаться противостоять ему, но только для утешения своей беспомощности.

Юноше нравилось отсутствие чувств и эмоций потому, что от таких тяжёлых мыслей у него не портилось настроение, и не болела голова. С другой стороны, награды от организма за проделанную, успешную работу головой в виде притока гормона радости тоже ждать не приходилось. Широкий простор мыслей оставлял его с ними взаперти. Но во всём этом мраке тоже был положительный момент: впервые Борис понимал, куда движется его жизнь. Встреча с миром, который был с ним по праву рождения, сузила все амбиции до банального желания выжить и сохранить жизни своим новым знакомым.

— Туфта эти ваши знакомства и пикапы, — проговорил недовольный Никита, присаживаясь на своё место, при этом опираясь на стол.

— Оказалось слишком сложно для тебя?

Никита вдохнул, чтобы ответить, но вместо этого принялся цедить свой негрони.

— Расскажешь, что там было?

— Мог бы и мышей запустить. Ты же знаешь, что мне будет лень тебе всё пересказывать.

— Я же из правильных. Забыл? — Борис подался вперёд, расправляя грудь.

— Это не повод для гордости. Нас просят исполнять всего семь правил, а Виктор мало того, что заигрался, так ещё других тащит в своё болото.

— Ты наговорил уже на целый пересказ своего любовного подхода.

— Я поздоровался несколько раз, а она одним махом выдула своё пиво и ушла.

— Меня это уже раззадорило. Немного пережди и по новой.

Никита рассмеялся и по-дружески толкнул его кулаком в плечо.

— Борь, я б поел. Присоединишься?

— Ты, конечно, меня извини, но, скорее всего, Консуэла не любит толстых.

— Чушь не неси. Она просто хочет, чтобы за ней побегали. Женщины сразу никогда не соглашаются.

— Ну, ты сам подумай. Она такая роскошная женщина, владелица модного ателье, в которое ходят дамочки при деньгах. Сам понимаешь, ей хочется мужчину под стать. Тем более, она брезгливая, а ты...

— Они все брезгливые, — перебил его Никита. — От меня не воняет, одежда на мне чистая. Что брезговать-то?

— Чистота — понятие относительное. Ей однозначно нужно чище.

— Душный ты, Борис. Если я отмоюсь до блеска и скрипа, она подумает, что я не по девочкам. Зелёный ты ещё, не понимаешь, что им того и надо, чтобы рядом с ними были их полные противоположности, так жить им интереснее. Ферштейн?

— Ферштейн. Хорошо, если хочешь есть, давай заказывай, — Борис приложил пальцы к вискам и свёл глаза к переносице, — я б халвы поел. Мне интересно, что Виктор в ней нашёл.

— Он её облюбовал ещё до меня, да и меня это не особо калышило. С другой стороны, тут всё равно не подают самую лучшую халву. Могу специально для тебя открыть свой храм вкусняшек, обрадуешь желудок под кофеёк.

— Обязательно, немного погодя. Вы же друг друга давно знаете, верно? Что хочет Виктор, у него есть цель в жизни? Не поверю, что он живёт только для исполнения правил, — Борис задавал этот вопрос не в первый раз в надежде, что Никита оговорится или потеряет бдительность, но каждый раз получал одно и то же.

— Именно для этого. Сам понимаешь, каждый хочет, чтобы все были тех же взглядов. Но есть одно, назовём его желанием. Ему хочется вспомнить, что с ним случилось во время великой резни много лет назад. Ты тогда ещё даже не родился, — Борис уже знал, что ему на тот момент был год. — Тогда появилось седьмое правило, — Никита удручённо вздохнул и после короткой паузы продолжил. — Столько унтов и хинтов было убито, в один день, в момент они стали нарушителями. А этот момент, мягко говоря, яркий, пропал из памяти Виктора и ему хочется его вернуть. Ты же видел у него шрам за левым ухом?

— Да, я сначала подумал, что это белая татуировка. Чем можно было так порезаться, чтобы шрам получился в форме розы?

— Ха, порезаться? У него узор за ухом, братан. Линии пухлые такие. Ему вдарили хорошенько.

— Ну, да-да. Но интересно, что это было.

— Я тебе не отвечу, а Виктор тем более.

— А ты для чего живёшь? — перевёл тему Борис.

Никита начал осматриваться по сторонам, а потом, глядя Борису в глаза и вращая указательным пальцем, сказал:

— Ради одной красотки, — затем поднял свою кружку. — Ради этого! — похлопал себя по пузу. — Ради радости, что начинается под пупком, а кончается в сердце, и не для одного меня конечно, — Никита отхлебнул и добавил. — А теперь твоя очередь.

— Я живу...скорее для...я хочу выжить.

— О, как! Хорошая цель. Нет, серьёзно, хорошая, — сказал Никита и поднёс к губам ладонь, сложенную в кулак.

— Лучше не бывает. Говорю, как есть.

Никита опять опустил глаза, упал на спинку стула и расправил плечи.

— А, если серьёзно, по-настоящему серьёзно, я тебя понимаю. Про этот пункт я постоянно забываю.

На следующий день Борис пошёл на работу, он чувствовал себя немного невыспавшимся, потому что не мог полночи заснуть после кофе из магазинчика Никиты — кондитер обещал сделать его некрепким. В начале дня воздух в магазине был прохладным и бодрящим, но после полудня наплыв посетителей принёс с собой духоту. Бориса поставили за кассу, но ему хотелось разложить продукты в холодильники или принести овощи из склада, который манил к себе, как чан со студёной водой.

Посетители в большинстве своём были вежливыми с момента подхода к кассе до пробитого чека и упаковки покупок в пакет. Однако Борису такое качество людей пришлось не по вкусу, потому что возникла угроза сорвать план по сбору безина, а от монотонной

работы он уже начал клевать носом. Попросить заменить себя юноша не решился, потому что без Кирилла нагрузка распределилась по сотрудникам и пока не была разделена поровну. Молодому унту стало интересно, что происходит в головах его коллег от такой несостыковки, потому что Аристократ на последней планёрке приказал всем сотрудникам забыть о существовании Кирилла. Очевидно, приказ был выполнен, но оставалось загадкой, как они для себя оправдали пропажу одного из винтиков налаженного механизма. Несмотря на такую непреодолимую преграду, ему жизненно необходимо узнать, что у них на уме.

Юноша нажал кнопку вызова персонала, по всему залу зазвенел неприятный звонок. Спустя минуту никто не пришёл, и скрежет сигнала зазвучал громче и дольше. Наскоро подбежала миниатюрная молодая девушка и уселась за свободную кассу. Только после того, как сменщица закинула за спину длинную косу русых волос, она произнесла звонким и весёлым голосом:

— Проходите на свободную!

В очереди к его кассе стояло всего две женщины, и, уходя, он попросил их пройти к коллеге. Они выразили ему вслед своё недовольство, но юноша не стал останавливаться и направился на склад. Борис прошёл мимо кудрявой сотрудницы, которая заулыбалась ещё сильнее при виде молодого коллеги, а он в свою очередь ответил тем же. На работе улыбка не сходила с лица юного унта, и она могла стать шире, если кто-то к нему приближался. Двери склада были так близко, только руку протяни, но его окликнул нежный и знакомый голосок:

— Борис, погоди.

Он обернулся, перед ним стояла Ирина, одетая в белый свитер, светлые джинсы и бежевые сапожки. Её лицо сияло светлой радостью, но когда она увидела его улыбку, оно вмиг омрачилось.

— А, привет! Какими судьбами?

— Ты, Борис, что-то... какой-то чересчур весёлый, — Ирина покрутила пальцем у виска. — Эмоции контролировать надо, а то одержимым станешь.

— К клиентам с тухлым лицом не выйдешь. Сама понимаешь, это не тату-салон, сервис тут совершенно другой. И ещё...не беспокойся, это не от души, просто имитация.

Ирина скрестила руки на груди и крепко сжала пальцами локти, её взгляд был серьёзным и пронзительным. Борис старался не смотреть ей в глаза, потому что чувствовал всю тяжесть атмосферы, что она создавала вокруг себя.

— Борис, надеюсь, что ты мне веришь. Хотя я не верю Аристократу, на которого ты работаешь, да и Виктору тоже. Я уже говорила, что не хочу для тебя ничего плохого...

Он увидел, что за её спиной упитанный мужчина катит тележку, а они загородили этому посетителю проход. Борис положил Ирине ладонь на плечо и отошёл с ней в сторону со словами:

— Да, я доверяю тебе. Но о наших унтовских делах лучше говорить подальше от людей. Хорош... — Борис поймал себя на самой противной вещи — манипуляции, которую призрачил всей душой.

— Что замолчал? — Ирина пару раз щёлкнула пальцами.

— Давай обсудим это позже. Жди моего звонка...пожалуйста, — Борис закончил и пошёл в сторону склада.

Ирина цокнула языком и направилась к выходу.

Глава 11. Часть 2

На складе тот самый сбитый, крепкий, с животиком и маленького роста мужчина по имени Семён загружал на тележку спайки с двухлитровыми бутылками лимонада. Как только он увидел Бориса, сразу улыбнулся и поинтересовался:

— Помогать пришёл, Бориска?

— Душновато в зале, надо бы обстановочку сменить.

— Загружай тележки вот этими спайками, я разложу их в зале.

Борис прошёл мимо Семёна достаточно близко для того, чтобы не вызвать подозрения и запустить мышь в его рукав, — благо на униформе они длинные, — а затем сходу закинул две спайки в тележку. Сотрудники магазина — исключая уборщицу и грузчика, которые были людьми, — находились под гипнозом корреспондента-хинта. За эту половину недели Борис не мог подобраться к Семёну, потому что его поставили на кассу, и он от неё не отходил всё это время. Когда маятниковые двери закрылись за спиной мужчины, юноша спускал на пол спайки и одновременно концентрировал внимание на мыши, которая уже подползла к затылку, двигаясь под кожей. Для неопытного унта проводить это действие было так же сложно, как и хлопать себя по животу одной рукой, а другой вращательными движениями гладить макушку. Как только майка Семёна натянулась от разгрузки тележки, он направил мышь к пояснице, и там она вонзила свои зубы.

Мужчина приложил ладонь внешней стороной к укусу и медленно разогнулся, улыбка не сходила с его лица, но глаза слабо посерели.

Борис, пытаясь точно сымитировать голос Аристократа, вещал ему в голову:

— Ты должен высказать Борису всё, что у тебя сейчас на душе.

После этих слов, обе его коллеги подходили к нему и в свободной форме пересказывали те слова, которые говорил Герман, когда пытался загипнотизировать юношу. Если он услышит это опять то, он останется по-прежнему далёк от разгадки своего иммунитета.

Семён вернулся к Борису с одной спайкой в тележке. Потухший радостный огонёк в глазах мужчины было сложно распознать, но юноша сразу это заметил.

— Эту спайку отложи, там этикетка серьёзно отклеилась.

Борис взялся за верхнюю часть спайки и нащупал между бутылками бумажку, судя по толщине, это был сложенный в несколько раз тетрадный лист. Сначала планировалось просто поставить бутылки рядом со стеллажом, откуда их взяли, но Борис прошёл с ними весь склад, чтобы муравьи успели спуститься и отнести свёрток на спину. Юный конспиратор поставил спайку к стенке без стеллажей, прямо под форточкой, через которую он проводил свою вылазку. Пока юноша возвращался к тележкам, он обдумывал, как ему прочитать эту записку.

— Давай, торопись. Я уже закидал одну тележку, — сказал Семён.

Для начала Борис хотел избавиться от шишки на его спине и пару раз потянулся, сведя лопатки, чтобы муравьи дважды разложили свёрток. Остаток рабочего дня он провёл с квадратиком бумаги на коже, старался избегать активности и приказал муравьям чаще перемещать записку по наиболее сухим местам на теле. Когда он переодевался — благо снимать нужно было только одежду выше пояса, — квадратик перекочевал в джинсы. По дороге домой муравьи полностью развернули бумажку — это действительно оказался тетрадный лист в клеточку. Письмо было адресовано ему, он считал это по движениям

муравьёв, которые бегали по линиям букв. Изначально листок повернули не той стороной, и содержание текста казалось чушью. Верное начало было таким:

— Борис, я раньше был владельцем этого магазина...

Далее Семён рассказал о своей способности, которая, по его мнению, стала причиной потери магазина. Он мог выжигать очень маленькие объекты силой мысли, например, испепелить краску на ценниках и выжечь на бумаге новые цифры. Следующее послание было о том, что Аристократ оставлял в живых практически всех, кого вызывал на честный поединок, правда, он всех клеймил — оставлял ожог прямо посреди груди. Шрам от него напоминал Семёну осьминога с пятью щупальцами. Во всём остальном он не жаловался на роль побеждённого. Запас безина он научился носить в себе и после сдачи магазина каждый день откладывал часть, скопив приличное состояние. Нападения одержимых он не боялся, потому что находился под протекторатом Аристократа. Семён опасался только одного, что Аристократ урежет плату безином до минимума, судя по последним событиям, именно это могло произойти в любой момент.

Борис закончил расшифровку и сложение текста у себя в голове только к полуночи. Ему было ясно, что иммунитет есть и у Виктора, и у Аристократа и большей части унтов, чьи каменные маски вместо лиц он видел в баре. На следующий день после работы юноша поспешил к татуировщику, когда он вошёл без звука колокольчика, перед ним предстала нереальная картина, рядом со стойкой стояли вместе и разговаривали Виктор и Аристократ.

— Вечер добрый, Борис, — сказал Аристократ.

— Добрый вечер, Ар-лег Александрович, — отозвался Борис, — Я вам не буду мешать? Может, я позже зайду?

— Нет, Борис, речь как раз о тебе. Присоединяйся к разговору. Время твоей стажировки подходит к концу, поэтому мы хотели обговорить детали, — сказал Виктор.

— Я хотел бы отпустить тебя через неделю, а Виктору хотелось тебя видеть здесь только через десять дней.

— Хорошо, вернусь в салон через неделю.

— Хорошо, так хорошо, — Виктор протянул руку Аристократу, — жду своего подмастерья через неделю. Если ты припас для него что-то интересное, самое время это показать.

Аристократ ответил на рукопожатие и сказал:

— Твой парень итак знает больше чем нужно, даже отпускать его не хочется.

Рукопожатие было долгим, а слова настолько холодными, отчего терялись смысл и очарование беседы.

— Может, дашь кого-нибудь из своих? У тебя-то хоть один блудный должен быть.

— Интересно, конечно. Но у нас у самих работы через край. Людей не хватает свои дыры закрывать, поэтому на сторону никого не хочу отпускать.

— Понимаю, понимаю. Я полагаю, что мы уже закончили? Пришёл Борис, сам понимаешь, не вежливо заставлять его ждать.

— Верно, пора уже, — Аристократ прошёл мимо Бориса, мигом развернулся и положил ему ладонь на плечо. — Проводи меня до машины. Я припарковал её во дворах.

Борис, не колеблясь ни секунды и не глядя на Виктора, согласился.

На улице редкие прохожие спешили домой, а многочисленные машины шелестели резиной по мокрому асфальту. Воздух был мягок и холоден, отчего не менее приятен. Аристократ и Борис не сказали друг другу ни слова, пока не отошли от тату-салона.

— Что хотел рассказать Виктору?

— О том, что ничего примечательного в магазине не произошло. Вчера пришли люди, с которых не удалось собрать безин, мне нужен был совет.

Аристократ остановил его, положив руку на плечо.

— Борис, ты работаешь в моём магазине. Ты должен обращаться за помощью ко мне.

— Хорошо. Как мне добывать безин, если в человеке нет необходимых эмоций и чувств?

К ним навстречу ехал велосипедист, места для проезда не было, только если съехать на дорогу. Он двигался прямо на Аристократа в надежде, что тот уступит, но коммерсант лишь расправил плечи и задрал нос. Борису пришлось сойти на проезжую часть, чтобы велосипедист проехал, активно вращая педали.

— Если нужных эмоций и чувств нет, тогда ты должен их создать. Ты же почувствовал его гнев, верно?

— Да, почувствовал. В принципе, мне понятно, о чём вы.

— Запомни, нужно действовать изобретательно. Я не навредил человеку, правило не нарушено. Вот ты заметил, что наши сородичи ради увеличения дохода боятся даже на такую хитрость пойти. Из-за первого правила они на колени перед людьми падают, лишь бы остались довольны от корки до корки. Понимаешь?

— Да, ведь наша задача собирать безин. Но вот ещё остаётся третье правило. Думаю, я легко его обойду.

— Молодец, — Аристократ протянул ему руку, а юноша ответил на рукопожатие и почувствовал купюру сложенную пополам, — Сходи сегодня к людям на территорию хинтов, потренируйся.

— Спасибо, будет исполнено, — ответил Борис, засовывая купюры в задний карман.

Они завернули в светлый двор, в котором стояло много машин, но совершенно не было людей.

— Безин не собирай, только вызови те эмоции, что тебе нужны. Вон туда, — Аристократ показал на спортивную иномарку в дальнем и тёмном углу.

Машина была чёрным пятном, которое сливалось с этой частью двора. Борис внимательно всматривался, но не мог понять, какой она марки. Аристократ завёл двигатель с помощью брелка, потом подошёл ближе к юноше и сказал:

— Куда сейчас пойдёшь?

— К Виктору. Я уже ему показался, не вернусь, он будет волноваться.

— Что у него спросишь?

— То же самое. Может, он что интересное посоветует.

— После этого походи и потренируйся.

Аристократ сел в машину и довольно быстро покинул двор. Когда машина скрылась из виду, Борис услышал рёв мотора и скрип резины.

Он вернулся в тату-салон. Виктор, откинувшись на спинку дивана и заложив ногу на ногу, смотрел на входную дверь.

— Как всё прошло?

— Я же под защитой Аристократа, ничего плохого со мной не может произойти.

— Суть моего вопроса в другом.

— Тогда спросите прямо.

— О чём ты хотел со мной поговорить?

— Вчера я столкнулся с проблемой, не мог собрать с посетителей безин. Люди приходили добрые и вежливые, совсем не наши клиенты.

— А что конкретно ты искал в них?

— Гнев, злобу, ненависть...

— По правилам мы не вредим людям, но не стоит этим ограничиваться. Прости, что перебил. Нужно видеть в них таких же живых существ, как ты и я. В них же есть чувства, которые могут разжечь огонь. Любовь может?

— Но разве она не сдерживает?

— Ищи любовь жгучую, всепоглощающую, что идёт от чистого сердца. Её испытывает мать, что зацеловывает своего ребёнка, знаешь, так, что закапывается в его щеку. Тебе нужно искать такие чувства.

Борис почесал затылок.

— За мой скромный опыт, не припоминаю, чтобы хоть раз мне попался человек, в котором я бы почувствовал любовь.

— Элементарную вещь скажу, но люди не держат любовь на поверхности. Любовь не для всех.

Борис рассмеялся и старался не фальшивить, но ему показалось, что он не попадает в настоящий смех и сквозь затухающий хохот ответил:

— А ненависть для всех?

Виктор посмотрел в сторону и еле заметно кивнул.

— Я же могу любить всех. Ненависти для них у меня ни капли нет, — сказал Борис.

— Ты прав, ни капли. Вместо неё в тебе плещется недоверие, а любовь внутри тебя, глубоко внутри.

— Год уже прошёл, я другой человек.

— Унт, Борис, унт.

Чёрная сфера заволокла всё вокруг, она скрыла стойку ресепшена и входную дверь. Верхушка была совсем близко, руку протяни и коснешься. Борис выдохнул от облегчения и размял щеки ладонями.

— А теперь по делу, тебе есть, что сказать мне?

— Я знаю, у кого ещё есть иммунитет, это Семён, бывший хозяин магазина. Он хранит в своём теле большое количество безина и держит свои эмоции под контролем — это и есть ключ. Получается, нам с вами порабощение разума не грозит.

Виктор слушал своего подмастерья, потирая подбородок, и когда тот закончил, ещё несколько минут молчал. В его мыслях вырисовывались планы по свержению Аристократа, действовать нужно было быстро, раз на их стороне такое преимущество. Борис в этот момент терпеливо ждал ответа.

— Борис, то, что я дальше тебе скажу важно исполнить. Это единственный путь, путь к успеху. Ещё раз повторю, другого выхода нет. Нужно сказать Аристократу, что ты не подвержен гипнозу, но причину назвать ложную, а именно, что для иммунитета нужно чувство нонконформизма и независимости. Он тебе точно поверит, ведь в тебе есть то искреннее желание не подчиняться, а в Семёне такое чувство само собой разумеющееся.

— Постойте, я должен и его раскрыть?

— Должен, иначе ничего не получится.

— По вашему плану, что с ним должен сделать Аристократ, чтобы для нас всё прошло гладко?

— Семёна в живых он не оставит, это точно. Его жизнь и так принадлежит Аристократу, он просто вызовет его на честный поединок. Аристократ уже один выиграл, выиграет и второй. Тебя он не тронет, ты ему нужен для захвата моего салона.

Борис не чувствовал жалости или горечи из-за необходимости предавать унта, который сослужил ему такую важную службу, тем не менее он понимал, что это нарушение морального правила, людского неписанного закона. Виктор однозначно ошибается, нельзя отправлять Семёна на смерть только потому, что он был вовлечён в конфликт, даже не просто вовлечён, а внёс неоценимый вклад по его скорейшему разрешению. Мастер решил судьбу своего собрата за считанные минуты, вынес ему смертный приговор и назвал его единственным возможным выходом. Для Бориса вся ситуация была предельно ясна, но способа разрешения этой дилеммы с наименьшими потерями он пока не нашёл.

— Хорошо, раз по-другому поступить нельзя, я сделаю всё согласно плану.

— После Аристократ подошлёт ко мне Пропа и наверняка вызовет на поединок. Он подстрахует за твой счёт, будь готов к тому, что нужно будет подчиняться ещё натуральнее. Проси у него всё, что на самом деле хочешь.

— После того, как я себя раскрою, я должен буду стать вашим врагом?

— Да, думай именно так. Внуши себе эту мысль для успеха нашего плана.

— Готов вас уверить, что ситуация для меня не сложная. Я в этом деле преуспел.

— В чём именно, обмане или вражде со мной?

— В том, чтобы умело притворяться. Виктор, я с вами слишком крепко повязан, чтобы вас предать.

Мастер ткнул его в то место, где была змейка, что тот услышал шипенье и почувствовал, как она шевелится на коже.

— От этого ты мог бы умереть.

— От чего? От тычка?

— Об этом никто не знает, но я могу управлять унтом или хинтом, если нанесу на его тело татуировку, но только одни сутки, как ты мог уже убедиться. И это ещё не всё, я могу убить от прикосновения к той самой первой татуировке.

Борис плотнее прижался к спинке дивана и сказал:

— Это угроза? Я же сказал, что мы связаны, и я вас не предаю.

— Я тебе не угрожаю, как раз таки наоборот. Борис, расслабься уже наконец, я дал обещание. Помнишь?

— Помнишь.

— Если я один раз кем-то управлял, то второй раз этот фокус не пройдёт, и убить прикосновением к татуировке не получится. Штука эта одноразовая. И никто кроме тебя об этом не знает.

— Даже Никита?

— Даже Никита.

— А у него есть татуировка от вас?

— Есть. Голова слона на плече, — Виктор хлопнул себя по левому плечу, — Он не особо долго её выбирал, нашёл в каталоге и попросил набить на плечо. Я предлагал что-нибудь со смыслом, знаешь, такое с душой. А он настоял на слоне.

— А вы когда-нибудь управляли Никитой?

— Эту силу я против него не использую. Против него уж точно никогда.

— А есть ещё унты, ну, или хинты с вашими татуировками? Их вы контролировать

пытались?

— Да, есть унты с моими татуировками, но ты с ними не знаком. Мог видеть в баре, но не более того. А контролировал я только парочку, включая тебя.

— А нам не пора закругляться? — сказал Борис, поднял руку и попытался пальцами прикоснуться к потолку сферы.

— Ты постоянно спрашиваешь Никиту о моей жизни. Сейчас самый подходящий момент, чтобы спросить напрямую, пока мы наедине.

— На все вопросы я уже получил ответы, не думаю, что вы скажите мне что-нибудь новенькое. Хотя давайте попробуем, почему нет. Последний раз я его спрашивал о цели вашей жизни. Он сказал, что вам очень хочется узнать, что же было в год резни, когда появилось седьмое правило.

— Да, скрывать это глупо, мало ли кто поможет. Ты и представить себе не можешь, каково это потерять год из жизни. Он просто пропал. Знаешь, его будто вырезали, и даже шва не осталось. В тот год случилось историческое событие для хинтов и унтов, зарождение нового правила, а я этот момент пропустил. Это как увидеть затмение, что бывает раз в тысячу лет. Тебе тоже не особо повезло, тебе тогда и года не исполнилось.

— Да меня и год назад дела унтов и хинтов не особо интересовали. А вот что меня по-человечески интересует, кто оставил вам шрам за ухом или хотя бы как?

Глава 11. Часть 3

Виктор провел пальцами по шраму, ощущая выпуклые рёбра узора.

— Честно говоря, не нашёл. Может меня пытали, возможно, что это был Семён с его способностью рисовать огнём.

— Мне это даже в голову не могло придти. Он точно не должен оказаться злодеем в нашей истории.

— Злодей тот, кто нарушает правила, а сейчас на горизонте только один такой унт — Аристократ. Мы должны его остановить. Ты запомнил, что тебе нужно сделать?

— Конечно.

— Мы закончили говорить на моменте, когда ты сказал, что в тебе полно любви, а я сказал, что в тебе много недоверия. Затем я сказал, что ты унт, и открыл купол. Сейчас я его закрою, а ты должен ответить мне.

Борис краем глаза смотрел на пол, в котором утопал чёрный купол, и уже натянул фальшивую улыбку.

— Да-да, я унт. Прошу прощения, оговорился. От старых привычек не так-то просто избавиться.

— Ты главное при людях не проговорись, что ты унт.

— Вы слишком серьёзно к этому относитесь. Они просто пропустят это мимо ушей, подумают, что я оговорился. Люди про нас ничего не знают, слово «унт» для них пустой звук.

— Я хорошо знаю людей, их суеверия смели не одно наше поколение. Сжигали как ведьм на кострах и считали себя правыми. Рядом с ними будь начеку.

— Само собой. Недоверия во мне ведь немало.

— Хочешь попрактиковаться с машинкой? Рука-то уже отвыкла.

Юноша вспомнил про свой кусок сала, на котором он живого места не оставил.

— На сале?

— На мне.

Борис поднял брови и подмял губы, но понял, что перестарался и вернулся к обычной улыбающейся гримасе.

— Я хочу себе ту татуировку, что предлагал набить Никите. Пошли со мной, каталог в мастерской. Если не сложно, закрой дверь.

В помещении слабо пахло чернилами и стерильностью, которая подсушивала ноздри. Всё было на своих местах, ничего не изменилось с момента того самого рокового визита. Ощущение ностальгии ограничилось только воспоминанием, даже лёгкого холодка не пролетело в груди. Виктор подошёл к подставке для рук, на которой юноше наносили Беретту и нож-бабочку. Место было обмотано плёнкой, а рядом стояла тележка со всем необходимым. Татуировщик взял каталог и, только когда нашёл нужную страницу, сказал:

— Если татуировку нанести обычной краской без безина, она не оживёт, как ни старайся. Твою первую татуировку я наносил обычной краской, а безин я взял из родимого пятна на твоей голове.

Борис потрогал подушечками пальцев свои короткие красные волосы с осторожностью, с которой прикасаются к чему-то чужому.

— Для меня всю жизнь это пятно было большой загадкой. Врачи говорили, что это оно

самое, родимое пятно, а почему оно окрашивает волосы, они не знали. А оказалось, что это мой кошелёк.

Виктор слабо улыбнулся, стоит признать, получилось у него натурально.

— Я дал твоему телу приказ оживить тату, и оно с ним отлично справилось. Тогда я понял, что из тебя выйдет толк, — мастер протянул юноше каталог.

«Интересно, он говорил то же самое своим предыдущим ученикам?» — подумал Борис.

Одна страница каталога была пуста, а на половине другого листа пребывал в одиночестве чёрный эскиз татуировки. Рисунок напоминал множество осколков, чёрточек и линий, которые хаотично кружили как вихрь. Это напомнило Борису одну телепередачу о городке на другой стороне земного шара — на экране торнадо снесло деревянный сарай и подняло вверх его осколки.

— На руках ничего кроме оружия нет, а тут на плече пусто.

Виктор не стал снимать рубашку, а только расстегнул её до середины, вытащил левую руку из рукава и перекинул его через плечо. Мастер присел на стул и положил руку на подставку, отвернулся и показал большим пальцем назад.

— На тележке лежит эскиз. Быстро управисься и пойдёшь по своим делам.

— С перчаткой должно быть быстрее.

— С перчаткой я и сам справиться могу. Лучше покажи мне, на что ты способен.

Борис развёл руками и пошёл их мыть, затем, натягивая вторую перчатку, остановился.

— Сколько платите? Я думаю, это тянет на два симмиринга.

— Считай, что это моя награда за труды. Только благодаря мне ты можешь этим заниматься.

— И всё это из чистых помыслов?

— Без правила не обошлось, — Виктор развернулся и посмотрел молодому унту в глаза, — но ещё я увидел в тебе человека без пути. Человека, что в навязанные другими идеалы не верит.

Борис усмехнулся и сказал:

— Получается, что вы мне навязали свои.

— Да, но сделал это грамотно, в отличие от всех тех, кто был до меня.

— Оплата бы не помешала. Мне нужно потренироваться по совету Аристократа. Отнятое время, когда спешишь, стоит дорого.

— Если я посчитаю, сколько времени я на тебя потратил, ты не расплатишься, — сказал Виктор и развёл уголки губ, образуя прямую линию.

— Жадность плохая черта, Виктор.

— Я бы сказал, что это предприимчивость. Важная черта — что для хинта, что для унта. Помогает оставаться в живых.

Борис справился с татуировкой быстро, смотрелась она на округлости плеча как влитая в окружении пистолетов и ножей. Виктор долго молчал, пока разглядывал её в зеркале, вращая суставом, и, наконец, сказал:

— Чаще надо было обмакивать.

— Я рад, что вам понравилось, я старался, чтобы вам понравилось. Мне пора бежать, так что всего хорошего.

— А плёнкой замотать? — громко сказал мастер Борису, который уже проворачивал ключ в замке.

— Не вижу смысла делать это сейчас.

Виктор проводил своего подмастерья взглядом, пододвинул тележку с краской к зеркалу и принялся доделывать тату за своим учеником.

Борис знал только одно место для хинтов, но в такой поздний час его, наверняка, туда не пустят. Хотя церкви, по его мнению, должны быть открыты для страждущих круглосуточно. Другими местами для хинтов он не интересовался раньше, а поездку в бар, чтобы свериться с картой, посчитал пустой тратой времени. Он решил испытать удачу, если служители не закрыли свой храм, то ему повезёт встретить хотя бы одного прихожанина. Тем более Борис знаком с Малиотом, и при должном объяснении он мог войти в его положение.

Самым верным способом сэкономить время было такси. Юноша присел на заднее сидение чистой иномарки, а когда машина тронулась, ему в голову пришла мысль спровоцировать водителя на территории хинтов. Затея была погребена, когда таксист начал орать благим матом на водителя, что не давал ему перестроиться, а они ещё не проехали даже первого перекрёстка. Такси осветило фарами ворота церкви. Борис вышел без спешки, аккуратно закрыл дверь и сразу рванул к входу по пустому двору, который освещали четыре высоких фонаря.

Двери церкви оказались открыты, поэтому он не обратил внимания на табличку с графиком работы и даже не подумал о ней. Внутри было темнее, чем в прошлый раз, свет исходил только от тусклых ламп над алтарём и портретами адептов веры. Борис обошёл основной зал, но не наткнулся ни на одного из служителей или верующих. Он прислушался, сквозь гудение ламп и воздуха в трубах вентиляции юноша услышал тяжёлые шаги в комнате, где он разговаривал с Малиотом. Змейка выползла на плечо и прошептала:

— Борис, вы что застыли? Откровение?

— Заползи в дверь и покажи мне, что там происходит.

Чёрная кобра спустилась по коже юноши, сползла по штанине на пол и слилась с полом. Она, извиваясь, в спешке скользнула в деревянную дверь. Комнату через одностворчатое окно освещал слабый свет от уличного фонаря, он мог покрыть только половину стола и стул Малиота. Змейка услышала громкие шаги и почувствовала, как перед ней сотрясается пол. Неизвестный приближался, а кобра застыла на месте и подняла глаза вверх, насколько позволяли веки. Глухой стук дерева о дерево и скрип дверных петель заставил Бориса спрятаться за ближайшей колонной. Редкая поступь разносилась эхом под сводами церкви и закончилась хлопком входной двери.

Змейка вернулась на своё место; Борис стоял, прижавшись к колонне, и не хотел уходить. Глазами кобры он увидел Малиота с деревянной коробкой, такие часто показывали в фильмах о войне, только там они были болотно-зелёные, а эта грязно-голубая. Через все щели плотных досок проникал белый свет, а содержимое перетиралось и звенело с каждым шагом как металлические гири

Борис выждал достаточно и хотел уже пойти на выход, но услышал, что дверь закрывается на замок. Освещение по-прежнему горело, что было единственным плюсом в сложившейся ситуации, но этот факт не давал надежду покинуть здание. Юный унт перебрал всех представителей своего арсенала, но они не смогут вызволить его бесследно. В церкви окна были только под потолком и в комнате Малиота, они имели железную раму и не открывались, за исключением крохотной форточки сверху. Другой выход был за алтарём в противоположной стороне от основного, но его забаррикадировали длинной лавкой и связали бронзовые ручки толстой верёвкой. Борис уселся на стул Малиота и перевёл взгляд

со стола на окно, он хотел просто разбить стекло и выбраться наружу — всё равно его засекали камеры. С другой стороны, в таком случае их точно проверят. Он вспомнил Семёна, чья способность воспламенять объекты сейчас бы пригодилась, он мог просто вырезать стекло, а потом запаять его обратно. Борис встал со стула и стал набирать номер.

— Привет, извини, что так поздно... а, да-да, конечно. Мне нужна твоя помощь. Я скину тебе геометку. Как приедешь, напиши. Не забудь, именно напиши. Ничего серьёзного и ничего не случилось. На месте всё объясню.

Борис вернулся в зал и стал посреди него, он прислушивался ко всем звукам вокруг и периодически смотрел во все стороны. Спустя примерно полчаса телефон в его ладони завибрировал, на дисплее было сообщение о том, что помощь уже прибыла. В ответ он написал, что нужно подойти к окну, которое он обозначил на геометке. Борис побежал в комнату Малиота и увидел, что там стояла Ирина, её поза твёрдая, а кулаки плотно сжаты. Прямо за спиной девушки было то самое вдребезги разбитое окно, а рама лежала рядом куском помятого железа.

— Я рад тебя видеть, Ирина, — сказал Борис с теплой радостью в голосе и двинулся к ней, — но нам уже нужно уходить.

Ирина холодно смотрела на него, а потом бросила взгляд в сторону входной двери. Борис тоже услышал посторонние звуки, стоило ему прислушаться, и он определил их как ноготки, которые клацают по каменному полу. Он сложил руки рупором, приложил их к уху Ирины и прошептал:

— Медленно и бесшумно выходи через дыру и начинай заделывать окно от краёв к центру, — пока Борис говорил, он раздавил и засунул пару зубчиков чеснока в передний карман её джинсов.

Юноша на четвереньках подполз к двери и вложил в зубы двум материализованным мышам по одной дымовой шашке. Зверьки, держась в тени, двинулись на звуки незнакомцев, что проникли в церковь. Опасения Бориса подтвердились, это были две собаки Аристократа — джек-рассел-терьер и гончая. Они осматривали территорию по периметру и через пару минут могли сомкнуть их в клещи.

Борис отдал мышам приказ заложить дымовые шашки около двери и возвращаться прежним путём. Он посмотрел на окно, рама стояла на месте без следов взлома, а стёкла устанавливали игольчатые паучки — отверстие восстановили только наполовину. Борис схватил обоих грызунов, подорвал дымовые шашки и побежал к окну. Когда он стрелой вылетел из него, Ирина направила всех паучков на завершение ремонта стекла, и они за пару секунд его закончили. Борис выпустил вверх ворона и раскидал полумесяцем дымовые шашки. Ирина взяла его за руку и побежала в сторону тени от дерева, которое перевесило свои ветви через забор. Он не сопротивлялся и старался подстроиться под её движения, чтобы не стать обузой. Девушка пришла сюда по скрытым, тёмным местам территории храма и заметила по пути все камеры. Они легко перемахнули через забор с пиками и побежали вглубь соседнего двора.

Борис создал свой треугольный купол посреди игровой площадки, но оставил улыбку на лице. Они присели на лавочку, чтобы отдышаться и немного остыть. Ирина молчала, а Борис, как только понял, что уже пора ей всё объяснить, рассказал обо всём, что произошло с ним сегодня и что привело его в эту церковь.

— Аристократ хотел только, чтобы ты потренировался или что-то ещё? — спросила она с явным нажимом.

— Речь шла только об этом, — Борис старался не отводить глаз.

— Он просил тебя сделать то, что ты бы никогда в жизни не сделал?

— Аристократ просил убить Кирилла, моего коллегу.

Ирина дала ему пощёчину так, что хлопок откликнулся эхом под потолком.

— Как ты смеешь говорить об этом с улыбкой на лице?! — её голос дрожал, глаза блестели, а по щекам потекли слёзы.

С его лица слетела улыбка, и вернулась прежняя каменная маска. Он медленно но уверенно приблизился к Ирине и поцеловал. Она стиснула зубы и немного подалась назад. Борис сжал перекладины сиденья лавочки позади девушки. Ирина чувствовала лютый холод, который веял от неуклюжего поцелуя, и отчего в её душе становилось теплее. Все страхи и опасения девушки развеялись. Она мягко оттолкнула его, уперевшись ладонью в грудь.

— Это мой первый поцелуй, — поспешил оправдаться Борис.

— А у меня второй, — сказала Ирина и игриво улыбнулась.

— Да, это было ужасно.

Ирина театрально удивилась, и ткнула юношу пальцем под ребро.

— Надеюсь, мы исправимся, — вздрагивая, ответил он.

— Хорошо, что ты такой же. Честно, я боялась, что он тобой управляет.

Борис встал, показал жестом подождать его и пошёл к краю купола, он думал о том, может он ей довериться или нет. Удивлённая таким поступком Ирина смотрела ему вслед и хотела сорваться и убежать прочь, но сначала оглушить этого наглого мальчишку. Борис решил рискнуть и как только дошёл до края, вернулся к девушке.

— Он и не контролировал меня, ни секунды. Честно.

— А тяжело было? — сказала Ирина и покрутила пальцем вокруг своего лица.

— Никогда бы не подумал, что мне будет тяжело радоваться, — сказал Борис и поднял уголки губ.

Ирина прикрыла ладонью широкую улыбку, но карие глаза улыбались от души. Она заложила за уши пряди угольно-чёрных волос и пододвинулась ближе к Борису.

— А сейчас ты притворяешься?

Грудь девушки часто вздымалась, от чего еле заметно покачивалась голова. Борис наклонился к ней, Ирина закрыла глаза, но поймала дрожащими губами пустоту. Юноша приблизился к её уху и прошептал:

— Я много упускаю от того, что...ничего не могу почувствовать. Знаешь, даже сказать, что мне жалко, не могу.

Ирина опять толкнула его ладонью, только в этот раз грубее и недовольно сжав губы.

— Какой ты честный, Борис, — сказала она, демонстративно отвернулась и скрестила руки на груди.

— Я не виноват, подхватил от Виктора. Хорошо, буду последним козлом специально для тебя.

Ирина так же демонстративно повернулась и наклонилась к нему. На её лице была смесь из эмоций, казалось, что она может сейчас и рассмеяться, и разрыдаться.

— Может, что получше придумаешь?

Неопытный юноша не знал, что ему делать. «Поцеловались, не получилось, и хватит на сегодня. Она, наверняка чего-то другого хочет. А не рано ли? — думал он. — Ну, пощёчина от неё уже была, поэтому не страшно». Он поцеловал Ирину, только в этот раз обхватил её руками и прижал к себе.

Домой к Ирине они ехали в такси и всю поездку целовались, не обращая внимания на водителя. Борис пытался имитировать страсть, которую никогда не испытывал, и потуги его были плачевны. Но Ирина оценила его рвение и стерпела все шероховатости наигранных ласк — для неё самой это было в новинку. Они подъехали к подъезду дома, на углу которого располагалось ателье Консуэлы. Ирина вышла из машины и стала ждать Бориса у двери, пока он расплачивался с таксистом. Юноша пробежался по ступенькам и крепко обнял возлюбленную, она повернула голову в сторону и немного подалась назад, разжимая объятия.

— А ты зачем такси отпустил? Домой пешком пойдёшь?

— Просто, понимаешь...ладно, скажу честно, я выдал себя. Аристократ всегда следил за мной, а сейчас он понял, что я его обманываю. Наверняка, завтрашнего дня мне не пережить и...

— Ты не тот унт, что торопит события. Ты честный унт, — сказала Ирина, поцеловала его в щёку и потрепала за неё. — Не забывай.

Ирина зашла в подъезд, а он провожал её взглядом, пока она вприпрыжку поднималась на этаж выше. Его руки и грудь пульсировали, а голову начало болезненно покалывать, он схватился за неё и стиснул зубы, а когда немного попустило, приложил запястья к ушам и услышал, как бешено бьётся сердце.

Борис выделялся своим постным лицом на фоне коллег как ромашка в маковом поле, и, судя по недовольным выражениям лиц посетителей, намеривался перевыполнить план по сбору безина. Из двух тактик он без намерения выбрал ту, что подсказал ему Аристократ. Начальник не появлялся и для Бориса рабочий день был временем хоть и не мучительного, но ожидания серьёзного разговора, что решит судьбу многих. Аристократ для него был загадкой не меньшей, чем Виктор, но коммерсант на его памяти никого не убил. Юноша не сомневался, что на совести начальника есть смерти тех, кто владел его собственностью ранее. Всей правды он, конечно же, не узнает, а выбор наставника сделать придётся.

Мимо него прошёл Семён, глаза мужчины были раскрыты шире обычного, а веки подрагивали от непривычного перенапряжения. Юноша понял намёк, но не стал посылать даже элементарных, слабо различимых сигналов, которые не смогут его скомпрометировать. Можно было выпустить мышку, но для Семёна дальнейшие события должны оказаться сюрпризом, иначе так все планы рухнут. Сотрудницы-унты шире улыбались, когда проходили мимо Бориса, что внушало чувство стабильности. Её обещают при устройстве на работу, и твёрдая земля под ногами действительно чувствуется, однако под ногами других — унтов, что живут в мире, выдуманном светловолосым хинтом.

Семён попросил Бориса помочь в овощном отделе — поставить большую, открытую коробку с капустой на нижнюю полку. Мужчина взялся с одной стороны, а юноша с другой и почувствовал свёрток, в этот раз маленькая бумажка, сложенная четыре раза. Он заткнул её в рукав; три муравья спустились по левой руке и развернули листок, не отрывая его от запястья. На расшифровку ушло меньше минуты, он как раз закончил помогать Семёну. Юноша ожидал, что его поблагодарят, но коллега просто улыбался и смотрел ему в глаза. На листке были написаны две вполне ожидаемые фразы о том, что нужно объяснить ситуацию и для передачи информации можно использовать любой метод, даже укусы и вырезание огнём. Борис кивнул и вернулся к раскладке йогуртов. День был холодный и пасмурный, а наплыва клиентов не случилось, поэтому ничего положительного ждать не пришлось от нахождения рядом с холодом.

За спиной послышался глухой стук деревянной трости по кафельному полу. Борис медленно повернулся, мимо юноши семенила крошечная старушка с красной корзинкой на запястье. На её костыле не было резинового наконечника, вместо него виднелись сколы краски на деревянной палке. Он пропустил бабушку, прижавшись икрами к нижней полке холодильника, нагнулся к ящику с йогуртами, а за его спиной Аристократ сказал:

— Борис, сменись и подойди в комнату отдыха.

Меняться было незачем и приказы напоследок выполнять не хотелось, но крысу нужно играть от начала и до конца. Борис позвал девушку с косой и указал ей на практически пустой ящик с йогуртами, ссылаясь на слова Аристократа. Он стоял напротив двери, когда Борис зашёл в комнату. Взгляд начальника был твёрд, холоден и совершенно ничего не выражал. Юноша не решился начать первым разговор, а просто встал перед ним скрепил руки замком за спиной и выставил грудь вперёд.

— Борис, думаю, очевидно, что тебе есть, что мне сказать. Давай присядем, — Аристократ указал на лавочку.

— Я не поддаюсь влиянию Германа, всё это время я притворялся. Вопросы?

Аристократ поднял правую руку и сжал её в кулак; он покрылся чёрным облаком, и Бориса пригвоздило к стене. Его шею сжимала пасть здорового алабая, собака упиралась лапами в стол с микроволновкой и чайником. Правая половина лица юноши саднила, пальцы вцепились в челюсть фантомного животного в безуспешной попытке её разжать.

— Ты что себе позволяешь, щенок? Тебе сказали, выкладывай всё, значит выкладывай всё.

Аристократ стиснул в кулаке чёрную ленту, что тянулась из его указательного пальца, и алабай сильнее прижал Бориса к стенке.

— Я понял, понял, — прохрипел он.

Аристократ отпустил ленту, алабай обратился чёрным дымом и густым потоком вернулся в перчатку. Юноша сидел на микроволновке и растирал шею. Его грудь часто вздымалась, а лицо было по-прежнему спокойным.

— На место, — сказал Аристократ тихо и стукнул тростью по лавочке.

Борис сполз со стола, упираясь в него руками, и поспешил присесть на лавочку. Аристократ выставил перед собой раскрытую ладонь как приглашение присесть и кивнул.

— Я не знаю в чём причина, просто не поддаюсь его гипнозу. Мне надоело это всё, не хочу Виктору служить, мне надоели эти игры. Хотите забрать его салон — забирайте, я не против, — с трудом проговорил Борис.

Аристократ поднял левую ладонь, на что Борис поднял руки вверх и ответил:

— Я не вижу смысла выполнять его приказы, вы и так знаете, что я уже труп. Он меня не спасёт, а скорее выстрелит в спину, когда ТОТ прикажет. Я прощу о помощи, и готов за неё заплатить.

Рука Аристократа, что всё это время висела в одном положении, потянулась к Борису. Юноша на вид был спокоен, но внимательно следил за движениями собеседника. Аристократ тяжёлой рукой похлопал его по плечу и сказал:

— Допустим — я тебе поверил. Хоть ты врал мне, но ты убил Кирилла, а до этого Жирафу говорил, что ты фанат жизни. Как это понимать?

— А он жив. Позвольте? — сказал Борис и протянул раскрытые ладони. — Я покажу.

Аристократ кивнул.

— Твой выход, — прошептал Борис, повернувшись к правому плечу.

Змейка мигом сползла на его ладони, а он осторожно положил её на плечо своего начальника. Аристократ поднял руку, сжатую в кулак, и направил в сторону своей новой спутницы. Из перчатки пошёл слабый дымок, который сформировался в слабо различимую собачью пасть. Змейка вытянулась вверх, выше уха Аристократа и сказала, имитируя его голос:

— Я хочу, чтобы ты притворялся мёртвым пять дней. Делай, что хочешь, но ты должен стать полноценным мертвецом на этот срок, а потом воскреснуть.

Это всё было ложью. В тот вечер юноша посадил на пулю мышь, которая забралась Кириллу в штанину и впилась зубами в его шею. Передала она те же самые слова, что и змейка. Как только кобра закончила, Борис забрал её и вернул на место.

Аристократ смотрел на Бориса и молчал, его расслабленные ладони лежали на бёдрах, а трость стояла за его спиной так, что её рукоятка торчала у него в районе пояса. Взгляд и долгое молчание напоминали повадки Виктора, который, стоит отметить, подобные паузы делал тяжелее.

— Сколько дней прошло? — спросил Аристократ.

— Это должен быть четвёртый или даже пятый день. Если пятый, то он очнётся сегодня вечером.

— Давай поступим так, Кирилл должен завтра придти сюда вечером или после закрытия, не важно. Он должен показаться здесь живой, тогда и поговорим.

— Понял, принял. Разрешите вернуться к работе?

Аристократ ничего не ответил и пошёл к выходу, когда он взялся за пластиковую ручку то, остановился и напоследок спросил:

— Почему ты пошёл тренироваться в салон красоты?

Борис повернулся и ответил как можно скорее:

— Я знаю не так много мест, что принадлежат хинтам. Примерно, по памяти сориентировался, вспомнил, что на карте в этом месте было жёлтое пятно.

— Как успехи? — сказал Аристократ и прижался плечом к двери.

Борис встал и подошёл к столу, над которым ещё пару минут назад его пригвоздила к стенке пасть фантомного алабая, он поставил на место упавший на бок электрочайник и закрыл дверцу микроволновки — он сочинял самый расплывчатый ответ, чтобы его не раскрыли.

— На меня никто не сорвался, но нервы я им потрепал.

— Как трепал?

Теперь Борис решил рискнуть:

— Я сорвал кусочек алое, дал его змейке, а она ползала по телам и противно так скребла по коже.

— Много собрал? Ах да, я же просил не собирать, — закончил Аристократ и вышел из комнаты.

Борис присел, обдумывая произошедшее, и ожидал, что с ним опять заговорит ТОТ. Но ему в ухо начала шептать кобра:

— Как думаете, это проверка?

— Сейчас это не имеет особого значения. Все маски уже сброшены.

— Полагаю, что это так. Какой план?

— Делать то, что хочет Аристократ.

Дверь открылась, и в комнату заглянуло улыбающееся лицо Семёна.

— Борька, ты свободен? Нужна твоя помощь.

Остаток рабочего дня тянулся мучительно долго, будто Борис ежеминутно сверялся с часами. Семён при любой удобной возможности звал его на помощь, тем самым компрометировал их обоих, но выудить нужную информацию у него так и не получилось. Юноша читал каждую записку, но ни разу не ответил, он просто-напросто смотрел на своего коллегу, кивал и уходил, мог ещё добавить перед этим: «Рад стараться». Как только смена закончилась, Борис сбежал с работы окольными путями, — через выход на складе — и прихватил с собой свою повседневную одежду, которую спрятал там заранее.

Он решил не тратить время на переодевание и сразу пошёл к Дяде Рудольфу. Сигаретного дыма он не учуял, по запаху курили тут очень давно. Лампочки горели только на первом и втором этажах. Борис с глазами унта хорошо ориентировался в темноте и вполне уверенно подошёл к двери и нажал на кнопку звонка. С другой стороны раздался приглушённый щебет птиц, но иных звуков слышно не было. Спустя пять минут дверь никто не открыл, и он позвонил ещё раз, только назойливее и дольше. Локоть ударился о дверь, и она открылась. В квартире свет не горел, и юный унт решил его не включать: глазам хватало

тусклого уличного освещения, что проникало в окна. Борис совсем забыл о старике, он сам не понимал почему не навестил его после того чёрного дня Дяди Рудольфа вечера, возможно из-за отсутствия чувства жалости или навалившихся на него дел.

Борис внимательно осмотрел квартиру и ничего подозрительного не нашёл. Он вернулся к входной двери, рядом с ней на крючках висели ключи, но отсутствовала связка, что отпирала подвал. Молодой унт быстро спустился вниз, материализовал электрошоковую дубинку и потянул за тяжёлую железную дверь. У входа он оставил трёх муравьёв, которые надавят на дверь и не пустят людей в подвал. Внутри было темно, а выключатель висел для удобства сразу справа. Борис зажёл свет и в катакомбах эхом прогремел зловещий смех мужчины, а затем он сменился на писклявое хихиканье.

Юноша выставил перед собой дубинку и быстро спустился вниз, посмотрел по сторонам; коридоры подвала тянулись длинными тоннелями в обе стороны. Он оставил на развилке противопехотные шипы и двинулся бочком, словно краб, к комнатке, в которой должен лежать Кирилл. Воздух был прохладный и немного спёртый, под ногами скрипела мелкая галька и пыль, которые нарушали гробовую тишину этого места. Борис преодолел первый поворот, за которым было два прохода направо — ему нужно было в дальний и освещённый. Мимо ближнего и тёмного коридора он прошёл, прижавшись к стене. Как только он поравнялся с ним, где-то в глубине нечто начало монотонно стучать по стенам, судя по тихому треску, источник звука был маленький.

Он так же разложил на этой развилке шипы. Галька и песок теперь скрипели под ногами незнакомца, который неторопливо двигался навстречу. Нужная дверь была сразу за следующим поворотом, но Борис не терял бдительности и осторожности. Шаги незнакомца затихли на полпути, и в уши ударил оглушительный свист, который заставил перепонки вибрировать до клёкота. Юный унт выпустил муравьёв, чтобы они добрались до замка и сломали его, а сам замедлил шаг и продолжил оглядываться по сторонам.

Юноша подошёл к заветной двери, когда муравьи потрошили замок, из него сыпалась чёрная стружка, опилки и осколки металла. Дверь открылась сама с предательски громким скрипом и в освещённом проёме показалась истощённая грязная ладонь. Он подбежал к мученику и, если бы не его сущность унта, он определённо ужаснулся от увиденного. На запылённом полу лежало ничком существо, похожее на человека, — скелет с натянутой на него кожей. Борис присел на четвереньки и нагнулся над головой исхудавшего молодого человека, от чего тот прокашлялся, поднимая клубы пыли, и прохрипел:

— Ва-а-ды. Во-о-о-ды-ы.

Борис осторожно перешагнул через лежачего и взял с полки трёхлитровую банку. Он без труда открыл пальцами жестяную крышку, в ответ его обдало сладким запахом яблочного компота. Юноша не нашёл ничего лучше, чем прислонить свою ладонь к губам замученного и налить в неё компот. Кожа на его лице поначалу вздрагивала от капель, но губы нащупали питьё и он вмиг осушил ладонь своего освободителя, а потом закашлялся. Борис перевернул его на спину и принялся шлёпать по впалым щекам. Кирилл, который теперь напоминал тень себя прежнего, с трудом открыл веки и медленно шевелил губами — пытался что-то сказать.

— Змейка, помоги, — сказал Борис и вложил дубинку в ножны, которыми стала его спутница, свернувшись петлёй на его спине.

Он продел ладони в подмышки Кирилла и сложил их замком на груди. Тело коллеги было лёгким как у маленького ребёнка, поэтому его удалось быстро вытащить из тесного

помещения. Борис оттащил его подальше от двери, чтобы закрыть её, но пожалел об этом. За дверью стояла чёрная фигура человека, его огибал жёлтый свет лампочки, поэтому нельзя было разглядеть внешности незнакомца.

Юный унт сорвал дубинку со спины так резко, что змейка осталась на рукоятке словно гарда. Обе ладони крепко сжимали рукоять в ожидании выпада противника, но вместо этого тело мужчины начало трястись в неестественном приступе, будто каждую мышцу нещадно било током. Борис опустил дубинку, а неизвестный рванул в проход за своей спиной. Шаги удалялись, пока не прервались скрежетом металла о камень и визгом боли:

— Гхай-ай-ай-а-а-а!

Борис второпях перекинул Кирилла через плечо, не выпуская из руки дубинку. Он уже собирался побежать к выходу, когда услышал за спиной гул, как от маленького реактивного двигателя. По стенам растекался голубой свет, который становился всё ярче и насыщенней, а потом вмиг из проёма вырвался столб пламени. Он ударил плотной синей струёй огня в бетонную стену и расползся по ней жёлтыми язычками.

Юноша побежал тем же путём, которым пришёл, но мужчина в чёрной одежде и красной балаклаве встал в конце коридора, поднял руку, и из неё полилась густая струя пламени. Борис успел повернуть налево и почувствовал, как припекло часть спины, которую не прикрывало тело Кирилла. Он не подавал признаков жизни, свесив руки и ноги плетьюми. Позади Борис услышал рыдание и жалобный протяжный рёв, он заглянул за плечо и увидел, как чёрная фигура заворачивает за угол и поднимает руку. Слабый поток пламени ударил в спину Кирилла и сбил Бориса с ног так, что он врезался плечом в угол стены на перекрёстке посреди подвала. Мужчина ковылял в их сторону и стонал с каждым шагом. Молодой унт, не глядя, кинул дымовую шашку в проём, с трудом поднялся на ноги и хлопками по спине Кирилла пытался потушить её. Стоны неприятеля приближались, невзирая на плотную дымовую завесу. Борис опять перекинул Кирилла через плечо и побежал напрямик к выходу.

Преследующий их мужчина опёрся о стену, с хрипом откашлялся и вскинул руку, но в этот раз пламя лишь слегка лизнуло пятки Бориса. Свет в подвале погас от удара кулаком юноши по выключателю. Мужчина в ответ на это лишь громко рассмеялся вслед несостоявшимся жертвам. Борис осторожно усадил Кирилла рядом и, прижавшись ушибленным плечом к двери, закрыл её на ключ. Очевидно, что люди могут спуститься в подвал, поэтому он оставил в замочной скважине муравья, которому дал команду выталкивать всё, что к нему приблизится.

Борис принёс Кирилла так же на плече в квартиру Дяди Рудольфа, раздел его, отмыл и дал ему два полных симмиринга. Утолив бежиновый голод, Кирилл порозовел, а впалые чёрные веки сровнялись с цветом кожи. Борис одел его в пожелтевшую рубашку и треники, уложил на кровать в спальне под белоснежное одеяло, сел перед ним на стул и начал смотреть на Кирилла в ожидании его окончательного пробуждения. Ждать пришлось около часа. Кирилл резко приподнялся и хотел убежать, но увидел знакомое лицо, и его безумные глаза просветлели. Он уселся на кровати напротив своего спасителя и прижал колени к груди. Его лицо было непривычно тусклым, а серые глаза смотрели на край кровати.

— Рассказывай, — сказал Борис.

Кирилл поднял на него глаза и сразу опустил.

— Я очнулся сегодня в темноте, лютом холоде, в пыли; паутина налипла на губы. Проснулся я от плача где-то слева, я слабо слышал его, кто-то плакал за стеной, скрёбся в дверь и, — Кирилл повернулся в сторону и посмотрел в окно, — и так раз, и замолчал. Я

подполз поближе, прижался ухом к стене, хотя нет, это была дверь, я почувствовал, как облупившаяся краска колит ухо.

— Пожалуйста, Кирилл, ближе к делу. Это важно, ты не представляешь насколько.

— Я прислушался и некоторое время никаких звуков, но через несколько минут я услышал хохот, такой радостный, а после него вой, но такой не жалобный, человек просто так выл. Одержимый это был, точно одержимый.

— Ты его голос узнал?

— Нет, за стенкой не разобрать было.

— Хорошо, — Борис встал и поставил на прикроватную тумбочку четыре симмиринга и продолжил, — приходи в себя, завтра тебя в магазине будет ждать шеф.

— А, на хрен шеф пойти не хочет? — сказал Кирилл, протягивая трясущиеся пальцы к ближайшему чёрному цилиндру.

Борис присел, он старался сделать это естественно, но Кирилл всё равно прижался спиной к узорчатому бурому ковру.

— А ты помнишь всё, что произошло, скажем, за последнюю неделю?

— Я помню весь последний месяц и даже больше. Один белобрысый хмырь стал передо мной, когда я возвращался с работы. Вспышка из глаз, слова про доброту, подчинение и неважно, в общем, сам знаешь. Кратковременная потеря памяти была, конечно, но в себя я пришёл уже дома. Помню, что его слова будто по жилам текли, я не смог бы поступить иначе.

Кирилл раздавил с треском симмиринг в ладонях, красная и чёрная субстанции растеклись по коже и уже через мгновение впитались в неё.

— Расскажи, что Аристократ просил тебя сделать?

— Много чего, но если речь о тебе, то, он просил передавать ему все разговоры, крутиться около тебя при любом удобном случае, только не навязчиво.

— Между моментом, когда я попросил тебя умереть, и пробуждением в темноте, что-то было?

Кирилл положил ладонь себе на лоб и побледнел. Он прилёг на кровать и укрылся одеялом со словами:

— Не возражаешь, если я продолжу лёжа?

— Конечно, только не тяни.

— Ничего не было. Темнота и пустота, как во сне, только я снов не видел. Знаешь, как упал там на дорожке, так и проснулся в темноте. Больше ничего.

Этот случай говорил о многом, но тем не менее вопросов меньше не стало. Если это верное средство от гипноза, то смесь ингредиентов „лекарства“ или один из них способен оказать существенное влияние на прозрение. Для понимания целого нужно было разобрать его на очевидные части. Борис начал с потери сознания с полной остановкой жизнедеятельности или с имитацией такого процесса. Немаловажными факторами являлись голод и жажда, которые не могли иссушить тело Кирилла за столь короткий срок. Причина была в бегиновом истощении, вызванном использованием способности, что поддерживала в нём жизнь. Отсутствие бегины в теле унта и его обилие могли быть тем самым антидотом, что не противоречило парадоксальной сущности унтов и хинтов. Теоретически это лечение можно применить к одержимым, которых поработили человеческие чувства и эмоции.

Борис думал об этом, пока спускался обратно к железной двери подвала, Кирилла он оставил в запертой квартире с вороной, которая должна была в случае опасности обратиться

дымом и вернуться на место. Во дворе было тихо, редкие прохожие прогуливались вдалеке по тротуару, рядом с которым мелькали фары машин. Юноша прислонился ухом к двери в ожидании яростного стука и пронзительного крика одержимого, но его обострённый слух не услышал ничего кроме тишины и мерных капель воды из прохудившейся трубы. Муравей в замочной скважине так и остался нетронутым, он выполз на улицу, уступая место ключу. Борис зажёл свет и начал спускаться в подвал без плана и подготовленного заранее оружия.

На стенах и полу остались следы недавнего сражения: полосы гари на стенах и пятно крови у входа. Он решил исследовать знакомую часть, а другую половину оставил мышам. Поиски не продлились долго и не были чересчур тщательными, так как это не имело смысла, обострённые чувства грызунов не обнаружили в подвале даже крыс и тараканов. Железная дверь резко распахнулась изнутри, из неё выбежал мужчина в красной балаклаве, о чём немедленно возвестил муравей. Борис в этот момент исследовал дальний угол оставленной на мышей половины подвала, он побежал на выход и чуть не наступил на одного из своих мохнатых помощников. Ударом плеча он вынес дверь и, стоя под козырьком подъезда, огляделся, но не нашёл следов беглеца. Муравей хотел зацепиться за одежду одержимого, но упал и сейчас карабкался обратно к замочной скважине по гладкой поверхности двери. Юноша подхватил его и отдал приказ вернуться на правое плечо.

Несправедливо, что именно в этот день весна не послала ему дождя или запоздалого снега. По улице мог прогуливаться одинокий прохожий, он был способен исправить ситуацию одним движением дрожащих рук, всего лишь указав, куда побежал странный тип. Слишком много неудач за сегодня, а самая крупная из них — вернувшийся рассудок Кирилла.

Глава 13. Часть 1

Маленький мальчик в джинсовом комбинезоне сидел на стуле около двери с надписью «Дирекция». Мимо него пробегали дети постарше, они смеялись и хлопали в ладоши. Грустный мальчик смотрел на них и тянул вниз прядь каштановых волос. Кожа у корней болела, но перестать он не мог: пусть лучше страдает плоть, а не душа. К нему подошла девочка лет семи в розовом сарафане и сказала:

— А ты новенький?

Мальчик надул губы, развернулся и упёрся лбом в стену за его спиной. Девочка потянула за рукав его белой футболочки и сказала:

— Это не вежливо вообще-то. Ну, скажи, пожалуйста.

Мальчик дёрнул плечом, чтобы вырвать свой рукав, и начал размахивать рукой перед её лицом.

— Ну, и не надо, сиди тут и дуйся, пузырь.

Она показала ему язык и убежала.

Дверь дирекции открылась и стукнула по бежевым босоножкам мальчика, что заставило его развернуться и сесть нормально. К нему вышли молодая худая девушка и взрослая женщина, которая своим массивным телом и поведением показывала, что она строгая и серьёзная. Первая, тонкая и деликатная, села перед мальчиком на корточки, а вторая со всем грузом своей важности присела на соседний стул. Девушка взяла ладоши мальчика и сказала:

— Олег, это особый дом для деток, здесь они живут, пока не станут взрослыми. Здесь у тебя будет всё и кровать, и игрушки, и друзья, — она изредка приподнимала его ладоши. — Все в этом доме теперь твоя семья.

— А папа и мама когда придут? — спросил Олег.

— Они не придут, — ответила женщина, и мальчик посмотрел на неё напуганными глазами.

— Зачем вы врётё ребёнку? — сказала девушка и погладила Олега по голове.

— Не хочу, чтобы он каждый день пялился в окно и доставал меня своими вопросами.

Олег повернулся к девушке, его глаза были мокрыми и полными надежды. Она обняла его, прижала к себе и сказала:

— Ты обязательно с ними увидишься, рано или поздно.

Со временем Олег научился читать и узнал, что место, в котором он живёт, называется «Детский дом № 4». Это было неприметное — как и все муниципальные учреждения — двухэтажное здание из белого кирпича. С первого дня мальчика приучили к ответственности за каждый шаг и бережному отношению к вещам. Комплект одежды выдавался раз в год, без досрочной выдачи, невзирая на причины. Дети в этом доме помогали поварихам на кухне: чистили овощи, тёрли поломанными щётками глубокие кастрюли, мыли тарелки, кружки и ложки. Подопечные этого заведения также отвечали за уборку и стирку вручную. В этом не было ничего удивительного, персонал такого большого детского дома, не считая директрисы, можно было пересчитать по пальцам одной руки: две поварихи, дворник-сторож и две воспитательницы. Из-за большого количества детей работать было не тяжело, но ребята постарше вешали работу на младшеньких. Олегу приходилось это терпеть, но с учётом, что это будет продолжаться недолго.

За два года пребывания в детдоме изменилось только две вещи: у директрисы появилась новая машина, и Олег стал первоклассником. В школе «домашние» дети были слишком изнежены, попадались даже ребята, которые не могли завязывать шнурки. Вместе с Олегом в классе учились и другие детдомовские, они все ощущали превосходство над этими сосунками, но большинство остановилось на упоении этими крохами. Олег пошёл дальше и старался доминировать во всём: он учился на отлично, а на переменах задираал одноклассников, до которых мог добраться, включая детдомовских. Вместо ожидаемого успеха и уважения, он получил только страх, его начали опасаться все, даже хулиганы дружить не хотели. Олег желал поправить ситуацию и начал искать противников старше на один-два класса, но после каждой такой стычки он побитый и без желаемой победы возвращался в детдом.

Время шло, Олег становился умнее и в средней школе решил пойти на хитрость, чтобы уложить на лопатки противника постарше. Он пустил слух о том, что один рослый старшеклассник якобы гуляет с девушкой другого здоровяка из его класса. Верзила особым умом не отличался и не стал разбираться, а просто по-тихому избил невинную жертву за школой. Олег подглядывал за дракой, стоя за деревом, и запоминал, в какие места этого старшеклассника бьют чаще всего. Отделали его хорошенько, но через день на занятия он всё-таки явился с тональным кремом под глазами и над верхней губой. Олег на следующий день спровоцировал его и собрал как можно больше зевак подальше от школы. Ни в чём не повинный юноша, поверженный второй раз от ударов в те же самые места, упал на землю ничком, а Олег, как ни в чём не бывало, прошёл сквозь толпу своих одноклассников, которые оттоптали друг другу ноги, чтобы расступиться перед ним. Его успех привлёк к нему внимание, приходилось выдумывать новые фокусы и чаще импровизировать, чтобы поддерживать имидж.

В детдоме его интересы крутились вокруг персоны директрисы, а именно её материального состояния.

Во дворе детдома мальчишки и девчонки любили обсудить всех подряд, собираясь в кружок на детской площадке подальше от любопытных ушей взрослых. Олег присутствовал там, но в беседах не участвовал, наоборот старался держаться с краю и внимательно слушать.

— Я бы тоже так делала. Не заберёшь ты, значит, заберёт кто-то другой.

— Не, я бы у всех всё забрал, а вернул столько, чтоб, ну, и на жизнь хватило. А-то они толстеть да наглеть начнут.

— Может лучше сказать, что ты поровну поделил, а у тебя больше только потому, что ты такой важный и нужный для них.

Дети звонко и громко рассмеялись.

— Классно было бы, если б ты такой сразу родился и все работают только, чтобы ты в золоте ходил, и ещё гордились этим.

— А может нужно давать одному, кто на виду, побольше, а себе в тайне оставлять ещё больше. Люди будут его ненавидеть и думать, что он себе всё забрал.

— Лучше всего, чтобы всем всего хватало и все решали, что они хотят, — прорезался робкий голос маленькой девочки, которая прижимала к груди плюшевого пингвинёнка.

— Да чушь это всё, никогда не было и никогда не будет.

Девочка погрустнела и уткнулась белёсым личиком в игрушку.

— Не, ну, вот надо было рот открыть, — отреагировала самая старшая девочка и

принялась утешать младшенькую.

И тут их напугал голос, который они никогда не слышали на этих собраниях:

— Лучше пусть все работают на одного и думают, что в другом месте лучше не будет, —

Олег встал и вышел из кружка, а дети молчали и смотрели на землю в ожидании его ухода.

В этой беседе не прозвучало ни одной версии, которая отражала их реальность.

Олег понял, как директриса ведёт свои дела, и это было настолько глупо и топорно, что даже детский разум не сразу в это поверил. Тайна открылась ему совсем недавно. Две поварихи громко сплетничали и тошно гоготали за старой деревянной дверью в каморке рядом с кухней. Рядом над раковиной склонился Олег, который натирал огромную кастрюлю. Мышцы гудели, а любопытство подталкивало его любым способом просунуть в дверь своё ухо. Олег решил поступить деликатнее и взял нож, он придерживал дверь за ручку и тянул её вниз, а другой рукой давил на неё ножом. Петли были обильно смазаны растительным маслом так, что оно лужицей растеклось по полу. Мальчик прижался ухом к крошечной щели и старался уловить каждое слово поварих. Это были две тучные женщины в белых халатах, отличались они только ростом: одна совсем низкая, а другая на две головы выше.

— В прошлом году она хотя бы моющее покупала, самое дешёвое, конечно, половиной бутылки и руки не помыть. А сейчас всё сами покупаем — не, ну, совесть есть?! — сказала низкая повариха.

— Совесть в магазине не купишь и не похвалишься. Моющего поначалу у нас была канистра на три месяца, потом литр, а сейчас либо сами покупайте, либо в воде полоскайте, — ответила повариха повыше.

— Может уволиться? Это ж место не единственное, где повара нужны.

— Да везде так, — ответила высокая и махнула рукой, — все они сначала лыбу дают, а потом пояса затягивают.

— Ну вот, можно ходить от места к месту, а как начнут борзеть, — увольняться, — сказала низкая и рассмеялась.

— Можно, но отпуск каждый раз будет только через полгода, а борзеть начальство может начать и через месяц.

— Да, летом хочется на моря, а не в этой духоте кружиться.

— И уходить лишний раз не хочется — детишек жалко. У них и так работы хватает, чтоб ещё за нас лямку тянуть.

— И не говори. Такой грех эта мымра в жизни не замолит.

Мягкие пальцы с острым маникюром вцепились Олегу в ухо, а влажная ладонь прикрыла ему рот. Его оттащили от двери и вырвали из рук нож. Мальчик вырывался, топал ногами, старался вывернуться и удрать в противоположную сторону от неизвестного. Поварихи выбежали на шум из коморки.

— Что вы делаете? Отпустите мальчика, — сказала высокая.

Лицо женщины побледнело, а глаза широко раскрылись. Она начала медленно подходить ближе, вытянув открытые ладони перед собой. Мальчику закрыла рот и прижимала к себе директриса, которая держала в другой руке нож. Она посмотрела строго на повариху, а затем на нож и сразу отбросила его на ближайший стол.

— Засранец подслушивал! — гаркнула директриса.

Она убрала ладонь ото рта мальчика и толкнула его к поварихе.

— Наказание оставляю на вас, девочки! — сказала довольная директриса, пока уходила

из кухни.

Олег напрягся, сжал кулаки и смотрел, как она уходит из-под сдвинутых бровей. Высокая повариха положила ему ладонь на плечо и сказала:

— Давай, скорее мойвай кастрюлю и беги по своим делам.

— А наказать? — спросила низкая с гримасой тупости на лице, — Опять же подслушивать станет.

— Наказали уже, — высокая повариха перешла на шёпот, — Бедняжку и так эта кикимора напугала.

Когда Олегу было пятнадцать лет, он зашёл по пути из школы подстричься в парикмахерскую. В детдоме их стригли воспитательницы под насадку, поэтому мальчики могли выбрать, какой длины у них будет причёска «ёжик». Девочкам срезали волосы ножницами только до середины лопаток и выбора им не предоставляли. Олегу поначалу нравилось, что он не отличается от других сверстников, но яркое подрастающее вместе с ним чувство того, что он не такой как все, не давало ему покоя. Нужно выделяться и не жалеть на это денег, но наличных удалось отложить немного. Олег нашёл парикмахерскую, на вывеске которой значилась цена за стрижку. Он ещё не успел сесть в кресло, как сказал молодой парикмахерше, что хочет всё что угодно, только не причёску «ёжик» и не гладкую лысину. Красивая девушка тонкими пальцами заплела свои длинные чёрные волосы в пучок и обвила вокруг шеи Олега накидку. Парикмахерша начала мягко ерошить волосы своего клиента, и как только её пальцы коснулись кожи головы, она застыла на минуту. Олег развернулся и спросил:

— Эй, с вами всё в порядке?

Девушка посмотрела холодно ему в глаза, положила пальцы себе на грудь и сделала вращающее движение. Свет за окном погас, а звуки вокруг притихли. Олег замер и впился ногтями в подлокотники. Белки глаз девушки почернели, а радужки покраснели. Парикмахерша наклонилась к мальчику и показала пальцем на окно, которое было слева от зеркала.

— Мальчик, скажи, что ты видишь за окном?

— Т-т-тем-темноту.

— Не бойся, я тебе всё расскажу, и купол сразу исчезнет.

Олег резко развернулся, сидя в кресле, и осмотрелся. Край чёрного купола был на расстоянии вытянутой руки, а потолок практически касался макушки парикмахерши. Девушка присела на корточки слева от Олега и начала объяснять, кто она такая, что за купол вокруг него, и, самое важное, кто он такой. Как только она закончила, Олег рассказал о себе всё, что помнил. Девушка поднялась, стала у него за спиной и положила ему ладони на плечи.

— Твоего отца убил сородич залпом огня в спину, а твоя мама решила отомстить, но они с убийцей погибли вместе.

Олег стиснул зубы, он часто дышал; лицо горело, а живот крутило. Он подался вперёд и начал скрести голову, но в один момент успокоился и откинулся на спинку кресла.

— И что теперь?

— Пока ничего. Подстригу, и пойдёшь по своим делам. Не раньше, чем через год смогу тебя определить в подмастерья.

— Подумаешь год, давайте начнём сейчас.

— Не торопись. Правила в нашем мире значат многое, а нарушать их не безопасно.

Олег сжал губы и кулаки с мыслью: «Да как она смеет? Я готов пойти на смерть, рискнуть жизнью ради силы. А она даже не хочет мне помочь».

Олег спокойно ответил:

— Хорошо. Продолжаем.

По пути в детдом его спину кололи осыпавшиеся в майку волоски, и не выходили из головы мысли об отказе начать обучение немедленно. Возможность умереть не волновала Олега, больше раздражали слова парикмахерши о том, что ему нельзя воспользоваться правом, которое принадлежит ему с рождения. Он шёл, не обращая внимания на лужи, а кулаки держал в карманах своей осенней курточки. Его нос часто и громко выдыхал горячий воздух, который уже начал жечь верхнюю губу. Он смотрел перед собой и хотел ударить каждого из проходивших мимо людей.

Через один год мучительных ожиданий Олега и остальных детей переселили в другой детдом. Никто особо не интересовался причиной, но по слухам там собирались проводить проверку из-за директрисы. В новом детдоме не было тех трудовых обязанностей, и дети первое время чувствовали себя не в своей тарелке. Пока остальные подопечные играли, новенькие мыли подоконники, батареи, отдирали жвачки, чистили свою и чужую обувь. Женщина лет сорока с иссиня-чёрными волосами работала в этом детдоме воспитательницей и разузнала всё о новеньких до их приезда. Она разработала систему, которая позволила им внедриться в новое общество и начать жить по непривычному распорядку. Воспитательница уговорила детей, которые жили тут раньше, помочь новичкам с уборкой, а потом пригласить их поиграть. Она ничего не скрывала от деток и рассказала всё, что узнала о новоприбывших, так на адаптацию ушло меньше двух недель.

Олег особо ни с кем не контактировал, занимался на турнике и брусках, много бегал и был в предвкушении того момента, когда он понесётся в парикмахерскую на следующее утро после дня рождения. В коллективные и спортивные игры его не приглашали, но боялись отказать, когда он сам приходил. Черноволосая воспитательница не проявляла к нему особого внимания до заветной даты. Утром шестнадцатого дня рождения она подозвала Олега к себе и слабо щёлкнула его по носу. Мальчик схватился за него и поднял от удивления брови. Воспитательница молчала и смотрела на юношу спокойными глазами унта. Это зрелище никак не повлияло на него, и он стоял напротив полный безразличия. Спустя пару мгновений на Олега уже смотрели обычные карие глаза.

— Олега, пока ты находишься под нашей опекой, тебе не стоит доверять всяким парикмахерам, которых ты увидел первый раз в жизни.

Олег свёл брови и сузил глаза, а воспитательница продолжила:

— Я тоже унт, как и ты. Теперь я всё о тебе знаю, ты только не пугайся, пожалуйста. Я не причиню тебе зла, у меня есть сын, его зовут Виктор, он на год старше тебя, если повезёт, я вас познакомлю.

— Среди детей есть унты?

Женщина опустила глаза, а затем сразу подняла и ответила сдавленным голосом:

— Нет, ты один такой. Раньше были, в прошлом году, например. Только, пожалуйста, не пытайся их искать. На таком уровне у тебя нет ни малейшего шанса.

— Когда меня сделают подмастерьем?

— Сегодня вечером я отведу тебя к хозяину комиссионного магазина. Это такое место, в которое люди приносят ценные вещи и обменивают их на деньги.

Комиссионный магазин располагался в центре города неподалёку от детского дома на углу двухэтажного здания старой застройки. Под вывеской «Комиссионка», горящей белым светом, железная лестница вела вниз к стальной двери. Магазин представлял собой просторное помещение, заставленное разнообразным старьём. Товар здесь был отсортирован по стеллажам и аккуратно разложен. Напротив двери в дальнем конце зала растянулась стеклянная витрина и по совместительству стойка, за которой стоял немолодой мужчина с круглым лицом и маленькими глазами. Олег подошёл ближе и разглядел его отёкшие руки и свисающий второй подбородок.

— Добрый вечер, мои хорошие! — сказал хозяин и добродушно улыбнулся.

— Вечер добрый, я вам блудного привела, — ответила воспитательница и подтолкнула Олега ближе к стойке.

Мужчина с молодецкой ловкостью перемахнул через стойку и встал перед Олегом.

— Я могу прятать безин в предметы, — хозяин повернулся к воспитательнице и обратился к ней, — он ведь знает, что это такое?

— Да, ему всё объяснили. Читайте, что говорите со мной.

— О, прошу прощения, молодой человек, совсем забыл, — мужчина протянул Олегу руку. — Меня зовут Дмитрий, кличка Карло.

Подросток острым прищуром посмотрел на руку Дмитрия, а затем ему в глаза. Он думал, что его наставник будет серьёзнее и презентабельнее. Олег протянул мужчине руку костяшками вверх. Дмитрий удивлённо поднял брови и пожал ладонь со словами:

— Дворянские замашки? Хм, не рано ли в вашем-то возрасте? Ладно, проехали, смотри внимательно, только ничего не трогай.

Карло подошёл к ближайшему стеллажу и опёрся на него локтем. Глазами унта мужчина смотрел перед собой, а его лицо застыло, словно под весом груза. На полках застучали маленькие ножки, которых становилось всё больше; глиняные фигурки и свистки, оловянные и керамические статуэтки, бронзовые бюсты и стеклянные чернильницы формировали полукруглые шеренги перед Дмитрием. В движение их приводил поток чёрной и густой дымки в форме пары когтистых пятипалых лапок, которые упирались в полотно деревянной полки и приподнимали эти предметы. Безразличное лицо Олега мгновенно изменилось: в глазах загорелся интерес, а приоткрытый рот растянулся в улыбке. Его фантазия уже рисовала перспективы обладания такой силой, он сможет ставить подножки здоровым лбам из школы, подделывать оценки, воровать всё что захочет. Карло заметил изменения на лице Олега, взмахнул рукой перед побрякушками, которые начали расходиться по своим местам, а затем подошёл к подростку. Голова мужчины закрыла лампу, свет которой вырисовал гало вокруг его редких волос. Красные зрачки горели, как две яркие алые точки на скрытых тенью очертаниях лица.

— Похоже, что тебе не всё известно. Первое правило гласит, что мы не вредим людям. Тебе лучше забыть обо всём, что ты сейчас себе напридумывал, хотя... ты можешь всё это проделать с другими унтами, да и с хинтами тоже, — сказал Карло без единой эмоции.

Олег вернулся обратно в свою позу безразличия, но было заметно, с какой неохотой он это делает. Глаза Карло стали обычными, человеческими, он улыбнулся пожелтёвшими зубами и добавил:

— По рукам! Я возьмусь за этого парня.

Воспитательница стояла у двери всё это время и теребила верхнюю пуговицу на своей блузке, отчего появилось сдавленное чувство в горле.

— Вот и славно. Олег, я буду приводить тебя сюда после школы.

Олег резко повернулся и посмотрел на воспитательницу, как на непростительно провинившегося ребёнка. Из его напряжённого ненавистью горла вырвалось:

— Зачем?

— Ты всегда будешь являться частью мира людей и будешь обязан чтить людские правила.

— Я уйду после девятого, я имею на это право.

— Тут уже мне решать, — мягко вмешался Карло. — Множество важных тренировок запланированы в стенах школы. Где ещё ты найдёшь столько спарринг-партнёров?

Щёки Олега задёрнулись от предвкушения потасовок с унтами-школьниками — это же выход на новый уровень. Основа его философии успеха была в постоянном повышении ставок всеми возможными способами, а сейчас судьба бросает подростка в водоворот сверхчеловеческих испытаний.

Первый поединок Олега на следующей неделе не удался от слова совсем. Противник повалил его на землю и обрушился тяжёлыми ударами кулаков по спине, животу и часто по голове. Он лежал в позе эмбриона и защищал руками наиболее уязвимые места. Здоровяк из выпускного класса избивал его на глазах толпы школьников, а Олег не мог ничего сделать. Оппонентом был человек, который решил просто так напасть на него — школьника помладше. Олег терпел тумаки под страхом смерти, потому что наставник Карло усердно внушал молодому человеку трепет перед ним. Он упоминал при любом удобном случае о казнях приступивших правила, пока знакомил подмастерья с делами своей скромной конторы.

Беспощадное избиение начало постепенно затихать. Олег почувствовал редкие капельки пота на коже и тяжёлое дыхание старшеклассника. Он остановился, посмотрел на Олега, сдвинув густые чёрные брови, а затем развернулся и ушёл, а вместе с ним школьники-зеваки, которые окружили их плотным кольцом. Когда Олег остался один, он начал думать о том, как отомстит этому мерзкому человечешке, что посмел его так унижить на глазах доброй части школы. Тем не менее, главной задачей был поиск причины этого нападения.

— Ты хорошо справился, Олег, — сказал ему наставник Карло.

После драки Олег, покрытый ссадинами и парочкой синяков, поплёлся в комиссионку Карло, он был первым в списке подозреваемых. Карло стоял за стойкой, а Олег прошёл перед ней как можно ближе, чтобы наставник внимательнее разглядел каждое увечье.

— Зачем? — спросил он пока сверлил Карло взглядом.

— А так доходит лучше. Теория всегда подкрепляется практикой.

Грудь подростка часто и заметно вздымалась, челюсти сжались так, что проступили желваки. Карло смерил его взглядом и покачал указательным пальцем из стороны в сторону. Олег выдохнул тонкой струйкой весь воздух из лёгких и с недовольным выражением лица выставил перед собой раскрытые ладони.

— С этим можно что-нибудь сделать? — спросил он и покрутил пальцем вокруг лица.

— Хочешь завтра придти чистеньким? Ведь раньше и за меньше сжигали.

— Первой помощи достаточно. Главное чтобы люди не шарахались.

Карло позвал его жестом и принялся что-то искать внизу стойки.

— В аптечке есть всё что нужно, бери сколько влезет.

Карло передал ему чёрный пластиковый чемоданчик с красным крестом и указал на дверь позади стойки, что вела в туалет. Олегу не понравилось, что его тычут носом даже в такие мелочи как местонахождение туалета (это ему давно было известно), но вида он не подал.

Это было не первое избиение в жизни Олега, и обрабатывать подобные раны он умел. Следы, конечно же, оставались, но они не бросались в глаза, если специально не всматриваться. На этот раз обошлось без рассечений, он залил хлоргексидином и залепил пластырями пару ссадин на щеках и одну на лбу. В аптечке лежала упаковка крема от синяков с тонирующим эффектом, Олег достал тюбик и открутил крышку — горлышко было запаяно. Он намекал наставнику на помощь посущественнее, но такая мелочь, как свежий тюбик специально для него, грела душу.

Олег не смог добиться от Карло признания того, как он спровоцировал старшеклассника на драку с ним, а ещё он не позволил себе оставить здоровяка без заслуженного возмездия, ему нужно только найти способ, как обойти правило номер один: «Не вредить людям». Где граница того вреда? Если уговорить другого человека причинить боль другому, будет ли это нарушением правила? Олег ведь раньше вредил людям, в принципе, он может рискнуть и постараться обойти правило. Изобретать новый приём он не стал, а просто на следующий день натравил на обидчика рыбку покрупней. Драка была назначена сразу после шестого урока. В этот момент к Олегу обратился женский голос, что звучал в его голове:

— Только я решаю — нарушено правило или нет.

Олег резко обернулся и осмотрелся по сторонам. Вокруг ни души. Голос, что к нему обратился, принадлежал воспитательнице, только тон и манера говорить совершенно иная — грубая, неженская.

— Я — Тот, кто видит или просто ТОТ. Слушай внимательно и не ёрзай. Тебе нужно исправить то, что ты натворил или ты понесёшь наказание за нарушение правила, а вместе с тобой и твой наставник за нарушение правила номер два. Если сделаешь, разговор будет иной.

Олег сосредоточенно смотрел перед собой и кусал зубами нижнюю губу. Задача сродни примирению быка и красной тряпки, но раз уж он собрался рисковать, то дело нужно довести до конца. Самый простой способ — признаться во всём, и его избьют уже двое. В таком случае о самоуважении и пути к успеху можно забыть. На обдумывание стратегии по примирению Олег потратил один урок, к счастью, драка должна была состояться после следующего. Он подошёл сначала к старшекласснику, который его вчера избил.

— Тебе чё надо, глист? — обратился он к Олегу.

— Да так, вижу, ты не унимаешься. Сначала я, теперь тот чел.

— Я и с тобой могу повторить, — он уже потянул ладонь к волосам Олега, но тот увернулся и достал из кармана парочку купюр — деньги маленькие для мира взрослых, но для школьников в самый раз.

— Я тут с одного мелкого денег стряс, в его классе ещё богатенькие есть. Хочешь покажу?

Старшеклассник смотрел на него и водил языком по двум верхним зубам.

— Ты думал, что я поведусь? От твоей побитой морды ничего хорошего ждать не следует. Я же вчера тебя при всех побил. Забыл уже? — закончил здоровяк и ткнул Олега

пальцами в лоб — не сильно, но подросток всё равно сделал шаг назад.

— Ладно-ладно, давай на чистоту. Я не хочу, чтобы вы дрались. Можешь эти деньги забрать и спрятать, или сделать что душе угодно. Если настучу или почувешь неладное — опять побьешь.

— Тебе-то это зачем?

— Я же знаю, каково это быть избитым. Вам обоим это точно не нужно. Тем более, только я один видел, как вы забились. Никто не будет говорить типа: «зассал».

— Вот ты всем и расскажешь, какие мы ссыкуны.

— Тогда побьешь меня, — сказал Олег, будто выразил всем известную истину, и развёл руками.

Старшеклассник ещё немного подумал и ответил:

— А со вторым, что делать?

Олег живо вложил ему купюры в ладонь, словно пожал её, со словами:

— Скажу ему то же самое. Если тебя убедил, то и с ним всё получится. Только ты ему как-нибудь намекни, что ты в курсе, кивни или моргни.

После шестого урока двое старшеклассников, двигаясь к выходу в общем потоке детей, переглянулись и слегка кивнули друг другу. Их лица были серьёзными, а взгляды тяжёлыми. Тот, что вчера избил Олега, первым отвернулся с лёгкой улыбкой. Олег стоял в стороне и с душевным облегчением, которое отражалось на его лице, наблюдал за этой парочкой. Он ожидал, что голос Того, кто видит как-то прокомментирует произошедшее, но его молчание продлилось целый месяц.

ТОТ заговорил, когда Олег относил в подсобку неостребованные вещицы, которые заполнили одну среднюю коробку. Он стоял неподвижно между двумя железными стеллажами в крохотной комнатке, места там хватало только им троем.

— Через два года ты вызовешь своего наставника на честный поединок.

Олег медленно посмотрел через плечо и ответил шёпотом:

— Конечно-конечно, но зачем вам это нужно? Безина он приносит много и...

— Можно больше, этим займёшься ты.

У Олега похолодело в груди от тяжёлого груза ответственности, которую на него хотят повесить. Он ещё ни разу не собирал безин, а ему уже предлагают заменить своего наставника, который, по его мнению, преуспел в этом деле. Коробку, наполненную безином наподобие той, что Олег сейчас держит в руках, обычно раз в неделю Дмитрий забирает к себе домой. Молодой унт забегал глазами и начал искать подходящий ответ, а затем выдал первый наиболее вразумительный вариант:

— Как мне собрать больше и как мне победить его?

Ответа не последовало.

Олег тяжело выдохнул, поставил на среднюю полку стеллажа коробку и приложился спиной к свободной стенке. Он смотрел в потолок и думал о том, что ему пора начинать бояться своих желаний. Цель всей его жизни безусловно важна, но не такой же ценой. Он осмотрел ценный хлам, торчащий из коробок. Из всех побрякушек на него нагло смотрела только маленькая чёрная голова добермана на деревянной палке. Олег резко выдернул её из коробки и положил на ладони, словно это благородный клинок. У него на руках лежала трость, определённо старше его самого. Голова добермана выточена вручную, судя по бороздам от инструмента резчика под слоем краски, которая была скорее тёмно-коричневой, чем чёрной. Трость из цельного куска древесины с парой трещин на верхней части ножики.

Сама краска потрескалась ближе к наконечнику, а он стёрся, обнажая запылённое дерево.

Олег в тот же день пошёл к Карло с просьбой наделить трость безином, но получил отказ.

— Ты это сделаешь, так что не торопись, всё идёт по плану. Трость я для тебя отложу, можешь её даже домой забрать.

— Лучше пусть полежит у вас.

— Ты же знаешь, если человек захочет такую купить, я не смогу ему отказать.

Олег улыбнулся хитро одними губами и ответил:

— И дело совсем не в правилах, верно?

— Ты же гроза всех детей в детдоме и в школе — никто не захочет у тебя воровать.

— Больше нет, — Олег посмотрел в глаза Карло холодно и пронзительно.

Карло со слабым шлепком ударил себя ладонью по лбу со словами:

— Я же могу тебя усыновить. Поживёшь у меня пару лет, а станешь совершеннолетним — иди на все четыре, — Карло достал из кармана джинсов телефон, — Я предупрежу, что ты приедешь сегодня попозже. Съездим ко мне домой, глянешь, захочешь там жить или нет.

Жил Карло недалеко от комиссионки в частном секторе центральной части города. Дом был маленький из белого кирпича, а участок, на котором могли разместиться ещё четыре таких домика, огорожен сеткой-рабицей. Пустой дворик производил впечатление чистого и прибранного, хотя местами валялись кучи ненужного хлама — осколки кирпичей и шифера, металлолом, деревянные оконные рамы. Внутри дома чувствовалась женская рука, пахло стариной, скрипел пол, и было немного теплее, чем на улице. Виновница всего этого порядка хлопотала у плиты, она помешивала за жарку из лука и моркови, а одним глазом поглядывала на испускающую тонкие струйки пара пятилитровую кастрюлю. Это была упитанная женщина лет шестидесяти с короткими седыми волосами, одетая в домашний халатик на пуговицах. Олег сразу понял, что это точно не жена Карло из-за значительной разницы в возрасте.

— Вечер добрый, работничек, суп будет готов только через час.

В кухню вёл узкий и короткий коридорчик, поэтому Олег шёл позади.

— И тебе добрый вечерочек, маман! Я подмастерья знакомиться привёл, — Карло легко подтолкнул Олега вперёд. — Всё тот же самый.

Мама старьёвщика Карло смерила Олега взглядом, который резко сменился с приветливого на настороженный и строгий, стоило сыну упомянуть о его подмастерье.

— Здравствуй, Олег, рада видеть тебя, так сказать, во плоти, — соврала она и продолжила, — меня зовут Марфа Петровна.

Олег старался смотреть в сторону и не выдавать свою настороженность по поводу такого странного отношения к нему от унта, которого он видит в первый раз в жизни.

— Доброго вам вечера, я тоже рад познакомиться.

— Присаживайтесь тогда за стол, покормлю вас тем, что есть.

— Да не нужно, мам, я привёз его ненадолго, так, дом показать.

— Ты на часы смотрел? Восьмой час уже, а ребёнок не евши. Да и в детдоме ужин уже давно прошёл. Что ему до утра терпеть?

— Всё нормально, в детдоме знают, что я работаю, и мне оставляют ужин.

— За стол живо, — сказала мама Карло твёрдо, строго и негромко, отчего невозможно было не повиноваться.

Дмитрий и Олег сели друг напротив друга за деревянный столик на троих. Спустя пять минут перед ними были тарелки с рисом и тушёным мясом. Олег не припоминал, чтобы когда-нибудь ел домашнюю еду. Он осмотрелся и взял вилку, ему хотелось проникнуться этой атмосферой, прочувствовать её и запомнить навсегда. Карло уплетал ужин за обе щёки и не обращал ни на кого внимания.

— Ты что не ешь? Давай жуй, — сказала Марфа Петровна.

Олег пришёл в себя и принялся за ужин, ел он аккуратно и долго, тщательно пережёвывая каждый кусочек.

— Нравиться у Димки работать?

Олег тяжело проглотил недожёванный кусок, чтобы ответить.

— Мне, конечно, сравнивать не с чем, но определённо нравится.

— Нашему унтовскому делу как учит? — Марфа Петровна продолжала задавать вопросы, не отвлекаясь от плиты.

— Пока усваиваем правила, — сказал Олег, перевёл взгляд на Карло и продолжил голосом грубее, — весьма доходчиво.

— Сегодня просил накачать безином трость, живой интерес у него присутствует, и это хорошо, — сказал Карло с набитым ртом.

— Олег, ты бы хотел себе комиссионку или что другое откроешь?

— Мы ещё с ним это не обсуждали, — ответил Карло.

— Я вот с первого дня обо всём этом знала.

— Всему своё время. Какой смысл ему голову забивать?

— Олег, мой сыночек утаивает от тебя очень важную вещь. Унты долго не живут, таких как я очень мало. Чаще всего нас убивают в поединках или нас загрызают одержимые, ТОТ упаси. Владения-то нужно кому-то передавать, вот они и переходят подмастерьям.

— Ну, не всегда так. У нас же есть фонды, в твоё-то время, мам, их не было. На деньги этого фонда и покупается земля блудному, когда его уже наставили на путь истинный, — последнюю фразу Карло сказал, поднимая руки вверх, будто к чему-то тянулся.

— О чём я только что сказала, остаётся в силе. Одно другому не мешает.

— Блудный выигрывает при любом раскладе, без земли не останется.

Олег закончил есть, положил вилку на тарелку и пошёл к раковине, что висела рядом с плитой на двух стальных прутах, а под ней тянулся к полу серый сливной шланг. Без лишних слов он взял губку и принялся намывать свою посуду, словно делал это каждый день в этом доме. Марфа Петровна смотрела на него с лёгкой улыбкой и еле заметным румянцем на щеках. Олег положил тарелку и вилку в сушилку над раковиной и вернулся на своё место. Карло тоже закончил есть и встал со словами:

— Ладно, спасибо. Побежим.

— Да, большое спасибо, Марфа Петровна, — сказал Олег и пошёл в прихожую обуваться.

Пока Дмитрий отвозил Олега в детдом, Марфа Петровна ждала его дома на серьёзный

разговор. Она сидела на кухне с чашкой чая, подперев ладонью подбородок, и смотрела перед собой. Как только вошёл Карло, первое, что он увидел, блестящие от слёз глаза несчастной матери.

— Говори, как есть, сыночка, и не смей врать.

Карло смотрел в пол.

— Я...я хочу усыновить Олега.

Марфа Петровна закрыла рот ладонью и продолжила смотреть на сына широко раскрытыми глазами.

— Сумасшедший...сумасшедший, — прошептала она и покачала головой.

Карло сжался ещё сильнее и, казалось, что он не хочет отвечать. Мужчина с сединой в волосах производил впечатление школьника, который получил очередную двойку.

— Я сколько тебе талдычила, чтобы ты был осторожнее. Не успеешь оглянуться, как окажешься в огне. Нельзя же так, — из глаз Марфы Петровны полились слёзы, и она отвернулась, чтобы вытереть их кончиками пальцев.

Карло начал понемногу расправляться и сказал с зарождающейся уверенностью в голосе:

— Олег из того детдома, помнишь, несколько лет назад в новостях показывали.

Марфа Петровна ахнула и побледнела.

— Не тот, другой. Видишь, мальчик прилежный, всё потому, что директриса на работниках сэкономила. На плохих людей он, бедолага, насмотрелся, сам жертвой был. Ничего плохого он не сделает, я в этом уверен.

Марфа Петровна отпила чай, её руки тряслись, но сохраняли дворянскую элегантность.

— Димушка, я тебя не этому учила. Я просила быть осторожным. Мы живём в мире людей, он опасен; в мире унтов мы тоже живём, а он не менее опасный. Я своё пожила и для тебя того же хочу.

— Я знаю, я всё понимаю, — Карло выдохнул и помассировал переносицу. — Хорошо, давай так. Ты же знаешь правила? Я должен наставить блудного на путь истинный. Не сделаю — буду в огне. Нам того не надо.

Карло видел, что глаза матери немного посветлели. Марфа Петровна подошла к сыну и обняла его.

— Прости меня, сыночек, — её тихий, сдавленный голос прерывался на всхлипы, — Знала же дура, в каком мире живу, тут себя б спасти, нет же, не унималась, за собой тебя потянула.

— Всё хорошо, мамочка. Тебе огромное спасибо за то, что я живу. Я не жалею ни секунды, правда. Ты такой чушью себе голову не забивай. Всё будет хорошо.

На усыновление Олега ушло не более месяца. Юристы-унты могли узаконить практически всё что угодно, конечно, если это «всё» не навредит людям. У их клиентуры пользовалась спросом одна услуга: переоформление недвижимости на победителя в поединке или на блудного, который не имел никаких родственных связей с владельцем. У юристов были свои методы, но чаще всего они вели дела на доверии с другими унтами и все бумаги были частично заполнены заранее. В ситуации с усыновлением Олега, пришлось «нарисовать» ворох положительных качеств для Карло и даже жену, которой у него отродясь не было.

Сожительство с наставником давало свои плоды, Олег стал лучше усваивать уроки владения магией унтов и живее схватывать основы управления комиссионным магазином.

Марфа Петровна просила его помогать по дому, но основную работу делала сама. Ещё она приучила сына мыть за собой посуду, что далось ей легко, потому что можно было пристыдить его примером самостоятельного воспитанника. Так Карло и Олег сменяли друг друга через день, намывая за всеми домочадцами тарелки. Марфа Петровна не выказывала своей настороженности из-за нового члена семьи, но бдительности терять не собиралась и следила за его действиями, порой навязчиво, хотя в пределах, которые можно простить пожилой женщине. Олегу нравилось жить в семье — по-другому не могло быть.

Два года прошли как один миг, Олег стал совершеннолетним и овладел практически всеми возможностями, которые предоставляла магия унтов, и усвоил знания, которые Карло мог дать. Правда, друзей старьёвщик не имел, и было некого попросить поделиться опытом с учеником. По мнению Олега, этого обучения хватило сполна. Трость он наделил пламенем из концентрированных чувств ненависти и гнева, которые он собирал на протяжении двухлетней практики. К совершеннолетию Олег изменился: вся ершистость и надменность вылетели в трубу, уступая место сдержанности и спокойствию. Пока не было необходимости носить много безина в себе, он просто привыкал к статусу сильнейшего унта.

Однотонная белая футболка, тёмно-синие джинсы, кеды и чёрный кейс для трости — повседневный наряд Олега. Другая одежда ему не нравилось, в ней было то жарко, что плечи и спина намокали, то холодно, что они же покрывались гусиной кожей. Он редко брал трость в руки, большую часть времени она лежала в кейсе, который он открывал только для накачки бежином. Ему было интересно, где же предел этой вещицы и в частности его возможностей. Был взят курс на преодоление себя вчерашнего, но прошлое всё равно догнало юношу.

Спустя две недели после восемнадцатого дня рождения голос Того, кто видит опять заговорил с ним. Это случилось, когда он стоял за кассой в самый не рыбный для комиссии день. Дмитрий отошёл по делам на час-другой, и ему уже пора было вернуться.

— Два года прошли, самое время вызвать Карло на поединок.

Олег пальцами сжал столешницу стойки.

— Я могу задать вопрос? — спросил Олег.

— Можешь.

— Что со мной будет, если я откажусь?

— Эх, Олег, ты слишком быстро забываешь. Дело не в том, что с тобой будет, а в том, что я захочу с тобой сделать.

Олег знал о казнях тех, кто приступил правила, только со слов других унтов, и для него было очевидно, что он не виноват. Юноша отпустил столешницу и вычистил своё сознание от эмоций до полной пустоты.

— Вы же знаете, что у Карло заболела мать, — сказал Олег. — Как я могу вызвать его на поединок? Она же...

— Делай, Олег, выбора у тебя нет, — перебил его ТОТ.

Дверь открылась, и в магазин зашёл незнакомый молодой человек немного за двадцать, он был небольшого роста и одет в спортивный костюм. Олег поздоровался и начал внимательно следить за движениями посетителя с услужливым выражением лица. Незнакомец не ответил на приветствие, а только снял кепку, обнажив короткие рыжие волосы, и достал из подкладки квадратный листок чёрной бумаги. Молодой человек был ниже ростом, поэтому Олег учтиво наклонил голову. Он следил за бумажкой, которую незнакомец с бесстрастным выражением лица выставил перед собой. Листик ярко вспыхнул

синим пламенем и вмиг потух. Олег незаметно потянулся к кейсу с тростью, он как раз стоял у его ног. Посетитель пульнул бумажку острым концом прямо в горло юноши, но листик остановился в считанных миллиметрах от его кадыка. Из квадратика вылетели его копии, которые взяли в кольцо шею молодого унта. Олег поднял подбородок, и старался не шевелиться.

— Делай, Олег, — сказал рыжий.

Олег посмотрел в потолок и пару раз еле заметно кивнул.

Незнакомец снял бумажное оцепление, вложил своё оружие обратно в кепку и вышел так же неспешно, как и вошёл. Олег ощупал шею, чтобы проверить остались ли на ней порезы; он смотрел вслед единственному посетителю за весь день и раздумывал о своих дальнейших действиях.

Карло так и не вернулся в магазин, такое происходило раньше, поэтому Олег не придавал этому никакого значения, а просто собрался и пошёл домой. Снаружи дул пронизывающий ветер, его порывы хлытали лицо, глаза и рот пылью, отчего короткая прогулка по безлюдному тротуару стала не только одинокой, но ещё и невыносимой. В обращённых на улицу окнах дома не горел свет как обычно, в прихожей и кухне тоже. Олег увидел тусклое освещение, которое пробивалось через щель под дверью спальни Марфы Петровны. Он достал трость из кейса и настроился на предстоящий бой: успокоился, но от сжимающего грудь чувства страха избавиться не получалось. Олег открыл дверь и захотел закрыть её, забыть всё, что он там увидел. На кровати с закрытыми глазами лежала Марфа Петровна, её тело было расслаблено, кожа посерела и побледнела. Склонившись над её рукой, на коленях сидел Карло, его спина вздрагивала, от него доносились приглушённые всхлипы. Юноша твёрдо сжал рукоятку трости и вцепился пальцами в косяк двери. Всё очевидно — выживет только один из них.

Олег часто дышал, его дрожащие пальцы легли на грудь и сделали оборот. Пелена купола покрыла пространство перед Карло так, что он даже упал на спину, но быстро встал на ноги и уставился широко раскрытыми, покрасневшими глазами на своего ученика. Олег выставил трость перед собой и сказал:

— Честный поединок.

Купол охватывал всего пару комнат в доме, однако мебели в них стояло так много, что дуэлянтам не хватало места. Олег осторожно начал отходить назад, пока не упёрся икрами в кресло. Карло видел, как блестят красные глаза унта, и очертание его силуэта в темноте за дверным проёмом. Колени старьевщика подкосились, он рухнул на них и стал шарить по карманам и, судя по выражению лица, был готов зареветь.

— Как так, ТОТ?! Жаль, что ты этого не видишь, — Карло вытер слёзы, глубоко и судорожно вдохнул. — Похоже...похоже, тебе того и надо. Ну так, смотри.

Карло тремя пальцами правой руки сделал вращающее движение на груди, а остальными прижал к ладони шахматную фигуру ферзя. Он стал на одно колено и сразу рванул в сторону Олега, который стоял неподвижно на месте. Карло скрутил фигурку в руках, из ладоней вылетело два острия чёрного копья. Оружие объяло пламя, словно от трения воздуха, но наконечники попали только в стенку купола и в спинку кресла. Как только Карло сжал ферзя, Олег отскочил влево. Его трость загорелась, и красный огонь принял форму лезвия сабли. Карло отпустил копье и за два шага добрался до середины комнаты, хотя Олег успел лишь сделать шаг в его сторону и занести трость над головой, чтобы разрубить разделяющую их полосу огня.

Лица соперников холодные и неподвижные, не выдавали мыслей и намерений.

В руке старьёвщика появилась чёрная фигурка слона, чья гладкая поверхность отражала языки пламени, но она выпала из рук Карло, а он сам рухнул на колени и схватился за голову. Олег двумя ударами разрубил преграду и направился к наставнику, выставив вперёд горящую саблю. Карло прижал голову к коленям, тело тряслось, но из его рта кроме слабого шипения не вылетело ни единого стога. Подмастерье приблизился к учителю на расстояние одного удара, поднял ногу, чтобы пнуть его, но сразу же вернул её на место. Трость вмиг потухла, а Олег потянулся ладонью к спине осиротевшего взрослого.

— Только не начинай, Олег, — вмешался голос Того, кто видит. — Выбора у тебя нет. Глянь, он сейчас станет одержимым — всё равно в утиль.

— Ых-ху, не мешкай, Олежа. Хух, ы-ы-ы, захотел быть злом, будь злом до конца, ой-йо, — сказал Карло.

— Я победил его в честно поединке, купол должен был пасть! — закричал Олег.

— Это мне решать, сопляк! Убей его, живо! — крикнул ТОТ.

Карло, сидя на коленях, подал туловище назад, раскинул широко руки и запрокинул голову.

— Олег, мальчик мой, я тебя прощаю. Спасайся, делай то, что просят. Только казни... нет, прекрати это всё, как положено, — сказал он.

Трость загорелась и в свете её пламени красные радужки в чёрных глазах заблестели ещё ярче. Олег занёс пылающий клинок над грудью Карло, долго примерялся, чтобы сразу попасть в сердце, закрыл глаза и просто рухнул вниз. Движения чёткие и твёрдые. Как только остриё коснулось пола, Олег ударил по голове добермана, и тело Карло объяло буйное пламя. Силуэт проглядывался где-то в глубине огня как головка зажженной спички. Олег смотрел с безразличием на лице, словно там в глубине костра горят сухие ветки. Думал он, примерно, о том же, хотел убедить себя, заменить реальность хотя бы в своих мыслях. Иначе эмоции возьмут над ним контроль и огонь потухнет.

— Да, хорошо, Олег, всё хорошо, всё хорошо, ты большой молодец, — только и звучал в голове юноши голос Того, кто видит.

Сожжение длилось около десяти минут. Олег не мог больше терпеть, упал на колени и припечатал лоб к полу. Огонь вмиг потух, и на его месте осталась только чёрная трость, обращённая осуждающим изгибом бровей к своему хозяину. Олег скрёб ногтями по ветхому ковру, уткнувшись в него носом, и прилагал большие усилия, чтобы заплакать.

— Ты получил то, чего больше всего хотел, Олег. Слезы лить бессмысленно, тем более у тебя это всё равно не выйдет.

Олег поднял голову и уставился в пустые глазницы резного добермана. Они смотрели на него сверху вниз и вызывали чувство лютой несправедливости. Юноша вскочил и схватил рукоятку, будто вцепился в шею пса, чтобы его придушить. Он не моргал и держал контакт глаз. Купол растворился, но Олег не сдвинулся с места в тёмной комнате, где его освещал лишь свет из спальни Марфы Петровны. Он сжал голову добермана со скрипом и опёрся на трость. Его лицо было серьёзным, а глаза сосредоточенно смотрели перед собой. Олег мирился с тем фактом, что так пройдёт вся его жизнь.

“Наш Христос — не Ваш Христос”

Письмо К.Н. Победоносцева к Л.Н. Толстому

Борис смотрел во двор из окна своей комнаты, он только проснулся, но у него всё никак не получалось придти в себя. Вчера хватило сил только, чтобы разуться, — неправильно: нажатием носка на пятку, — и рухнуть на кровать. Спал он крепко и снов не видел; юноша не хотел просыпаться все отведённые ему годы. В окне он увидел, как проезжали редкие машины, а пара дворников в оранжевых робах подметали дорожки самодельными метлами. Небо затянула серая пелена с редкими просветами, а на покрытых пухлыми почками ветках деревьев скакали шустрые воробьи. Природа пробуждалась, и жизнь была ключом, а Борис не знал, хочет он такой жизни или нет.

Перед уходом на работу он зашёл к бабушке, её только недавно вернули из больницы. Она слабела с каждым днём, но обследования не давали никаких результатов. Борис отдал на лечение практически все заработанные деньги, но по-прежнему причины ухудшающегося здоровья оставались неизвестны. С врачом он беседовал по поводу диагноза, но его сознание не воспринимало слова доктора. Бабушке прописали капельницу, так стойка с бутылками стала постоянным спутником её кровати. Внук давал ей пару капель безина ежедневно, но они просто стекали по коже и скрывались в складках одеяла. Лицо старушки всегда было измученным и уставшим, хотя его цвет не изменился. Как только внук появлялся в комнате, она начинала говорить, но уже не так бойко как обычно. Борис каждый раз пытался заглушить этот слабый поток, чтобы бабушка не тратила зря немногочисленные силы.

— Доброе утро, Боря, побежал уже?

— Да, побежал. Не скучай тут.

Борис присел на край кровати и потрогал трубку капельницы и продолжил:

— Тётя Лида сегодня придёт? Покажешь ей, что я убрал раствор туда за кресло, чтобы солнце не грело.

— Да-да, она справится. Боря, слушай, — бабушка вытянула шею, будто ей было больно глотать слюну, — слушай, улыбнись, пожалуйста.

Борис улыбнулся так, чтобы показать передние зубы. Он сузил веки и постарался зажечь в глазах хотя бы искру радости.

— Что ж с тобой твориться? — сказала бабушка, положила свою ладонь на лоб и закатила глаза, — Мне страшно, Боря, я за тебя боюсь — не сегодня-завтра помру. Ладно я, но тебе-то туда ещё рано.

— Я не наркоман, бабушка. Руки я тебе показывал несколько раз; если хочешь, я могу анализы сдать, лишь бы ты спокойна была. И вообще, куда ты так много говоришь? Береги силы.

— Берегу-берегу, что беречь-то, если толку от этого — шиш. Боря, я у тебя одна, ты береги меня.

— Откуда это: «Я у тебя одна, ты береги меня»?

— Тебе мама эту сказку часто рассказывала, сказку про звезду.

— Ладно, отдыхай. Я сегодня буду поздно, нужно помочь племяннику Дяди Рудольфа.

— Передавай привет. И аккуратнее там.

— Если не забуду.

Сегодня вечером Борис должен привезти Кирилла на встречу с Аристократом. По его мнению, ничего плохого ему не следует ожидать. Скорее всего, Аристократ захочет изучить

этот случай подробнее, следовательно, убийство единственного подопытного кролика — это маловероятный исход.

Рабочий день шёл своим чередом, Борис старался не думать о том, как он сегодня вечером закинет Кирилла в пасть начальнику. Однако зачатки плана растрескались и осыпались осколками как стеклянное полотно, когда Аристократ в очередной раз позвал его в комнату отдыха и сказал, что хочет сегодня вызвать Виктора на поединок.

— Вы же просили сегодня вечером привезти Кирилла.

— Приведёшь позже. Если его тело не осталось лежать в подвале, рано или поздно я его увижу.

— Что я должен сделать?

Аристократ поставил перед ним ту самую коробочку с розой, которую Борис забирал у Малиота.

— Достанешь розу и незаметно уколешь Виктора неважно куда. К иголкам он привык, думаю, не заметит. Шип тут один, только смотри, сам не уколись. Когда подам знак, оторвёшь у цветка листок, именно листок, а не лепесток.

Борис достал из коробочки цветок и принялся его разглядывать, трогать лепестки, листки. Внимательно рассмотрел неестественно длинный шип с жёлтым кончиком.

— И что случится? Мне нужно будет отойти от Виктора подальше или...

— Неважно. Даже если он тебя обнимет руками и ногами с тобой всё будет нормально.

— Я сделаю. Но это всё не просто так, у меня просьба.

— А салона тебе мало?

— Честно, не помню, чтобы мы это обсуждали.

— Я в курсе твоих проблем. Вылечим твою бабушку, никуда она не денется.

«Грубовато», — подумал Борис.

— Я могу отпроситься с работы и пойти к Виктору?

— На час раньше можешь уйти, только не беги к нему, особо не торопись.

— Всё предельно ясно, — Борис торопливо уложил розу в коробочку и поднялся, — Могу идти?

Аристократ сделал только пренебрежительный жест «убирайся отсюда» и сам вышел из комнаты.

Борис понимал, что Аристократ не будет лечить его бабушку, но перспектива заполучить салон была очень даже оптимистична. Кого ещё ставить на место приемника? Салон слишком мал для супермаркета, поэтому смена направления бизнеса ему не грозит. Своё положение в этой истории Борис принял, хотя остался один вопрос. Нужно ли сообщить Виктору о цветке? Возможно, сила этой розы устроена иначе, и после укола, сколько листков не вырывай — ничего не изменится. Аристократ наверняка перестраховался. В конце концов, Виктор дал установку строить из себя предателя на все деньги, поэтому нет смысла придумывать себе оправдания. Мастер знает, что делает.

Оставшиеся три часа рабочего дня прошли незаметно. Борис старался не думать ни о чём постороннем кроме работы, он всё для себя решил и не стал утруждаться лишними мыслями. В салон он шёл в привычном темпе, коробочку с розой держал в руке и старался сильно не сжимать, ему даже показалось, что она сейчас выпадет или раскроется от недостатка нажима. Вечер был спокойный и тёплый. Основной поток прохожих иссяк ещё три часа назад, уступив место немногочисленным одиночкам. Путь до салона занял меньше часа и всё это время Борис думал о том, чтобы это поскорее закончилось. Холодное и пустое

чувство в груди, в душе не оставили в нём жалости и сострадания. Он понимал, что Аристократ и Виктор такие же, и на его месте поступили бы также. Кто посмеет его осудить — не понимает, что значит быть унтом.

До салона оставалось меньше квартала, Борис стоял один на перекрёстке в ожидании пока светофор смениться на зелёный. Вдруг через шипение шин легковых автомобилей где-то справа пробился далёкий звук «тух...тух-тух...тух». Без долгих раздумий он рванул к его источнику, который доносился из ближайшего переулка. Человеческое зрение не могло разглядеть частое мельтешение в темноте, но глаза унта увидели невозможное. Виктор прижимал колени к груди, лежа на кучке грязного снега, а над ним стоял человек во всём чёрном. Борис видел только широкую спину незнакомца, а взгляд зацепился за что-то красное на его голове.

«Аристократ опять решил перестраховаться?» — подумал Борис и материализовал электрошоковый пистолет.

Он направил пистолет прямо в голову незнакомца, но резко опустил и спрятал за бедро. «Нашего непобедимого Виктора ведь не мог одолеть простой одержимый», — подумал Борис. Его взгляд выхватил из этого хаоса глаза Виктора, он смотрел прямо на него, иногда моргая от ударов, мастер указал ладонью, чтобы Борис ушёл из переулка. Юноша попятился назад, вышел наружу и побежал в противоположную сторону от салона, он решил сделать крюк и подождать мастера на его ступеньках.

Когда Борис добрался до салона, он аккуратно засунул бутон розы в правый рукав и схватился за стебель так, чтобы шип поместился между средним и безымянным пальцами. Цветок лёг в ладонь как влитой, и если держать руки в карманах никто не заметит подвоха. Он увидел, как в его сторону ковыляет Виктор; пятна и дыры на его одежде исчезали на глазах, в то время как по ней молниеносно передвигалась маленькая тёмная фигурка. Мастер подошёл ближе, и юноша разглядел на его плече чёрного богомола, который деловито тёр свои клешни друг об друга. Руки Виктора повисли плетью, лицо начало опухать, через ссадину над правым глазом сочилась мелкими бусинками кровь, вдохи и выдохи были короткими, наверняка, его рёбра сломаны.

— Виктор?

— Добрый вечер, Борис...

— Да, добрый.

— Это был наш общий знакомый. Ты ещё не забыл Газона? Ы-ы...

Виктор обхватил живот руками, рухнул на Бориса и упёрся подбородком в его плечо. Шип пробил рубашку и уколол татуировщика в бок.

— Он схватил меня за воротник и потащил в переулок, а дальше ты и сам знаешь.

— Год ведь прошёл.

— Кто его знает, он не был особо разговорчив, — Виктор говорил, пока Борис усаживал его на ступеньки. — Я видел столько воспоминаний людей, столько эмоций и чувств пропустил через себя, но мне до сих пор не ясно, откуда берётся их злоба.

Борис присел с ним рядом и сказал:

— Злоба во всех есть, только одни её контролировать могут, а другие сатанеют и на людей кидаются.

Он счесал ногтем шип и просунул розу дальше в рукав рубашки.

— Да, чушь я какую-то несу. Как дела у Аристократа?

Купол закрыл их, в этот раз он был маленький как юрта.

— Это не к чему. Похоже, Аристократ больше не может за нами следить.

— Ну, хоть что-то хорошее за сегодня. И как же ты это понял?

— Хотя нет, скорее всего, это блеф. Позавчера, когда я ушёл от вас, сразу пошёл в инсетскую церковь, а вчера он спросил, почему я пошёл в салон красоты.

Виктор ответил, массируя затылок:

— Когда Аристократ придёт?

— Он не сказал, просто велел придти к вам.

— А что ещё...нет, нет. Что думаешь, Борис? Как думаешь, что будет дальше?

Юноша поднял глаза к верхушке купола, он присмотрелся к кружку слабого света, который не слепил и равномерно рассеивался.

— Я считаю, что Аристократ начал торопиться. Что-то определённо произошло и это спутало его карты. Может, пересидите тут, пока не восстановитесь?

— Возможно, у меня перелом ребра, на заживление нужно минимум месяц. Но это не важно, рентген мне тут не сделать, и врача, как видишь, тут тоже нет.

— Вы хотя бы подготовитесь? Рёбра перевяжите?

— Надеюсь успею. Я и до этого готовился к поединку с Аристократом, это важнее.

— Снимайте купол, я помогу вам.

Чёрная стена пала, и Борис уже готовился увидеть идущего к ним на встречу Аристократа, но кроме проезжающих мимо машин никого не увидел. Виктор отпер ключом салон и рухнул на диван, Борис начал бегать по всем комнатам в поисках эластичного бинта и чего-нибудь ледяного. В спальне за ресепшеном он нашёл маленький холодильник, спрятанный в деревянную тумбочку. Внутри лежало два полулитровых пакета ряженки. Он взял один, ощущая пальцами густую ледяную завесу. Бинт он нашёл в сетчатой корзинке на стиральной машинке в душевой. Виктор продолжал сидеть на диване, широко расставив ноги и сложив ладони на животе. Борис отдал бинт и пакет, приговаривая:

— Вы больше ничего не будете брать из оружия? Может, безин пополните?

— Давай, на ты, Борис. Обойдусь тем, что есть, хотя налить безина в качестве обезболивающего не помешает. Поищи у меня в комнате, в шкафу чемоданчик, он чёрный такой

— Окей.

В вещевом шкафу царил полный порядок, поэтому найти чемоданчик не составило особого труда. Борис старался не суетиться, просто хотел скорее выполнить просьбу. Когда он вернулся с чемоданом в руках, рядом с диваном стоял Аристократ.

— Прошу прощения, не могу сейчас встать и пожать тебе руку, — сказал Виктор и прижал пакетик ряженки к лицу.

— Неважно. Я хочу вызвать тебя на честный поединок.

— Дашь мне минут пятнадцать? Борис давай его сюда на столик.

— Я буду ждать с той стороны улицы.

— Заранее прошу прощения, если задержусь.

— Не против, если Борис понаблюдает за нашим поединком?

— Что-то мне подсказывает, ему будет достаточно узнать, кто победил. Но если ты настаиваешь, я согласен.

Вот так это делается, они договорились о поединке сухо и по-деловому, без лишних слов. Несмотря на то, что это были унты, Борис не сомневался — люди пару веков назад вели себя перед дуэлью не менее сдержано.

Когда Аристократ вышел, Виктор расстегнул рубашку на половину, начал прислонять симмиринги к рёбрам и раздавливать их. Его лицо корчило от боли, колени без остановки дрожали. Татуировщик закончил, но не стал пока застёгивать пуговицы, казалось, он на это физически не способен. Всё его тело кричало об измученности и бессилии. Он схватил пакет ряженки, откусил один из углов и выдавил содержимое себе в рот.

— Я думал, будет лучше, — сказал Виктор и уронил голову на спинку дивана.

— Осталось пять минут. Сам застегнёшься?

Виктор напоминал алкаша после дикой попойки, но его глаза сохраняли в себе волю и несгибаемость этого унта.

— Ещё бинт.

Виктор соединил руки за спиной и потянул за рукав. Заправленная в брюки рубашка свисала как юбка, а бинт полетел по комнате словно серпантин. Он стряхнул остатки грязи с запястий и шеи, а затем осмотрел себя. На точёном теле, усеянном татуировками, красовались багровые пятна — зачатки будущих гематом. У него не получалось перевязать себя нормально, он скрутил бинт в рулон и начал по новой уже стоя. Борис внимательно смотрел, как мастер забинтовывает себя ниже грудины. Он хотел увидеть особый способ перевязки, но Виктор хотел просто замотать рёбра, — не туго и не слабо. Борис чувствовал голый стебель и нежные лепестки розы в рукаве, они не позволяли забыть о роли предателя. Он должен помочь, рассказать обо всём, это же всего лишь пара слов. Виктор без спешки застегнул рубашку, под ней из-за бинта кожу начало припекать, но мастер, похоже, восстановил часть сил, поэтому стоял уверенно и не замечал жгучей боли под повязкой. Он подвернул рукава до локтей, материализовал три пистолета и начал ими жонглировать. Борис держал наготове за спиной пару дымовых шашек. Представление продлилось недолго. Виктор подбросил все пистолеты вверх, и они струйками серого дыма вернулись на места, пока их обладатель раскинул руки в стороны. Он потянулся, а затем подмигнул Борису.

— Думаю, я готов, — сказал Виктор и пошарил в переднем кармане брюк. Там что-то зазвенело, словно множество маленьких хрустальных осколков.

Виктор вышел, но закрывать на ключ входную дверь не стал. Борис отошёл в сторону к самому краю тротуара. Аристократ и Виктор стали друг напротив друга и положили пальцы на грудь. Они дождались, пока проедут машины, и сделали резкий оборот. Юноша почувствовал, как его тянет назад непреодолимая и незримая сила. Задеревеневшее тело приподнялось на пару сантиметров, дуэлянты одновременно посмотрели на юношу, и он приземлился на ноги, как ни в чём небывало. Купол накрыл пространство от салона до здания с другой сторону дороги, как во время нападения двух одержимых. Борис прошёлся по границе купола и встал посреди дороги прямо на сплошную линию разметки, скрестил руки на груди и старался смотреть между противниками. Он решил для себя, что будет просто плыть по течению.

В левой руке Виктора появился двуствольный обрез, а в правой он материализовал чёрный моргенштерн, чей железный шипастый шар с красными трещинами повис на длинной цепи, покачиваясь рядом с лодыжкой. Аристократ отстукивал нарастающий ритм тростью, охваченной красным пламенем, пока шёл к татуировщику. Мастер в ожидании удара лишь подогнул колени и выставил вперёд левое плечо. В паре шагов от противника Аристократ, будто у него в руках рапира, сделал выпад тростью, и из неё вырвалась огненная когтистая лапа, которая закрыла большую часть поля зрения мастера. Виктор выстрелил из двух стволов, и когти рассеялись словно дым. Он увидел краем глаза, как нечто чёрное

приближается к нему справа. Виктор подтянул цепь и ударил это моргенштерном, а затем бросил руки вперёд, превратил всё оружие в дым и незамедлительно выстрелил перед собой из дробовика. Громадная огненная пасть разогнала дым слева и уже хотела сомкнуть свои острые зубы на татуированной руке, но вокруг челюсти обмоталась чёрная цепь с увесистой гирей на конце. Виктор крепко держал её в одном положении и смотрел в глаза Аристократа, а затем нацелил в его лицо обрез.

Огненная пасть разлилась потоками пламени в разные стороны и разорвала пути. Аристократ отступил спиной к Виктору, для него было очевидно, что противник не сойдёт с места, по крайней мере, прямо сейчас. Огонь на трости развивался от неторопливого бега, и, казалось, вот-вот потухнет. Аристократ ждал атаки с расстояния, но Виктор просто стоял, смотрел на него и судорожно дышал. Тогда он переложил что-то из внутреннего кармана пальто во внешний и решил сам нанести удар. Аристократ взмахнул тростью, словно волшебной палочкой, и её охватило густое оранжевое пламя. Огонь разрастался и сформировался в гигантскую собаку с острыми ушами и когтистыми как у медведя лапами. Вокруг него плясал воздух, но асфальт под брюхом оставался таким же мокрым. Пёс громогласно заревел и оскалился пастью, полной клыков. Виктор заметил, что у зверюги вместо задних лап только нижняя часть стройного силуэта Аристократа в фиолетовом пальто.

Когда объятая огнём лапа полетела в татуировщика, его рука скользнула в карман, и он кинул что-то острое и блестящее прямо в глаза псу. Взрыв белого пара заставил чудовище промахнуться, раскалённые добела когти вонзились в асфальт за спиной Виктора, который сделал два шага вперёд. Зверь принялся часто лупить по дорожному полотну в попытках раздавить унта, но делал это вслепую. Виктор юркнул под брюхо собаки и бросил кристалл в кончик трости, на этом месте вырос ледяной столб и достал до верхушки купола. Животное растворилось в воздухе за считанные секунды, словно выпущенная изо рта факира струя пламени. Аристократ ударом ноги раскрошил лёд вокруг трости и без труда выдрал её из столба. Его тело заметно обмякло, и ещё он выдыхал пар в попытках сдержать одышку.

Борис напрягал зрение, чтобы разглядеть неприличный шёпот, который слетел с губ Аристократа после очередного промаха. Однако противники открывали рты только, чтобы сделать глубокий вдох. Борис прошёлся по краю купола и приблизился на несколько метров к битве.

Виктор не спешил нападать, а Аристократ, опершись на трость, скопировал поведение своего противника — они так и стояли, глядя друг другу в глаза. Борис присмотрелся к действиям начальника, юноша ожидал увидеть знак от свободной руки, которая лишь скользнула в левый карман. Одним рывком Аристократ направил на Виктора трость и в него ударил мощный поток пламени, который разбился о чёрный треугольный щит. Его поверхность несла на себе множество выступающих узоров, которые быстро оплавившись. Виктор сидел за щитом съёжившись, терпел воздух, обжигающий лёгкие, и языки пламени, которые хотели лизнуть его побольнее. Аристократ начал подходить ближе, отчего огненная струя изливалась мощнее. Он часто моргал, потому что глаза быстро высыхали и нагревались, невыносимо жгло щёки и пальцы. Даже Борис ощущал, что ему тяжело дышать, будто он оказался в бане. Поверхность щита начала краснеть и обжигать предплечье Виктора. Ещё немного и чёрный треугольник попросту весь стечёт на асфальт. Аристократ был уже совсем близко и от нагретого воздуха сам практически ничего вокруг не видел, в его голове проносились только мысли о победе, которая вот-вот наступит.

Прогремел выстрел, и эхо от него растеклось по всему куполу. Над левым плечом Аристократа красные брызги разлетелись во все стороны. Борис потянул за стебель розы, но вытащил её только наполовину. Пальцы массировали листик в ожидании сигнала. Аристократ зажал рану ладонью, пока другая рука свисала плетью. Трость стояла рядом, будто её вставили в специально подготовленное отверстие. Виктор выглядел не лучше: рубашка и брюки местами обгорели, неприкрытые участки кожи покраснели, обгоревшие кончики волос свернулись, бровей и ресниц не было. Дышал он прерывисто: грудь вздымалась, вздрагивала на определённом моменте, а затем сдувалась. Руки безжизненно свисали, в одной из них лежал пистолет, из которого начал выходить чёрный дым, поэтому было сложно разобрать точную марку, похоже, это был Глок.

Аристократ липкой и красной от крови ладонью в перчатке нырнул в правый карман и достал из него багровую сферу. Виктор вернул пистолет на место и продолжил стоять неподвижно. Шарик разбился между соперниками и закрыл их другим куполом. Виктор видел, как в его сторону летят десять собак, вот только он даже мышцей не повёл, чтобы их остановить. Два бульмастифа вцепились в лодыжки, алабай и кавказская овчарка сжали зубами икры. Виктор упал на колени. Два добермана укусили его в районе талии и потянули вниз. Гончая и джек-рассел-терьер в прыжке вцепились в его запястья и завели руки за спину. Питбуль и акита-ину просто легли на плечи татуировщика и свесили лапы. Аристократ подошёл ближе и упёрся острым концом трости ему в грудь. Виктор опустил голову и утонул в асфальт. Из трости начала расти огненная лапа, которая медленно разрасталась на груди мастера. Виктор сжал зубы так, что напряглась и проступила челюсть, набухли вены на шее и лбу, но глаза остались такими же стеклянными. Долго терпеть он не смог и потерял сознание.

Сначала раскололся малый купол, а затем начал растворяться большой. Виктор лежал ничком, а Аристократ в окружении собак прижигал рану на плече раскалённой докрасна рукояткой своей трости. Борис так и стоял в прежнем положении с пальцами на листке. Ему хотелось на пару секунд вернуть свои чувства, чтобы с их помощью осознать произошедшее. Изначально он мог принять победу любой из сторон — игры этих опытных мужчин в равной мере вели его к неутешительной развязке — но сейчас он понимал, что в этом исходе есть что-то неправильное, противоестественное. Аристократ посмотрел на него через плечо и убедился, что роза наготове в руках его подчинённого. Он, еле передвигая ноги и опираясь на трость, приблизился к телу Виктора. Очевидно, Аристократ был измучен и физически ослаб, но это никак не отразилось на его лице. До тела татуировщика, распластавшегося на асфальте, нужно было сделать пару шагов, но ковыляющие ноги растянули их на добрый десяток. Аристократ дышал глубоко и часто, иногда запрокидывал голову, чтобы вдохнуть.

Юноша увидел, как слева на Аристократа полетели палочки, испускающие слабое золотое свечение. Они плыли по воздуху как тополиный пух и были размером с большой палец. Борис определил их, как пушистые семена одуванчика, которые целым облаком выплывали из переулка. Он сделал шаг вперёд и уже отрыл рот, чтобы предупредить, но его оборвал голос Того, кто видит:

— Стоять и молчать.

Аристократ с трудом сел на корточки и склонился над ухом Виктора.

— Я ожидал большего, Витя. Только вот понять не могу, почему это ты такой побитый. Я не...

Аристократ вдохнул одно из этих семян и сразу же начал кашлять и отхаркиваться. Он

поднялся на ноги, выронил трость и схватился обеими руками за горло. Сухой, надсадный кашель сменялся на тяжёлые и безуспешные вдохи. В этот момент несколько золотых семян летали около лица Бориса, он резким шлепком прикрыл ладонью рот и нос. Так парочка опасных плодов одуванчика подхватило потоком ветра, и они залетели в левый рукав прямо на татуировку дубинки. Вмиг из шеи и головы Аристократа выросли золотые тонкие иглы, их кончики торчали вверх и раскинулись во все стороны как бутон одуванчика. Его тело рухнуло рядом с Виктором. Из переулка вышел Малиот в деловом костюме тройка серого цвета, он широко улыбался и сжимал в пальцах золотой стебель одуванчика с лысой шляпкой. Цветок испарился облачком жёлтых искр, но семена остались лежать на асфальте, а их свет постепенно угасал.

— Вечер добрый, Бориска! Знаю, рот от удивления ты открыть не сможешь, но хотя бы руку убери.

Борис бросился к телам Аристократа и Виктора, они лежали рядом вольтом и оба ничком. Он приложил пальцы к шее татуировщика — живой. На голову Аристократа даже смотреть не стал. Малиот встал слева от него и громко рассмеялся.

— Ах, Борька-Борька, ты теперь хозяин тату-салона. Тебе эти слабаки больше не нужны. Внутренняя часть предплечья, на которую приземлились семена, начало покалывать и жечь. Борис схватился за руку и прижал её к себе. Он упёрся лбом в холодный асфальт — боль была невыносимая, крохотный участок кожи горел пламенем и это чувство начало подниматься выше.

— Ты чего это? Я же тебе ничего не... — Малиот не успел договорить потому, что в его грудь ударил поток пламени. Он потянул руки к обугленному кратеру на месте, где раньше было сердце, и, безнадежно хватая воздух ртом, упал навзничь.

Борис, не поднимаясь с колен, развернулся и увидел того самого одержимого в чёрной одежде и красной балаклаве из подвала родной пятиэтажки. Он держал в вытянутой руке карманные часы и рычал через сомкнутые зубы. Белков глаз не было видно, только два чёрных пятна, которое напоминали сквозные отверстия. Юноша попытался материализовать светошумовую гранату, но из татуировки даже дымок не пошёл. Циферблат часов раскалялся для следующего залпа, но рука одержимого поднялась выше, чем нужно. Раздался пистолетный выстрел и на плечи Бориса упали подхваченные лёгким ветерком бинты, от них пахло жжёными тряпками и одеколоном. Пуля попала одержимому в голову, и он упал на спину; часы выпали из его ладони, а циферблат, обращённый к светлomu ночному небу города, медленно потух.

Борис уселся на жёсткий асфальт и вытянул ноги. Он почувствовал покалывание в груди и тяжесть в шее — это накатывала грусть от трёх утерянных жизней. Боль в голове, как от стягивающего железного обруча, заглушала жжение в руке. Тем не менее, он терпел, ему хотелось наказать себя за беспечность и равнодушие. В спину подул сильный порыв ветра. Юноша поднял вверх саднящую руку и подставил её под прохладный поток. Ветер утих и за спиной послышался глубокий вдох и громкий выдох. Борис оттянул рукав рубашки и резко задёрнул его обратно. Головная боль практически полностью утихла, но грудь и шею сдавило, ладони вспотели и задрожали — чувство страха вернулось. Электрошокер-дубинка светилась золотом и испускала слабое свечение как цветы Малиота.

— Какая жалость, ничего не изменилось, а перед нами три трупа.

В затылок Бориса упёрся холодный ствол, но его лицо и глаза остались неподвижными. Страх ушёл так же быстро, как и появился.

В тёмной комнате сидели друг напротив друга двое: мужчина и женщина, и единственным источником света в этом тесном помещении была приоткрытая микроволновка.

— Что говорит ТОТ? Всё идёт по плану? — спросила женщина. Говорила она игриво, но при этом держала дистанцию.

— Он надеялся, что Олежа справится, но коммерс перегорел. Если бы он разгадал, в чём слабость моей силы, тогда бы он повелевал нашим уютным мирком, — ответил мужчина. Было слышно, как он говорит через улыбку, тон его весёлый и даже задорный.

— Я думаю, ты и один мог бы всё сделать. Блеснул Борису в глаза, и он благополучно пошёл в салон.

— Может быть. Но скорее всего, у него в голове засела бы мысль о том, что ему нужно идти в салон. А это уже странно, согласишься.

— Ой, прям и помечтать нельзя. Я толком ничего и не сделала, могла и не участвовать.

— Ты как раз таки выполнила основную задачу.

Женщина протянула руку в сторону микроволновки и широко развела пальцы. Дверца, словно движимая силой полтергейста, резко открылась. Свет переливался в волосах двух блондинов-собеседников, блестел на нежной женской шее, серьгах и подвеске в форме подков. Переливался на пуговицах рубашки и белоснежных зубах мужчины.

— Я вот думала-думала и не придумала, зачем ему их сводить?

— Мне как-то всё равно. Я надеялся, что Аристократ справиться с его-то опытом и ресурсами. У него столько унтов в подчинении было: экспериментируй — не хочу.

— Тебе-то что?

— План бы не пришлось менять. Я ж люблю стабильность, а от такой болтанки подташнивает.

— Приятно, что мы с тобой не такие мерзкие для роли надзирателей. Я бы сразу в расход пошла, а Малиота и Аристократа даже жалко.

— Ты бы могла их притянуть друг к другу. Ну...вместе они наверняка что-нибудь придумали.

Женщина хихикнула и, заливаясь смехом, прикрыла ладонью губы.

— Извини, не о том подумала. А если я ошибусь, ты со мной разделаешься?

— Ха-х, для тебя я подготовлю самый продуманный и виртуозный способ лишения жизни.

Женщина улыбнулась, нижняя губа подрагивала, а глаза были полны нежности.

— А я для тебя.

Они наклонились друг к другу и поцеловались.

Больше книг на сайте - Knigoed.net